

ЧЕЛОВЕК
.....
СООБЩЕСТВО
.....
УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный журнал

Том 18

№ 1 · 2017

ЧЕЛОВЕК СООБЩЕСТВО УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный
журнал

1-2017

Согласно ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ журнал относится к категории информационной продукции для детей, достигших возраста 12 лет

Дизайн обложки: С. Г. Ажгихин, М. Н. Марченко. Оригинал-макет: Д. А. Хрипков

Издается с марта 1999 г. Периодичность — 4 номера в год. Свидетельство о регистрации № Р2829 от 16 марта 1999 г. выдано Северо-Кавказским региональным управлением регистрации и контроля за соблюдением законодательства о средствах массовой информации и печати Комитета РФ по печати. Журнал распространяется по подписке. Цена свободная. Подписной индекс по каталогу «Роспечать» 46483.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов.

Журнал включен в утвержденный ВАК Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени по следующим отраслям науки: 19.00.00 — психологические науки; 22.00.00 — социологические науки; 23.00.00 — политология.

Учредитель:

Кубанский государственный университет

Адрес редакции:

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, к. 404-н. Тел.: (861) 219-95-63

Адрес издателя:

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149. Кубанский государственный университет

Статьи для публикации принимаются по эл. адресу: chsu1999@yandex.ru
Сайт журнала: <http://chsu.kubsu.ru>

Редакционная коллегия журнала:

Авдеева Т.Т., д-р экон. наук, проф. (*зам. гл. редактора*); **Бедерханова В.П.**, д-р пед. наук, проф.; **Ермоленко В.В.**, д-р экон. наук, доц.; **Жаде З.А.**, д-р полит. наук, проф.; **Иванов А.Г.**, д-р ист. наук, проф.; **Кимберг А.Н.**, канд. психол. наук, доц.; **Кольба А.И.**, д-р полит. наук, доц. (*зам. гл. редактора*); **Курбагова Г.С.**, отв. секретарь; **Лузаков А.А.**, д-р психол. наук, доц.; **Нарыков Н.В.**, д-р филос. наук, проф.; **Оберемко О.А.**, канд. социол. наук, доц.; **Ожигова Л.Н.**, д-р психол. наук, проф. (*зам. главного редактора*); **Остапенко А.А.**, д-р пед. наук, проф.; **Рябченко Н.А.**, канд. полит. наук (*тех. директор*); **Рябкина З.И.**, д-р психол. наук, проф.; **Филиппов Ю.В.**, канд. экон. н., проф.; **Фоменко Г.Ю.**, д-р психол. наук, проф.; **Юрченко В.М.**, д-р филос. наук, проф. (*зам. гл. редактора*).

Главный редактор:

Морозова Елена Васильевна, д-р филос. наук, проф. (КубГУ, Россия)

Редакционный совет журнала:

Алексеева Т.А., д-р филос. наук, проф. (МГИМО(У) МИД РФ, Россия); **Дмитриев А.В.**, д-р филос. наук, проф., член-корреспондент РАН (Институт социологии РАН, Россия); **Дёмин А.Н.**, д-р психол. наук, проф., (КубГУ, Россия); **Дженкинс Р.**, д-р социологии, проф. (Университет Шеффилда, Великобритания); **Журавлев А.А.**, д-р психол. наук, проф., член-корреспондент РАН (Институт психологии РАН, Россия); **Зинченко Ю.П.**, д-р психол. наук, проф. (МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия); **Знаков В.В.**, д-р психол. наук, проф. (Институт психологии РАН, Россия); **Кесслер Юрген**, д-р права, проф. (Ун-т прикладных технических и экономических наук Берлина, Германия); **Кузьмина Н.В.**, д-р психол. наук, проф. (РАО, Россия); **Подшивалкина В.И.**, д-р социол. наук, проф. (Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова, Украина); **Никовская Л.И.**, д-р социол. наук, проф. (Институт социологии РАН, Россия); **Оркени А.**, д-р социол. наук, проф. (Университет имени Лоранда Этвёша, Венгрия); **Поцелуев С.П.**, д-р полит. наук, проф. (ЮФУ, Россия); **Романова А.П.**, д-р филос. наук, проф. (Астраханский ГУ, Россия); **Семененко И.С.**, д-р полит. наук, проф. (ИМЭМО РАН, Россия); **Сморгунов Л.В.**, д-р филос. наук, проф. (СПбГУ, Россия); **Фадеева Л.А.**, д-р ист. наук, проф. (Пермский ГНИУ, Россия); **Шабров О.Ф.**, д-р полит. наук, проф. (РАНХиГС, Россия); **Швецов А.Н.**, д-р экон. наук, проф. (Институт системного анализа РАН, Россия); **Янушкявичене О.А.**, д-р пед. наук, д-р математики, проф. (Вильнюсский пед. ун-т, Литва).

ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ

- Терешина М.В., Баймаков И.С.* Экологическая идентичность местных сообществ как ресурс развития «зеленой» экономики 6
- Бориско О.А., Миронцева С.А.* Влияние культурно-образовательной среды региона на формирование региональной идентичности молодежи 17
- Тучина О.Р.* Национальная идентичность и исторический опыт личности: психологический аспект (на материале исследования русской молодежи Кубани) 30

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

- Головченко А.В.* Особенности участия РОДП «Яблоко», «Партии народной свободы» (ПАРНАС) и «Партии Роста» в предвыборных кампаниях 2016 г.: итоги и перспективы 45

МЕСТНЫЕ СООБЩЕСТВА

- Блохин В.Н.* Стратегия устойчивого развития – условие успешного управления сельскими территориями 56
- Казакова А.Ю.* Объекты культурного наследия как ресурс аттрактивности пригородной зоны Калуги 64

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

- Вейсова В.Э., Кузьмин П.В.* Противоречия и трудности становления профессиональной культуры политолога в условиях вуза (ценностный аспект) 75

ОБЗОРЫ

- Сазантович А. Б.* Политические коммуникации и публичная политика: концепции, методы, сравнение опыта (об итогах XVII Всероссийского семинара Исследовательского комитета РАПН по сравнительной политологии) 89
- Наши авторы 98
- К сведению авторов 100
- Порядок приёма и рецензирования рукописей 106

HUMAN COMMUNITY MANAGEMENT

Scientific Journal

1-2017

Published since March 1999 quarterly Registered under certificate № P2829 of March 16, 1999 issued by the North-Caucasus Regional Board on Registration and Monitoring of the Law on Mass Media and Press of the Russian Federation Committee for Press. Distributed by subscription. Free price. Subscription index in Rospechat catalogue 46483.

The position of the editorial board may not coincide with the opinion of the authors.

The journal is included by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation in the list of leading peer-reviewed scientific journals and periodicals. It publishes articles on the following fields of science: 19.00.00 — psychology; 22.00.00 — sociology; 23.00.00 — political science.

Founder:

Kuban State University

Editor's office address:

149 Stavropolskaya St., room κ. 404N,
Krasnodar 350040, Russian Federation
tel. +7(861)2199563

Founder's Address:

149 Stavropolskaya St., Kuban State University

Contributions for publication are accepted at
chsu1999@yandex.ru
Web-site: <http://chsu.kubsu.ru>

Editorial Board:

Prof. **Tatyana T. Avdeeva**, Dr. Sci. (Economics), *Deputy editor-in-chief*; Prof. **Vera P. Bederkhanova**, Dr. Sci. (Pedagogy); Prof. **Aleksandr G. Ivanov**, Dr. Sci. (History); Prof. **Zuriet A. Zhade**, Dr. Sci. (Political Science); Assist. Prof. **Vladimir V. Yermolenko**, Dr. Sci. (Economics); Assist. Prof. **Aleksandr N. Kimberg**, Cand. Sci. (Psychology); Assist. Prof. **Aleksey I. Kolba**, Dr. Sci. (Political Science), *Deputy editor-in-chief*; **Galina S. Kourbatova**, *Executive Editor*; Assist. Prof. **Andrey A. Louzakov**, Dr. Sci. (Psychology); Prof. **Nikolaj V. Narykov**, Dr. Sci. (Philosophy); **Oleg A. Oberemko**, Cand. Sci. (Sociology); Prof. **Liudmila N. Ozhigova**, Dr. Sci. (Psychology), *Deputy editor-in-chief*; Prof. **Andrey A. Ostapenko**, Dr. Sci. (Pedagogy); **Natalya A. Ryabchenko**, Cand. Sci. (Political Science), *Technical Director*; Prof. **Zinaida I. Ryabikina**, Dr. Sci. (Psychology); Prof. **Yuri V. Filippov**, Cand. Sci. (Economics); Prof. **Galina Yu. Fomenko**, Dr. Sci. (Psychology); Prof. **Viktor M. Yurchenko**, Dr. Sci. (Philosophy), *Deputy Editor-in-chief*

Editor-in-chief:

Prof. **Elena V. Morozova**, Dr. Sci. (Philosophy), Kuban State University; Krasnodar, Russia

Editorial Council:

Prof. **Tatyana A. Alekseeva**, Dr. Sci. (Philosophy), MGIMO University, Moscow, Russia; Rus. Acad. of Education, Moscow, Russia, Prof. **Anatoly V. Dmitriev**, Dr. Sci. (Philosophy), Rus. Acad. Sci. Corresp. Member, Rus. Acad. Sci. Institute of Philosophy, Moscow, Russia; Prof. **Andrey N. Diomin**, Dr. Sci. (Psychology), Kuban State University, Krasnodar, Russia; Prof. **Richard Jenkins**, Dr. Sci. (Sociology), University of Sheffield, Great Britain; Prof. **Yuri P. Zinchenko**, Dr. Sci. (Psychology), Moscow State University, Moscow, Russia; Prof. **Viktor V. Znakov**, Dr. Sci. (Psychology), Rus. Acad. Sci. Institute of Psychology, Moscow, Russia; Prof. **Anatoly L. Zhuravlev**, Dr. Sci. (Psychology), Rus. Acad. Sci. Full Member, Moscow, Russia; Prof. Dr. **Jürgen Keßler**, University of Applied Science, Berlin, Germany; Prof. **Nina V. Kuz'mina**, Dr. Sci. (Psychology), Rus. Acad. of Education, St. Petersburg, Russia; Prof. **Valentina I. Podshivalkina**, Dr. Sci. (Sociology), Odessa National University, Odessa, Ukraine; Prof. **Larissa I. Nikovskaya**, Dr. Sci. (Sociology), Rus. Acad. Sci. Institute of Sociology, Moscow, Russia; Prof. **Antal Orkeny**, DsC, Roland Eötvös University of Budapest, Hungary; Prof. **Sergey P. Potseluyev**, Dr. Sci. (Political Science), Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia; Prof. **Anna P. Romanova**, Dr. Sci. (Philosophy), Astrakhan State University, Astrakhan, Russia; Prof. **Irina S. Semenenko**, Dr. Sci. (Political Science), Rus. Acad. Sci. Institute of World Economy and International Relations, Moscow, Russia; Prof. **Leonid V. Smorgunov**, Dr. Sci. (Philosophy), St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; Prof. **Liubov A. Fadeeva**, Dr. Sci. (History), Perm State Research University, Perm, Russia; Prof. **Oleg F. Shabrov**, Dr. Sci. (Political Science), Russian Academy of Economy and Public Service, Moscow, Russia; Prof. **Aleksandr N. Shvetsov**, Dr. Sci. (Economics), Rus. Acad. Sci. Institute for System Analysis, Moscow, Russia; Prof. dr. **Olga Januškevičienė**, Lithuanian Educational University; Vilnius, Lithuania

IDENTITY PROBLEMS

- Tereshina M.V., Bashmakov I.S.* Ecological identity of local communities as a resource of “green” economy development. 6
- Borisko O.A., Mirontseva S.A.* Influence of cultural and education environment of the region on the formation of a regional youth identity 17
- Tuchina O.R.* National identity and historical experience of the person: the psychological aspect (on the material of the study young Russian Kuban) 30

POLITICAL INSTITUTES AND PROCESSES

- Golovchenko A.V.* Features of the participation of the Yabloko Party, the People's Freedom Party (PARNAS) and the Party of Growth in the election campaigns of 2016: results and prospects. 45

LOCAL COMMUNITIES

- Blokhin V.N.* Sustainable development strategy - condition for successful management of countryside 56
- Kazakova A.Y.* Objects of cultural heritage as a resource of attractiveness of the suburban area of Kaluga 64

PROBLEMS OF EDUCATION

- Veysova V.E., Kuzmin P.V.* The contradictions and difficulties in formation of professional culture of political scientist under university conditions (value aspect) 75

REVIEWS

- Sazantovich A.B.* Political communications and public policy: concepts, methods, comparison of experience (on the results of the XVII-th all-Russian seminar of the research committee of the Russian Political Science Association in comparative political studies). 89
- Our authors 99
- Information for the authors. 105
- Procedure for receiving and reviewing manuscripts. 107

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВ КАК РЕСУРС РАЗВИТИЯ «ЗЕЛеноЙ» ЭКОНОМИКИ¹

.....

Терешина М. В., Башмаков И. С.

Терешина Мария Валентиновна, Кубанский государственный университет,
350040, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.
Эл. почта: mwstepanova@mail.ru

Башмаков Игорь Станиславович, Кубанский государственный университет,
350040, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.
Эл. почта: igorbash87@mail.ru

Цель статьи — раскрытие социального контекста развития «зеленой» экономики и определение роли экологической идентичности местных сообществ в этом процессе. Главная задача исследования состояла в выявлении основных характеристик категории экологической идентичности как источника мотивации для принятия экономических решений и формирования спроса и предложения на рынках «зеленых» товаров и услуг. Методологической основой данного исследования послужил междисциплинарный подход, включающий сравнительный анализ зарубежного и отечественного научного дискурса относительно самого понятия «экологической идентичности», а также методы экономики идентичности, подчеркивающей роль идентичности для развития коллективных действий, преодоления негативных последствий социальных дилемм и определяющей нормы и цели экономического поведения людей. Авторами дана собственная дефиниция понятия «экологическая идентичность», показаны основные элементы формирования и актуализации экологической идентичности местных сообществ, рассмотрены основные эффекты влияния экологической идентичности на экономическое поведение.

Ключевые слова: «зеленая» экономика, экологическая идентичность, экологические товары и услуги, местные сообщества.

Увеличение частот колебаний мировых рынков, сопровождающееся кризисными ситуациями не только в сфере движения финансового, но и природного, и социального капиталов, создает стимулы для перехода на новый качественный уровень общественного воспроизводства. Парижские соглашения 2015 г. в области изменения климата определили будущую повестку мирового развития на основе «зеленой» экономики как долговременную и устойчивую глобальную тенденцию.

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 16-32-00016 «Разработка механизма имплементации концепта “зеленой экономики” в локальные практики местных сообществ».

Наиболее известным и распространенным в настоящее время является определение «зеленой» экономики, сформулированное ЮНЕП (Навстречу «зеленой» экономике. Обобщающий доклад для представителей властных структур, 2015): «зеленая» экономика — это экономика, которая обеспечивает долгосрочное повышение благосостояния людей и сокращение неравенства, при этом позволяя будущим поколениям избежать существенных рисков для окружающей среды и ее обеднения». В том же документе подчеркнута взаимосвязь между понятиями «зеленой» экономики и устойчивого развития. «Концепция “зеленой” экономики не заменяет собой концепцию устойчивого развития, однако сейчас все более распространено признание того, что достижение устойчивости почти полностью зависит от создания правильной экономики». Главными чертами «зеленой» экономики являются эффективное использование природных ресурсов, уменьшение загрязнений, снижение выбросов парниковых газов и энергоэффективность, предотвращение утраты экосистемных услуг и биоразнообразия, увеличение доходов и занятости населения.

Традиционно среди сфер, производящих «зеленые» товары и услуги, выделяют контроль за загрязнением воздуха, получение более чистой и возобновляемой энергии, энергоэффективность, производство экологически предпочтительных продуктов, экологические мониторинг, анализ и оценку, ликвидацию экологических загрязнений, управление отходами, а также сточными водами и очисткой воды.

Оценки мирового рынка экологических товаров и услуг неоднозначны, однако, по последним данным, его объем достиг в 2015 г. суммы в 1,05 трлн. дол. (2016 top markets report environmental technologies: A market assessment tool for U.S. exporters, 2016), демонстрируя при этом ежегодный рост около 6–7%.

Некоторые эксперты утверждают, что в движении капиталов наблюдается тенденция: отрасли «зеленой» экономики становятся все более привлекательными с точки зрения вложения инвестиций и их окупаемости. Крупнейшими участниками рынка считаются США (37%), страны Западной Европы (30%), Япония (18%) (Avery, Boadu, 2004).

Многие другие страны в настоящее время также демонстрируют явные успехи в переходе к «зеленой» экономике. При этом обычно главными факторами, определяющими эти достижения, считаются наличие сильной политической воли, способной на основе имеющихся государственных ресурсов трансформировать сложившиеся политические, экономические и социальные институты в сторону их «озеленения», и высокий общий уровень развития инновационных наукоемких «зеленых» технологий.

Не умаляя значение этих факторов, представляется, что широкая диффузия практик «зеленой» экономики не может происходить вне определенного социального контекста, который создает социальный запрос местных сообществ на выгоды, связанные с «зеленым» экономическим ростом, и, будучи мощным

источником мотивации для принятия экономических решений в этой области, формирует спрос и предложение на рынках «зеленых» товаров и услуг.

Под местным сообществом в данном случае понимается группа людей в природной окружающей среде, обладающая географическими, политическими и социальными границами, развитым общением друг с другом, взаимодействующая для достижения определенных целей и обладающая общностью ценностей, чувством принадлежности и сопричастности к событиям в сообществе, чувством ответственности перед сообществом и т.д. (Филиппов, Авдеева, 2011).

Один из основоположников теории экологической модернизации М. Хайер (Hajer, 1995) еще в 1995 г. писал, что «экомодернизационный дискурс признает структурный характер проблем окружающей среды, однако предполагает, что существующие политические, экономические и социальные институты вполне способны в ходе исторического развития стать более эко-эффективными». Однако впоследствии, анализируя деятельность европейских стран по предотвращению и адаптации к изменению климата, тот же автор предостерегал от того, чтобы главный акцент делался на совершенствовании и создании новых технологий и установлении общеевропейских стандартов, которые во многом игнорировали неодинаковое значение и влияние, производимое ими в разнообразных европейских культурах. Тем самым процесс перехода к «зеленой» экономике может утратить социальную и культурную составляющую и приобрести, по выражению Д. Барри (Barry, 2007), «менеджерский характер, лишенный человеческого смысла».

Подобная упрощенная интерпретация концепции «зеленой» экономики приводит к тому, что даже наличие политической воли не является определяющим в этом процессе, а попытки имплантировать успешный внешний опыт развития «зеленой» экономики на чужеродную социальную почву сталкиваются с серьезными препятствиями.

Представляется, что новый тип экономики требует глубокого анализа социального контекста своего формирования, в том числе на основе методов, предлагаемых экономикой идентичности, подчеркивающей роль идентичности для развития коллективных действий, преодоления негативных последствий социальных дилемм и определяющей нормы и цели экономического поведения людей.

Впервые возрастание значимости групповой идентичности в принятии экономических решений ввел в экономическую науку Г. Бэккер (Becker, Murphy, 1988), разработавший способы представления многообразия реальных стимулов и предпочтений «экономического» человека. Впоследствии различные модели социального контекста в принятии экономических решений были описаны Д. Акерлоф (Akerlof, Kranton, 2010) и в трудах нобелевского лауреата Э. Остром (Остром, 2011), внесшей значительные коррективы в теорию «трагедии общего пользования» Г. Хардина и показавшей возможности местных сообществ в эффективном использовании общих природных ресурсов.

Категория идентичности достаточно хорошо разработана в научном плане, в том числе на основе междисциплинарного подхода, хотя экономическая её составляющая недавно стала предметом исследования. При этом феномен экологической идентичности, его содержательный и динамический аспекты, а также его место в более широкой структуре механизмов регуляции социального поведения, довольно редко попадает в поле зрения исследователей.

Не задаваясь в рамках данной статьи целью детальной конкретизации и операционализации категории экологической идентичности, попробуем обозначить те её аспекты, которые могут оказывать влияние на развитие «зеленой» экономики.

Наиболее близкими к понятию экологической идентичности, хотя и не тождественными ему, являются категории экологического сознания, экологического мировоззрения, экологического мышления и экологической культуры, которые начали появляться в зарубежной и отечественной литературе вслед за развитием экологического движения с 1960-х гг.

Большинство исследований касаются персонального или индивидуального уровня экологической идентичности. Так, по мнению американского исследователя М. Томашева, «экологическая идентичность — это различные способы восприятия себя в связи с окружающей средой, что проявляется в характере, ценностях, действиях, чувстве собственного Я. Природа выступает в качестве объекта идентификации» (Thomashow, 1996).

Похожее значение имеет понятие экологического Я (ecological self), предложенное Р. Уилсоном, описывающим экологическое Я в качестве личностных связей с окружающей средой и отношения к ней (Wilson, 2012).

Одними из родоначальников концепции экологического сознания стали исследователи Далап и Ван Лиер. Согласно их мнению, экологическое сознание — это степень осознания человеком новой экологической парадигмы (Dunlap, Van Liere, 2000).

Несмотря на внешнюю схожесть с другими близкими категориями, понятие экологической идентичности даже на персональном уровне имеет некоторые отличия, поскольку категория экологической идентичности, на наш взгляд, является более широким понятием. Экологическая идентичность, включая степень осознания экологических проблем и соответствующее поведение, основывается на ощущении единства с природой и окружающей природной средой и создает определенные социальные нормы, максимизируя полезность действий индивида в том случае, если они соответствуют нормам.

К одним из важнейших факторов, поддерживающих и формирующих сильную экологическую идентичность, относится так называемое чувство места, которое является неотъемлемым компонентом теории местных сообществ. Маргарет Гуч (Gooch, 2002) описывает это чувство как глубокую и личную связь с определенным местом. Исследуя поведение волонтеров, работавших в экологических

организациях в Австралии, исследовательница заметила, что основной причиной для их вовлеченности в работу было желание узнать конкретное место лучше. Это формировало эмоциональную привязанность к природе. Чувство места — это не только причастность к окружающей природе, но и к людям, с которыми проводишь время на природе вместе.

Наши исследования, проведенные в Краснодарском крае (Терешина, 2008), а также результаты, полученные в рамках реализации международного проекта «Европейская идентичность, культурное разнообразие и политические изменения», подтверждают эту гипотезу. Несмотря на существующие отличия в культурных и поведенческих паттернах, различный социальный опыт членов местных сообществ, ощущение экологической идентичности опирается на объективные природные черты территории, интегрируя при этом субъективные реальности во всех измерениях жизни. В этом случае экологическая идентичность реализуется как общее чувство сопричастности через идентификацию с отдельными элементами определенной природной среды и усиливается благодаря ей.

Один из перспективных путей формирования экологической идентичности лежит через создание экорегиональной идентичности, т.е. принадлежности к определенному региону, его природной и социальной среде. Экорегиональная идентичность подразумевает заботу об окружающей природе, самодостаточность региона, она усиливает стремление жить и работать на благо местного сообщества. Тем более что и сама территория может быть экологическим товаром, который можно продвигать с целью привлечения инвесторов для развития специфического экологоориентированного хозяйственного комплекса, например, экотуристической отрасли. В сообществах, где связь людей и окружающей местности сильна, большая роль отводится социальным обязанностям, родственным связям и корням, а также заботе о детях, которые будут сохранять местные традиции, получая при этом «экологическую ренту» от качества среды территории проживания.

Экологическая идентичность, включающая поведенческие элементы, такие как любовь к малой родине, готовность разделять и соблюдать экологические практики и нормы, принятые в сообществе, достаточно близка к понятию локальной идентичности, однако далеко не всегда является тождественным ему. Поскольку, во-первых, различные члены местного сообщества с точки зрения экологической идентичности могут выступать как аут-группы по отношению друг к другу, а во-вторых, экологическая идентичность может сохраняться как конструкт даже после перемены места жительства и разрушения привычной сети социальных связей.

Необходимым элементом процесса формирования экологической идентичности является экологическая грамотность, знание основ экологической науки, пусть даже на обыденном уровне, и владение четкими представлениями о закономерностях функционирования экосистем. Как отмечает М. Томашев, экологическая грамотность хорошо дополняет экологическую идентичность, они обе способствуют

накоплению знаний о природе, подчеркивают важность непосредственной связи и необходимость сознательной ориентации (Thomashow, 1996). Люди, чья деятельность напрямую связана с природой и зависит от качества природной среды, как правило, обладают более сильной экологической идентичностью.

Экологическая идентичность часто актуализируется под воздействием природных катаклизмов, катастроф и неблагоприятных экологических воздействий. В этом случае приходит понимание важности окружающей природы для человека, его зависимости и слабости по сравнению с силами природы. Экологические риски служат катализатором конструирования экологической идентичности, зачастую на основе однонаправленного протеста, например против вырубке деревьев, застройки зеленых зон и т.п., хотя готовность членов местных сообществ к коллективным действиям с целью оптимизации экологических, экономических и социальных интересов распространяется гораздо шире, формируя определенную экологическую идентичность. Региональная специфика проблем рационального природопользования и охраны окружающей среды не только довольно жестко способствует консолидации и солидаризации местных сообществ по экологической теме, но и определяет как социальный запрос на экологически безопасное ведение хозяйства, так и рыночный спрос на определенные виды экологических товаров и услуг в соответствии с местными особенностями.

Актуализация экологической идентичности также происходит в контексте соблюдения определенных социально-экологических норм. Так, подобно социальным идентичностям, формирующимся во взаимодействии с социальными группами и ключевыми агентами идентичности, экологическая идентичность усиливается в результате общения с людьми, которые уже обладают экологической идентичностью. С. Завестоский отмечает, что «идентичности имеют тенденцию усиливаться и возрастать в особенности в результате взаимодействия с теми, кто является их носителями» (Zavestoski, 2003). Важный способ формирования экологической идентичности — это занятость в сфере, где экологическая идентичность приветствуется или требуется. Это может быть занятость в сфере экологического активизма и консалтинга, экологической науки или образования. Экологическая идентичность также формируется в некоммерческом секторе, сфере социального предпринимательства и «зеленой экономики». Коллеги, работая вместе и постоянно общаясь, усиливают и развивают друг в друге чувство экологической идентичности (Zavestoski, 2003).

Интересны исследования, проведенные в Польше, где в течение последних лет наблюдается значительное усиление спроса на экологически чистые продукты. «На польском рынке мы видим, можно сказать, весну: много говорится об экологии, дети в школах получают информацию об эко-продуктах... В связи с этим потребители ищут на упаковках продуктов знак «экологически чистый». Наблюдается также большой интерес со стороны торговых сетей к эко-продуктам, особенно фруктам и овощам» (Экономический обзор радио Польша 25.10.2016).

Анализ теоретических и эмпирических данных позволяет определить экологическую идентичность как многообразие способов, с помощью которых отдельный человек или группа людей осознает себя по отношению к окружающей природной среде и процессам изменений экологических условий территории проживания. К характеристикам экологической идентичности относятся общность экологических интересов, близкие экологические ценности и представления, нормы взаимодействия с окружающей природной средой и общие способы выбора действий в принятии экологически значимых решений.

Сознательное объединение и сотрудничество субъектов хозяйствования с целью сохранения и воспроизводства эколого-социоэкономического ландшафта территории — одна из форм проявления экологической идентичности и важнейшая предпосылка развития «зеленой» экономики.

Экономическое измерение экологической идентичности раскрывается в связи с тем, что человек предпочитает действия, которые максимизируют для него полезность в условиях определенных норм и социальных категорий.

Формирование спроса на «зеленые» товары и услуги включает не только рациональную составляющую, которая связана непосредственно с потребительскими характеристиками этих товаров и услуг как таковых. Тем более что в большинстве случаев цены на эти товары выше, чем на обычные, а развитие «зеленых» технологий требует дополнительных инвестиций или финансовых вложений, затрат на которые можно избежать, используя традиционные методы ведения хозяйства.

Если со значительной долей уверенности предположить, что в спросе на «зеленые» товары и услуги в настоящее время доминируют все же неценовые факторы, то во многом экологическая идентичность будет определять предпочтения людей в отношении выбора товаров, услуг или способов действий в экологически релевантном направлении.

При этом можно рассмотреть несколько видов эффектов воздействия экологической идентичности на экономическое поведение.

Социальный эффект, основанный на нормативных представлениях о необходимости здорового экологичного образа жизни, методах экологического образования и воспитания, интегрирующих в систему ценностей потребителей необходимость защиты и сохранения природной среды, а также технологиях экологического маркетинга, включающих следование экологическим стандартам, обусловлен следованием общепринятым нормам поведения и предпочтением товаров или услуг с минимальным объемом негативных внешних эффектов. Повышение уровня доходов и качества жизни создает дополнительные условия для социального эффекта, так как «зеленые» товары или услуги относятся к числу нормальных или высших благ.

Спекулятивный эффект связан с ожиданиями потребителей, когда осознание угрозы потери здоровья или потенциальных финансовых потерь стимулирует

потребление «зеленых» товаров (например, оборудования по очистке воды или солнечных аккумуляторов) для удовлетворения базовой потребности в безопасности. Применение прямых и косвенных методов регулирования, которые использует государство, таких как различного рода преференции производителям и потребителям, могут значительно усилить этот эффект.

Достаточно важным представляется вопрос о том, почему во многих случаях сформированная экологическая идентичность, находящая свое выражение в бережном отношении к окружающей природной среде, поддержании существующих местных традиций природопользования, приверженности местным «экологически чистым» продуктам, не стимулирует спрос местных сообществ на развитие природосберегающих технологий и производство «зеленых» товаров и услуг?

На наш взгляд, ответ заключается в ограниченной рациональности потребителей, обусловленной высокими транзакционными издержками поиска информации на рынках «зеленых» товаров и услуг, а также сложившимися устойчивыми стереотипами хозяйствования и отсутствием интереса к нововведениям. Неоднозначность параметров экологичности многих «зеленых» товаров и услуг также вызывает дополнительные предпосылки для увеличения транзакционных издержек при оценке качества товаров и услуг. Для повышения уровня рациональности существуют такие методы, как экологическая сертификация и стандартизация, экологическая экспертиза, повышение уровня экологической грамотности и экологической культуры в целом.

Переход к «зеленой» экономике — это сложный и структурно неоднородный процесс, импульсы для развития которого инициируются целым комплексом факторов. Представляется, что социальный контекст этого процесса, включающий влияние экологической идентичности местных сообществ на формирование спроса на рынках «зеленых» товаров и услуг рынков, имеет достаточно важное значение.

Библиографический список

1. Навстречу «зеленой» экономике: Обобщающий доклад для представителей властных структур (2015). Режим доступа: <http://web.unep.org/greenecology/resources/uncovering-pathways-towards-inclusive-green-economy-summary-leaders>
2. Остром, Э. (2011). *Управляя общим. Эволюция институтов коллективной деятельности*. Москва: Мысль, ИРИСЭН.
3. Терешина, М. В. (2008). Особенности формирования и функционирования регионального рынка экологических товаров и услуг (на примере Краснодарского края). *Региональная экономика: теория и практика*, 33, 50–58.
4. Филиппов, Ю. В., Авдеева, Т. Т. (ред.) (2011). *Основы развития местного хозяйства: учебное пособие*. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Логос.
5. Экономический обзор радио Польша (2016, 25 октября). Режим доступа: <http://radiopolsha.pl/6/249/Artykul/276978>

6. 2016 top markets report environmental technologies: A market assessment tool for U.S. exporters U. S. Department of Commerce. International Trade Administration. Industry & Analysis (I&A) (2016, June). Retrieved from: http://www.trade.gov/topmarkets/pdf/Environmental_Technologies_Top_Markets_Report.pdf
7. Akerlof, G. A. & Kranton, R. E. (2010). *Identity Economics*. Princeton and Oxford: Princeton University Press.
8. Avery, B. & Boadu, F. O. (2004). Global Demand for U. S. Environmental Goods and Services. *Journal of Agricultural and Applied Economics*, 4, 49–64. Retrieved from: <http://ageconsearch.umn.edu/bitstream/42895/2/Avery%20JAAE%20April%202004.pdf>
9. Barry, J. (2007). Towards a model of green political economy: From ecological modernisation to economic security. *International Journal of Green Economics*, 1 (3), 446–464.
10. Becker, G. S. & Murphy, K. M. (1988). A theory of Rational Addiction. *The Journal of Political Economy*, 96 (4), 675–700.
11. Dunlap, R. & Van L., K. (2000). Measuring endorsement of the new ecological paradigm: A revised NEP scale. *Journal of Social Issues*, 56 (3), 425–442.
12. Gooch, M. (2002). *A sense of place: Ecological identity as a driver for catchment volunteering*. Retrieved from http://www.ozcoasts.gov.au/nrm_rpt/pdf/RRR03_Sense_of_place.pdf
13. Hajer, M. (1995). *The politics of environmental discourse*. Oxford: Oxford University Press.
14. Thomashow, M. (1996). *Ecological identity: Becoming a reflective environmentalist*. Cambridge: MIT Press.
15. Wilson, R. (2012). *Nature and young children: Encouraging creative play and learning in natural environments*. New York: Routledge.
16. Zavestoski, S. (2003). Constructing and maintaining ecological identities: The strategies of deep ecologists. In S. Clayton and S. Opatow (Eds.) *Identity and the Natural Environment: The Psychological Significance of Nature* (pp. 297–316). Cambridge: MIT Press.

Статья поступила в редакцию 26.10.2016.

.....

ECOLOGICAL IDENTITY OF LOCAL COMMUNITIES AS A RESOURCE OF “GREEN” ECONOMY DEVELOPMENT

Tereshina M. V., Bashmakov I. S.

Tereshina Maria Valentinovna, Kuban State University, 350040, Russia, Krasnodar region,
Krasnodar, str. Stavropol'skaja, 149. E-mail: mwstepanova@mail.ru

Bashmakov Igor Stanislavovich, Kuban State University, 350040, Russia, Krasnodar region,
Krasnodar, str. Stavropol'skaja, 149. E-mail: igorbash87@mail.ru

The aim of this article is uncovering of social context of «green economy» development and determination of the role of local communities ecological identity in this process. The main purpose of the research consisted in the description of ecological identity as the resource for motivation in the economic decision-making, as well as supply and demand factor on the «green» market of goods and services. Methodological basis of this work is interdisciplinary approach, including comparative analysis of foreign and domestic scientific discourse of ecological identity, as well as methods of identity economics, that emphasize the role of identity for the collective actions, overcoming of social dilemmas negative implications and determin-

ing norms and aims of economic behavior of people. The authors propose their own definition of ecological identity notion, describe the main elements of formation and actualization of local communities ecological identity, and consider the effects of ecological identity on the economic behavior.

Key words: “green” economy, ecological identity, ecological goods and services, local communities.

References

1. Navstrechu “zelenoj” ekonomike: Obobshhajushhij doklad dlja predstavitelej vlastnyh struktur. (2015). [Towards a Green Economy: report for government representatives]. Retrieved from: <http://web.unep.org/greeneconomy/resources/uncovering-pathways-towards-inclusive-green-economy-summary-leaders>
2. Ostrom, Je. (2011). *Upravljaja obshhim. Jevoljucija institutov kollektivnoj dejatel'nosti* [Governing the commons. The evolution of institutions for collective action]. Moskva: Mysl', IRISJeN.
3. Tereshina, M. V. (2008). Osobennosti formirovaniya i funkcionirovaniya regional'nogo rynka jekologicheskikh tovarov i uslug (na primere Krasnodarskogo kraja) [Specifics of formation and functioning of regional ecological goods and services market in Krasnodar region]. *Regional'naja ekonomika: teoriya i praktika* [Regional economics: theory and practice], 33, 50–58.
4. Filippov, YU. V., Avdeeva, T. T. (red.) (2011). *Osnovy razvitija mestnogo hozjajstva: uchebnoe posobie* [Basics of local economy development: textbook]. 2-e izd., pererab. i dop. Moskva: Logos.
5. Jekonomicheskij obzor radio Pol'sha (2016, 25 oktyabrya). [Economic review of radio Poland]. Retrieved from: <http://radiopolsha.pl/6/249/Artykul/276978>
6. 2016 top markets report environmental technologies: A market assessment tool for U.S. exporters U. S. Department of Commerce. International Trade Administration. Industry & Analysis (I&A) (2016, June). Retrieved from http://www.trade.gov/topmarkets/pdf/Environmental_Technologies_Top_Markets_Report.pdf
7. Akerlof, G. A. & Kranton, R. E. (2010). *Identity Economics*. Princeton and Oxford: Princeton University Press.
8. Avery, B. & Boadu, F. O. (2004). Global Demand for U. S. Environmental Goods and Services. *Journal of Agricultural and Applied Economics*, 4, 49–64. Retrieved from: <http://ageconsearch.umn.edu/bitstream/42895/2/Avery%20JAAE%20April%202004.pdf>
9. Barry, J. (2007). Towards a model of green political economy: From ecological modernisation to economic security. *International Journal of Green Economics*, 1 (3), 446–464.
10. Becker, G. S. & Murphy, K. M. (1988). A theory of Rational Addiction. *The Journal of Political Economy*, 96 (4), 675–700.
11. Dunlap, R. & Van Liere, K. (2000). Measuring endorsement of the new ecological paradigm: A revised NEP scale. *Journal of Social Issues*, 56 (3), 425–442.
12. Gooch, M. (2002). *A sense of place: Ecological identity as a driver for catchment volunteering*. Retrieved from: http://www.ozcoasts.gov.au/nrm_rpt/pdf/RRR03_Sense_of_place.pdf
13. Hajer, M. (1995). *The politics of environmental discourse*. Oxford: Oxford University Press.

14. Thomashow, M. (1996). *Ecological identity: Becoming a reflective environmentalist*. Cambridge: MIT Press.
15. Wilson, R. (2012). *Nature and young children: Encouraging creative play and learning in natural environments*. New York: Routledge.
16. Zavestoski, S. (2003). Constructing and maintaining ecological identities: The strategies of deep ecologists. In S. Clayton and S. Opatow (Eds.) *Identity and the Natural Environment: The Psychological Significance of Nature*. (pp. 297–316). Cambridge: MIT Press.

ВЛИЯНИЕ КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ РЕГИОНА НА ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ¹

.....

Бориско О. А., Миронцева С. А.

Бориско Ольга Александровна, Кубанский государственный университет,
350040, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.
Эл. почта: olgbor@mail.ru

Миронцева Светлана Александровна, Кубанский государственный университет,
350040, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.
Эл. почта: mirontseva@mail.ru

В статье представлены результаты теоретического исследования влияния культурно-образовательной среды региона на формирование региональной идентичности молодежи в рамках политологического подхода.

Проведен анализ различных определений понятий «культурно-образовательное пространство», «культурно-образовательная среда», «культурно-образовательное пространство региона» и «культурно-образовательная среда региона». Сформулировано авторское понимание сущности культурно-образовательной среды региона на основе междисциплинарного подхода.

В данной статье исследуются теоретические основы региональной идентичности молодежи, также анализируется роль культурно-образовательной среды региона в формировании региональной идентичности молодежи. Для понимания специфики процесса формирования региональной идентичности молодежи субъектами культурно-образовательной среды авторы обратились к двум подходам: символическому интеракционизму и социальному конструктивизму, выявляя для себя основное определение в понимании сущности региональной идентичности в целом и специфики региональной идентичности молодежи. В работе отмечается роль культурной, образовательной и молодежной политики в процессе формирования региональной идентичности молодежи.

Авторы в своем исследовании рассмотрели различные государственные и негосударственные акторы культурной и образовательной среды, которые могут оказать влияние на формирование региональной идентичности молодежи, а также взаимодействие этих акторов. Влияние данных субъектов на формирование региональной идентичности молодежи было проиллюстрировано некоторыми региональными примерами и практиками, реализуемыми в Краснодарском крае.

В завершении авторы сформулировали вывод о том, что культурно-образовательная среда региона должна создавать необходимые условия для актуализации значимого прошлого опыта, важных для регионального сообщества традиций, а также сочетать эти условия с инновационными культурно-образовательными практиками для укре-

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 16-13-23026 «Формирование региональной идентичности молодежи в культурно-образовательной среде Краснодарского края» (2016–2017 гг.).

нения настоящего и формирования устойчивой региональной идентичности и благоприятного образа будущего у молодежи. Это необходимо учитывать при организации культурно-образовательной и молодежной политики региона и во взаимодействии субъектов культурно-образовательной среды региона.

Ключевые слова: культурно-образовательная среда, культурно-образовательная среда региона, молодежь, региональная идентичность, региональная идентичность молодежи, культурная политика, образовательная политика, молодежная политика.

Исследования региональной идентичности в современной России продолжают быть достаточно актуальными, так как в России большое разнообразие регионов, в том числе поликультурных, со сложным составом населения, многообразием социально-культурной среды. В условиях нестабильности, возникновения экономической, социальной, межэтнической и межкультурной напряженности обращение к проблемам развития региональной культурно-образовательной среды в целом и влияния данной среды на формирование региональной идентичности представляется значимым.

Культура и образование играют огромную роль в развитии современного общества, передавая знания, ценности, традиции, жизненный и творческий опыт от поколения к поколению, развивая систему знаний и представлений о современности, закладывая и формируя образ будущего. Особое значение приобретает образовательное, ориентирующее и формирующее ценности, воспитательное и социализирующее влияние культуры и образования на молодежь.

Потенциал культурно-образовательной среды, в том числе региональной, может способствовать актуализации интереса у молодежи к историко-культурным ценностям, формированию чувства патриотизма, повышению уровня групповой идентификации и толерантности, формированию механизмов передачи ценностных ориентиров и выстраиванию позитивных смыслов. Все это может стать важным условием развития устойчивых территориальных сообществ. Таким образом, считаем значимым и актуальным исследование влияния культурно-образовательной среды региона на формирование в ее рамках региональной идентичности молодежи, в том числе через направленное воздействие культурно-образовательной политики и молодежной политики региона.

В настоящее время существует многообразие различных научных подходов в выявлении сущности и определении понятия «культурно-образовательная среда» в целом и «культурно-образовательная среда региона» в частности. Данный феномен носит междисциплинарный характер и формируется прежде всего в рамках педагогики, культурологии, философии, истории, психологии и социологии на стыке понятий «образовательная среда» и «культурная среда». Кроме того, некоторые исследователи употребляют его практически в качестве синонима такого феномена, как «культурно-образовательное пространство», которое в свою очередь также разделяют на «культурное пространство» и «образовательное пространство».

В то же время есть много работ, где сравниваются «пространство» и «среда», «образовательное пространство» и «образовательная среда», «культурно-об-

разовательное пространство» и «культурно-образовательная среда» и в ходе сравнения выявляются схожие характеристики и различия данных явлений. Многие исследователи отмечают, что в широком смысле «пространство» и «среда» являются близкими, но не синонимичными понятиями. Под «пространством» и «средой» часто подразумевают набор определенным образом связанных между собой условий, которые могут оказывать влияние на человека. При этом в большинстве своем в определении пространства не подразумевается включенность в него человека. Выделяется то, что пространство может существовать и независимо от включенности человека. В определении среды также отмечают отражение взаимосвязи условий, обеспечивающих развитие человека. В понятии «среда» подчеркивается присутствие человека в среде, взаимовлияние, взаимодействие окружения с данным субъектом (Кривых, 2011). В определении сущности среды также обращают внимание на совокупность людей, связанных общностью условий, оказывающих на них влияние.

Совокупность культурно-воспитательных и образовательных условий, в которых происходит социализация молодежи, в современной педагогике обозначается понятием «культурно-образовательная среда». Культурно-образовательная среда, по мнению М. П. Артамоновой, это динамичная совокупность культурно-образовательных условий и людей, действующих в этих условиях, имеющая подвижные пространственно-временные границы, обеспечивающая социализацию личности и в то же время развивающаяся в результате деятельности человека. Автор считает, что в культурно-образовательной среде осуществляются процессы, связанные с формированием личности, культурным развитием индивидов и социальных групп, передачей социокультурного опыта (Артамонова, 2014).

Е. С. Мертенс провела аналитический обзор современных подходов к трактовке «культурно-образовательной среды» как сложного интегрированного понятия в рамках педагогического исследовательского поля. Следует отметить, что Е. С. Мертенс в результате формулирует наиболее обобщенное и комплексное понимание сущности «культурно-образовательной среды», которая, по ее мнению, представляет собой совокупность образовательно-обучающих и культурно-воспитывающих условий, отражающих политическое и социально-экономическое развитие, состояние духовно-нравственной сферы общества, национально-культурные и исторические традиции, а также развивает и формирует личность (Мертенс, 2006).

Также отметим основные характеристики культурно-образовательной среды: формирующее влияние среды; наличие субъектов, оказывающих формирующее влияние; связь со временем и пространством; преемственность и использование имеющегося опыта; динамичность и изменчивость.

В культурно-образовательном пространстве и культурно-образовательной среде, образующейся в пределах одной страны, выделяют территориальные уровни:

- общегосударственный;
- региональный (субъекты федерации в федеративном государстве);
- муниципальный.

Под культурно-образовательным пространством региона И. Я. Мурзина понимает сложную организованную целостность, в которой ключевыми элементами выступают сферы культуры и образования, транслирующие и актуализирующие смыслы, созданные в процессе человеческой деятельности в регионе, влияющие на идентичность жителей и их образ жизни. Данный автор представляет культурно-образовательное пространство региона как систему координат, в которой реализуется человеческая деятельность, где «вертикаль» — это смыслы культуры (мировоззренческие, нравственные и др.), а «горизонталь» — географическое пространство, в котором они пребывают (Мурзина, 2014).

Е. П. Белозерцев понимает под «культурно-образовательной средой региона» сложное, интегрированное явление, способствующее изучению факторов, условий, средств учебно-воспитательного процесса; рассматривает данную среду как показатель уникальности территории и способ описания особенностей педагогической практики, присущих конкретной территории и зависящих от специфики местных условий соединения «культуры» и «образования» (Белозерцев, 2008).

Таким образом, сформулируем обобщенное авторское понимание сущности «культурно-образовательной среды региона» как сложного явления, представляющего собой динамичную совокупность образовательно-обучающих и культурно-воспитывающих условий формирования, социализации, и развития личности (в том числе на основе региональной идентичности), с участием различных акторов, включенностью самой личности, социальных групп и совокупности членов региональной общности, связанных данными условиями, а также взаимовлиянием культурно-образовательной среды региона с социализирующей личностью и региональным сообществом в целом и взаимодействием между субъектами культурно-образовательной среды, где образовательно-обучающие и культурно-воспитывающие условия имеют пространственно-временные границы и уникальные региональные особенности: политическое и социально-экономическое развитие региона, состояние духовно-нравственной сферы регионального сообщества, культурные ценности и традиции, исторический и социокультурный опыт региона, а также символические средства, отражающие ценности, традиции и уникальность развития региона.

Важными качественными результатами социализирующего влияния культурно-образовательной среды как на отдельного индивида, так и на социальные группы и всю региональную общность будут: приобретение знаний о регионе проживания (малой родине), о региональном социуме; формирование позитивного образа региона и положительного отношения к базовым ценностям

регионального сообщества, патриотических чувств к малой родине, толерантности, а также возможности получения опыта участия в различных проектах, реализации социальных инициатив, творческой деятельности, что, безусловно, и формирует региональную идентичность.

В государствах, состоящих из поликультурных регионов, вопросы формирования региональной идентичности становятся сегодня очень актуальными. Особое внимание уделяется процессу формирования региональной идентичности молодежи как самой активной и мобильной социальной группы. Региональная идентичность позволяет отразить ценностные ориентации молодежи, состояние и динамику ее настроений, поведенческий потенциал молодых людей.

Для понимания специфики процесса формирования региональной идентичности молодежи субъектами культурно-образовательной среды необходимо обратиться к двум подходам: символическому интеракционизму и социальному конструктивизму. Представители символического интеракционизма (Ч. Кули, Дж. Мид, Ш. Страйкер) рассматривают идентичность как фактор и результат социального взаимодействия. Для исследователей важен процесс социальной интеракции, значимым фактором при формировании идентичности выступает влияние социального окружения. Конструктивисты (Б. Андерсон, П. Бергер, Т. Лукман, Н. Луман и др.) считают, что идентичность — результат социального конструирования (Бергер, Лукман, 1995). Сегодня при рассмотрении понятия идентичности конструктивизм является доминирующим научным подходом (Фадеева, 2016).

Региональную идентичность мы будем понимать как «комплекс символических и идейных установок и смыслов, связанный с процессом интерпретации регионального своеобразия, через который уникальность региона приобретает осязаемые черты в образах, символах и мифах, разделяемых членами регионального сообщества» (Семененко (ред.), 2011). Региональная идентичность — это отождествление себя с территорией, самоидентификация с общностью, проживающей в данном регионе и обладающей определенными особенностями. Внутригосударственный регион рассматривается проживающими там людьми как «особая часть» страны. Для рассмотрения концепта региональной идентичности важны элементы, связанные с культурными, этническими, религиозными характеристиками региона, политическими и экономическими отношениями в регионе, значимостью региона в структуре межрегиональных отношений в государстве, его потенциалом. В процессе региональной идентификации человека происходит отождествление себя с региональной общностью и выделение своей общности из населения всего государства, определение «других» или «остальных», сопоставление интересов, ценностей, оценок, характерных для жителей своего региона с «чужими» ценностями и интересами.

В структуре идентичности выделяют три основных компонента — когнитивный, эмоционально-оценочный и поведенческий. Отметим специфику

региональной идентичности молодежи. Особенности этой социальной группы влияют на характер всех трех составляющих в структуре региональной идентичности. Оставаясь максимально открытыми к получению новых знаний, молодые люди, обучаясь в старшей школе, в средних и высших учебных заведениях, уже способны к критическому анализу происходящих в регионе, стране и мире событий. Молодежь готова к формулированию собственной оценки событий, действий, способна к выражению и аргументированию своей точки зрения. Молодых людей достаточно легко привлечь к участию в мероприятиях и акциях.

Субъектами, формирующими представления молодежи о регионе, его истории, культуре, влияющими на отношение молодых людей к региону, выступают государственные и муниципальные органы власти, учреждения образования и культуры и институты гражданского общества. Региональные органы государственной власти разрабатывают и реализуют комплексную политику по формированию ценностей, оценок и представлений молодежи.

Основные знания о регионе, его истории, культуре молодые люди получают в процессе реализации образовательной политики. Процесс усвоения этих знаний отличается системностью и поэтапным усвоением. Только в данном процессе стоит уделять внимание не только истории развития региона, так как в этом случае возникает опасность увидеть в истории «утраченный рай» и те возможности, которые он содержал (Мурзина, 2014). Знания, получаемые молодежью с помощью деятельности субъектов культурной политики, призваны дополнять формируемую образовательными учреждениями картину мира, ориентированы в первую очередь на эмоциональное восприятие. Политика в сфере культуры направлена на преемственность, сохранение, трансляцию и воспроизводство ценностей культуры региона, создание возможностей для привлечения молодежи к культурной и творческой деятельности.

Государственные органы власти, проводя культурно-образовательную политику в отношении молодежи, создают нормативно-правовые акты, специальные региональные программы. Также органы государственной и муниципальной молодежной политики разрабатывают план молодежных мероприятий, к реализации которых могут быть привлечены и другие институты. Субъекты, которые конституируют идентичность, находятся в состоянии определения и переопределения (Малинова, 2005).

Реализуя культурно-образовательную политику, органы региональной власти постоянно разрабатывают и корректируют образовательные программы, способствующие формированию региональной идентичности молодежи. Например, во многих российских регионах уже длительное время в школьные образовательные программы включают учебные курсы по изучению особенностей развития региона (исторических, географических, социально-экономических, культурных). Так, в Краснодарском крае выросло уже поколение молодых людей с момента введения в школьную образовательную программу

общеобразовательных учреждений учебного курса «Кубановедение». Более 10 лет с 2004 г. предмет «Кубановедение» преподается в школах Краснодарского края. При этом стоит обратить внимание на следующее: при разработке учебников в различных регионах авторы стараются учитывать то, что «осмысление настоящего» и «заряженность на будущее» молодых людей должны также получить свое воплощение в содержании образования» (Мурзина, 2014). Авторы стараются размещать в учебниках разделы с информацией о современной политической, экономической, социальной и культурной ситуации в регионе.

Также разрабатывается ряд современных интересных для молодежи проектов, связанных с культурным развитием, в том числе с использованием новых информационных технологий, с целью вовлечения большего количества молодежи. Можно привести один из примеров в рамках краевой молодежной политики в Краснодарском крае — проект «Литературная Кубань», целью которого является популяризация чтения и литературы среди молодежи. Этот проект состоит из нескольких мероприятий, в том числе в него входят создание и полное информационное сопровождение литературных групп муниципальных образований Краснодарского края в социальной сети «ВКонтакте» (каждым районом создана литературная группа «ВКонтакте», которая служит интерактивной площадкой для постоянного пополнения новыми произведениями местных авторов), издание сборника стихотворений молодых поэтов Краснодарского края («Литературная Кубань»...), что, безусловно, направлено на поддержку молодых авторов, а также развитие в целом современной литературы Краснодарского края.

Средства массовой информации могут также подключаться к данному процессу, становясь в этом случае субъектом культурно-образовательной среды. Пример такого подключения — размещение газетой «Кубанские новости» информации, посвященной десятилетию введения «Кубановедения» в школах Краснодарского края (Жилияков, 2015). Еще одним из примеров может служить ориентир на взаимодействие и сотрудничество со средствами массовой информации в реализации в рамках краевой молодежной политики в Краснодарском крае проекта «Территория туризма», целью которого является развитие молодежного движения по продвижению и популяризации туристской деятельности среди молодежи Кубани. Предусматривается разработка новых туристских маршрутов Кубани, развитие клубов туристической направленности, а также агитационная и пропагандистская работа со средствами массовой информации (размещение баннеров, рекламы в социальных сетях, рекламы на ТВ, радио, в газетах) («Территория туризма»...), что, безусловно, направлено в том числе на формирование региональной идентичности и положительного образа региона в молодежной среде.

Субъектами формирования региональной идентичности могут также выступать региональные партии (если таковые есть в политической системе страны) или региональные отделения общенациональных партий, которые

ориентируются на мнения граждан по определенным важным для региона вопросам. Политические партии привлекают молодых людей к участию в своих идеологически окрашенных мероприятиях.

В формировании региональной идентичности молодежи могут принимать участие общественные организации, молодежные объединения. Их значимость в этом процессе усиливается, если они сотрудничают в вопросах политики памяти с государством (Малинова (ред.), 2011). В качестве примера можно привести проект «Экспедиция “Имя Кубани”», который проводится народно-патриотической общественной организацией «За веру, Кубань и Отечество!» совместно с другими общественными организациями во взаимодействии с Администрацией Краснодарского края и Законодательным Собранием Краснодарского края, в рамках которой предусмотрена номинация «Молодое имя Кубани», где будут рассматриваться лица от 14 до 29 лет, добившиеся значительных результатов в молодежном движении, государственной, общественной и культурно-образовательной деятельности, внесшие достойный вклад в патриотическое и духовно-нравственное воспитание, социально-экономическое развитие Кубани, а также проявившие себя и в иных областях деятельности («Экспедиция “Имя Кубани”»...).

К новым субъектам, оказывающим определенное влияние на формирование идентичности молодежи (в том числе региональной), можно отнести молодежные сетевые сообщества, организаторов популярных у молодежи «третьих мест»². Деятельность данных субъектов часто несистемна и хаотична. Новые акторы формирования идентичности молодежи чаще всего прививают определенные ценности молодому поколению через досуговые практики. Современная молодежь часто собирается в антикафе — месте, где организуются различные мероприятия, конференции, показы и обсуждения фильмов, книг. Особенностью молодежи, связанной с ее возрастом, является возможность жить «в разных измерениях», использовать разнообразные стереотипы поведения в разных ситуациях. В данном случае следует учитывать то, что различные субъекты, значимые для молодого человека, могут стремиться привить ему нередко разные по значению ценности.

Основные субъекты культурно-образовательной среды обычно формируют позитивные образы региона и региональной общности. Это соотносится с тем, что для человека наиболее естественным является стремление иметь позитивную идентичность, которая дает ощущение психологической безопасности и стабильности (Янгирова, 2011). Но молодые люди в процессе идентификации могут и сами выбирать критерии для сравнения себя с «другими», своего региона с другими регионами. Региональная идентичность относится к «многоуровневым» территориальным идентичностям, включает самоидентификацию

² Третье место (англ. the third place) – часть городского пространства, место проведения досуга, которое не связано ни с домом («первое место»), ни с работой («второе место»).

индивидов с государством, регионом, городом, местностью и т.д. Региональная идентичность молодежи не противоречит общенациональному патриотизму, но не нужно забывать, что при особых условиях может быть связана с сепаратистскими настроениями.

Процесс идентификации отличается динамичностью и зависимостью от многих факторов, поэтому имеет незавершенный характер. Региональная идентичность имеет подвижный, динамичный характер.

Таким образом, региональная идентичность молодежи формируется различными государственными и негосударственными субъектами, характер этого процесса зависит от множества факторов, важными из которых являются объективные характеристики региона, ценности, интересы и действия заинтересованных акторов, в том числе самой молодежи. Субъекты формирования региональной идентичности могут стремиться к конструированию определенного образа региона в сознании молодежи, но никогда этот процесс не выйдет на завершающий этап, деятельность по формированию региональной идентичности носит постоянный характер. В силу большого числа субъектов культурно-образовательной среды, формирующих региональную идентичность молодежи, и разного характера их деятельности в данном направлении может возникнуть ситуация не только дополнения, но и взаимовытеснения образов (Mouffe, 1995). Поэтому необходимо, чтобы данный процесс отслеживался и координировался со стороны основных субъектов культурно-образовательной и молодежной политики региона, прежде всего, органов государственной и муниципальной власти. Представляется значимым в этой связи развитие культурно-образовательной среды региона с благоприятными условиями для формирования региональной идентичности молодежи. Важно включать различные формы взаимодействий субъектов, используя инновационные подходы и организованную совместную деятельность субъектов по сохранению, трансляции и усвоению норм, ценностей, знаний, традиций в соответствующих данной культурно-образовательной среде символических формах. Прежде всего, стоит обратить внимание на взаимодействие органов региональной культурно-образовательной политики и молодежной политики, а также коммуникацию с учреждениями культуры и образования. Такое взаимодействие может способствовать решению определенных проблем совместными усилиями, помочь выявить возможности инновационного развития. Но в то же время могут выявиться и проблемы в совместной деятельности (управленческие, организационные и методические) в различных аспектах развития культурно-образовательной среды совместными усилиями разных ведомств.

В завершении отметим то, что в условиях конкретного региона в зависимости от характера и интенсивности проблем, имеющихся ресурсов, деятельности различных субъектов, те или иные составляющие культурно-образовательной

среды могут выступать в качестве приоритетных направлений культурной, образовательной и молодежной политики региона.

Культурно-образовательная среда региона должна создавать необходимые условия для актуализации значимого прошлого опыта, важных для регионального сообщества традиций, а также сочетать эти условия с инновационными культурно-образовательными практиками для укоренения настоящего, формирования устойчивой региональной идентичности и благоприятного образа будущего. Особо значим данный подход, на наш взгляд, во влиянии культурно-образовательной среды региона на формирование региональной идентичности молодежи. Это необходимо учитывать при организации культурно-образовательной и молодежной политики региона и взаимодействии с субъектами культурно-образовательной среды региона.

Библиографический список

1. Артамонова, М. П. (2014). Культурно-образовательная среда школы как пространство социализации несовершеннолетних. *Теория и практика общественного развития*, 12, 74–77.
2. Белозерцев, Е. П. (2008). Культурно-образовательная среда — миф или реальность, традиция или инновация. *Гуманитарий: научно-публицистический альманах*, 7, 182–189.
3. Бергер, П., Лукман, Т. (1995). *Социальное конструирование реальности*. Москва: Медиум.
4. Жилияков, В. (2015, Март 18). Десять лет назад в программу школьников было введено Кубановедение. *Кубанские новости*. Режим доступа: <http://kubnews.ru/news/9250/>
5. Кривых, С. В. (2011). Соотношение понятий «среда» и «пространство» в социокультурном и образовательном аспектах. *Мир науки, культуры, образования*, 2 (14), 14–18.
6. «Литературная Кубань». *Управление молодежной политики Министерства образования, науки и молодежной политики Краснодарского края*. Режим доступа: <http://molod.info/projects/literaturnaya-kuban/>
7. Малинова, О. Ю. (ред.) (2011). *Идейно-символическое пространство постсоветской России: динамика, институциональная среда, акторы*. Москва: РОССПЭН.
8. Малинова, О. Ю. (2005). Исследование политики и дискурс об идентичности. *Политическая наука*, 3, 8–20.
9. Мертенс, Е. С. (2006). *Развитие культурно-образовательной среды Смоленской губернии во второй половине XIX — начале XX века*: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Смоленск.
10. Мурзина, И. Я. (2014). *Региональное культурно-образовательное пространство: структура, функции, социокультурный потенциал*. Москва: Перо.
11. Семененко, И. С. (ред.) (2011). *Политическая идентичность и политика идентичности*: в 2 т. Т. 1. Москва: РОССПЭН.

12. «Территория туризма». *Управление молодежной политики Министерства образования, науки и молодежной политики Краснодарского края*. Режим доступа: <http://molod.info/projects/territoriya-turizma/>
13. Фадеева, Л. А. (2016). Идентичность как категория политической науки: исследовательское поле и когнитивный потенциал. *Политическая наука*, 2, 164–180
14. «Экспедиция “Имя Кубани”». Режим доступа: [http://xn-80abuchlk9b2g.xn -- plai/index.html](http://xn-80abuchlk9b2g.xn--plai/index.html)
15. Янгирова, С. М. (2011). Социальная идентичность: общие проблемы. *Вопросы теории и практики. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение*, 2 (8), 203–207.
16. Mouffe, С. (1995). Democratic Politics and the Question of Identity. In J. Rajchman (Ed.) *The Identity in Question* (pp. 33–47). New York: Routledge.

Статья поступила в редакцию 10.11.2016.

.....

INFLUENCE OF CULTURAL AND EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF THE REGION ON THE FORMATION OF A REGIONAL YOUTH IDENTITY

Borisko O. A., Mirontseva S. A.

Borisko Ol'ga Aleksandrovna, Kuban State University, 350040, Russia, Krasnodar region, Krasnodar, str. Stavropol'skaja, 149. E-mail: olgbor@mail.ru

Mirontseva Svetlana Aleksandrovna, Kuban State University, 350040, Russia, Krasnodar region, Krasnodar, str. Stavropol'skaja, 149. E-mail: mirontseva@mail.ru

The article presents the results of a theoretical research of the influence of cultural and educational environment of the region on the formation of a regional youth identity in the framework of political science approach.

An analysis of different definitions of «cultural and educational space», «cultural-educational environment», «cultural and educational environment of the region» and «cultural-educational environment of the region» was conducted. An understanding of the authors of the essence of cultural and educational environment of the region was formulated based on an interdisciplinary approach.

Theoretical foundations of regional identity of young people are investigated and also the role of cultural and educational environment of the region in the formation of a regional youth identity is analyzed in that article. The authors appealed to two approaches for understanding the specifics of the process of formation of the regional identity of youth by subjects of cultural and educational environment: symbolic interactionism and social constructivism, identifying for themselves the basic definition in understanding the essence of regional identity in general and the specifics of the youth regional identity. The paper notes the role of culture, education and youth policy in the process of formation of the regional identity of young people.

The authors in their research reviewed various state and non-state actors of cultural and educational environment which may have an impact on the formation of regional identity of young people, as well as the interaction of that actors. The impact of these subjects on the formation of regional identity of young people was illustrated by some regional examples and practices implemented in the Krasnodar region.

At the end the authors formulated a conclusion that the cultural and educational environment of the region should create the necessary conditions for the actualization of significant past experience, important for the regional community traditions, and also to combine these conditions with innovative cultural and educational practices for the rooting of the present

and the formation of a stable regional identity and a positive vision of the future of young people. This should be considered in the organization of cultural, educational and youth policies in the region and in the interaction of subjects of cultural and educational environment of the region.

Key words: cultural and educational environment, cultural and educational environment of the region, the youth, regional identity, regional identity of youth, cultural policy, education policy, youth policy.

References

1. Artamonova, M. P. (2014). Kul'turno-obrazovatel'naya sreda shkoly kak prostranstvo socializatsii nesovershennoletnih [Cultural and educational environment of school as a space of socialization of minors]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 12, 74–77.
2. Belozertsev, E. P. (2008). Kul'turno-obrazovatel'naya sreda — mif ili real'nost', traditsiya ili innovatsiya [Cultural and educational environment — myth or reality, tradition or innovation]. *Gumanitarij: nauchno-publitsisticheskij al'manakh* [Humanitarian: scientific and publicistic almanac], 7, 182–189.
3. Berger, P., Luckmann, T. (1995). *Social'noe konstruirovaniye real'nosti* [Social Construction of Reality]. Moscow: Medium.
4. Zhilyakov, V. (2015, May 18). Desyat' let nazad v programmuy shkol'nikov bylo vvedeno Kubanovedeniye [Ten years ago Kubanovedeniye was introduced into the program of pupils]. *Kubanskije novosti* [Kuban News]. Retrieved from: <http://kubnews.ru/news/9250/>
5. Krivyh, S. V. (2011). Sootnosheniye ponyatiy "sreda" i "prostranstvo" v sotsiokul'turnom i obrazovatel'nom aspektakh [Interrelation of concepts of "environment" and "space"]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The world of Science, culture, education], 2 (14), 14–18.
6. "The Literary Kuban". *Upravleniye molodezhnoy politiki Ministerstva obrazovaniya, nauki i molodezhnoy politiki Krasnodarskogo kraya* [Youth Policy Department of the Ministry of Education, Science and Youth Policy of the Krasnodar Territory]. Retrieved from: <http://molod.info/projects/literaturnaya-kuban/>
7. Malinova, O. YU. (Ed.). (2011). *Ideino-simvolicheskoye prostranstvo postsovetskoy Rossii: dinamika, institutsional'naya sreda, aktory* [The ideological and symbolic space of post-Soviet Russia: dynamics, institutional environment, actors]. Moscow: ROSSPEN.
8. Malinova, O. YU. (2005). Issledovaniye politiki i diskurs ob identichnosti [Research of policy and discourse about identity]. *Politicheskaya nauka* [Political science], 3, 8–20.
9. Mertens, E. S. (2006). *Razvitiye kul'turno-obrazovatel'noy sredy Smolenskoj gubernii vo vtoroy polovine XIX — nachale XX veka* [The development of cultural and educational environment of the Smolensk province in the second half of XIX — early XX century]: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. Smolensk.
10. Murzina, I. YA. (2014). *Regional'noe kul'turno-obrazovatel'noe prostranstvo: struktura, funktsii, sotsiokul'turnyy potentsial* [Regional cultural and educational space: structure, functions, socio-cultural potential]. Moscow: Pero.
11. Semenenko, I. S. (Ed.). (2011). *Politicheskaya identichnost' i politika identichnosti* [Political identity and identity policy]: v 2 t. T. 1. Moscow: ROSSPEN.
12. "The Territory of Tourism". *Upravleniye molodezhnoy politiki Ministerstva obrazovaniya, nauki i molodezhnoy politiki Krasnodarskogo kraya* [Youth Policy Department of the

- Ministry of Education, Science and Youth Policy of the Krasnodar Territory]. Retrieved from: <http://molod.info/projects/territoriya-turizma/>
13. Fadeeva, L. A. (2016). Identichnost' kak kategoriya politicheskoy nauki: issledovatel'skoe pole i kognitivnyj potentsial [Identity as political science term: research area and cognitive resource]. *Politicheskaya nauka* [Political science], 2, 164–180.
 14. Ehkspediciya “Imya Kubani” [“The Expedition ‘Kuban name’”]. Retrieved from: [http://xn-80abuchlk9b2g.xn — p1ai/index.html](http://xn-80abuchlk9b2g.xn—p1ai/index.html)
 15. Yangirova, S. M. (2011). Sotsial'naya identichnost': obshhie problemy [Social identity: common problems]. *Voprosy teorii i praktiki. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie* [Issues of theory and practice. Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history], 2 (8), 203–207.
 16. Mouffe, C. (1995). Democratic Politics and the Question of Identity. In J. Rajchman (Ed.) *The Identity in Question* (pp. 33–47). New York: Routledge.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ЛИЧНОСТИ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (НА МАТЕРИАЛЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ МОЛОДЕЖИ КУБАНИ)¹

.....

Тучина О. Р.

Тучина Оксана Роеальдовна, Кубанский государственный технологический университет, 350072, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Московская, 2.
Эл. почта: tuchena@yandex.ru

В статье рассматриваются психологические аспекты национальной идентичности в контексте исторического опыта личности, проанализирован феномен исторического опыта в рамках субъектного подхода. Исторический опыт описывается как пространство со-бытия личности, пространство исторического прошлого народа, которое осмысливается как коллективно, так и индивидуально, постоянно формируя и изменяя личностные смыслы. Анализ концепта «исторический опыт» дал возможность выделить ряд особенностей, позволяющих рассматривать его как грань экзистенциального опыта личности: он относится к опыту всей группы, но переживается индивидом как событие, имеющее к нему непосредственное отношение, вызывающее сильные эмоции. При этом исторические события, их эмоциональное переживание оказывают на человека сильное влияние, становятся источником личностных изменений, усиления значения духовных ценностей.

В статье дана модель национальной идентичности представителей большого титульного этноса на основе взаимосвязи этнической идентичности, гражданской идентичности и особенностей исторического опыта. Как показали результаты эмпирического исследования национальной идентичности молодежи Кубани, переживание исторического опыта представляет собой неразрывно связанные чувства гордости, стыда и боли, но только чувство гордости за свой народ в определенной исторической ситуации связано с позитивной этноидентичностью, национализмом и патриотизмом. Таким образом, в условиях большого титульного этноса национальная идентичность характеризуется следующими взаимосвязанными параметрами: эмоциональным переживанием принадлежности к своему народу, позитивной этноидентичностью, национализмом и патриотизмом, объединенным переживанием исторического опыта.

Ключевые слова: национальная идентичность; этническая идентичность; гражданская идентичность; исторический опыт; субъектный подход.

Исследование феномена национальной идентичности является общегуманитарной проблемой, которая рассматривается в рамках философии, психологии,

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 16-26-20003 а(м) «Психологический аспект самопонимания национальной идентичности в контексте исторического опыта на постсоветском пространстве (на материале исследования молодежи России и Армении)».

социологии, что определяется многогранностью национальной идентичности как социокультурного явления. В зависимости от методологических установок термин «нация» связывается или с категорией «этничность» (народ) или «гражданственность» (нация-государство). Теория национальной принадлежности, выдвинутая в XIX в., основана на синтезе двух концепций: рационалистическом постулате Ж.-Ж. Руссо о праве народа быть верховным сувереном в политической жизни и представлении немецких и английских романтиков об иррациональной природе наций (единство по языку, крови, фольклорным традициям). В связи с противоречивостью тенденций развития современной цивилизации на сегодняшний день понятие нации в культурно неоднородных обществах с разной степенью политико-административной автономии субъектов трактуется по-разному (Семененко, 2015). В условиях стремительно меняющейся социальной реальности для описания феномена нации перспективным представляется обращение к категории национальной идентичности, которая акцентирует субъектную сторону национальной принадлежности, вовлеченность человека в социокультурные и политические процессы, что предполагает рассмотрение народа в качестве предикативной стороны личностной самоидентичности (Аполонов, 2011). При этом как в публичном дискурсе, так и в массовом сознании национальная идентичность рассматривается как «важная скрепа сообщества, объединенного общим гражданством и общими политическими институтами» (Семененко, 2015).

В социологии и психологии наблюдаются две тенденции трактовки и соответствующих эмпирических исследований национальной идентичности: как этнокультурной и как национально-гражданской. Исследователи различают гражданскую и этническую идентичности на основании восприятия индивидами «базиса» идентичности: принадлежность к этнической группе рассматривается человеком как данная с рождения, которую фактически нельзя сменить, гражданская меняется вслед за сменой страны проживания (Здравомыслов, 1995; Стефаненко, 2014). Согласно некоторым исследованиям, процесс формирования гражданской идентичности теснее связан с политическими реалиями, в которых находится человек (Phinney, Baldelomar, 2011), однако этническая идентичность также легко подвержена влиянию политических событий и меняется вслед за ними (Bianchi et al., 2010; Davis, 1999).

Некоторые исследователи считают, что гражданская и этническая идентичности имеют разное когнитивное содержание (Иванова, Мазилова, 2008). Если этническая идентичность в основном базируется на языке, культуре, национальности родителей, историческом прошлом, территории, то гражданская идентичность — на месте в мире, геополитическом пространстве, цивилизационном развитии, на представлениях о ресурсах страны, достижениях в культуре, исторической общности. При этом в современных социологических работах подчеркивается важность различения гражданской и государственной идентичностей, что со-

относится с одним из пониманий гражданства. Отмечается, что гражданская идентичность, в отличие от государственной, не подразумевает единой культуры, одной ценностной ориентации или мифической «национальной территории». Гражданство выступает как институт, сообщество, которое создается не историей и природой, а социальным договором. Гражданская идентичность, таким образом, является специфическим «изобретением» сообщества людей, и ее политическая значимость связана с поддержанием чувства «быть как дома», чувства собственного достоинства и веры (Киселев, Смирнова, 2002).

В последние годы в российском научном и политическом дискурсах наметился подход к пониманию нации как государственной общности, который на уровне исследовательских парадигм воплощен в концепте государственно-гражданской (национально-гражданской) идентичности, отражающий механизмы политической самоидентификации в массовом сознании современной России (Дробижева, 2013). Национальная идентичность рассматривается как многомерный концепт, в котором в той или иной степени соотносятся государственная, гражданская, этническая и социокультурная составляющие (Семененко, 2015).

Как отмечают многие исследователи, конфигурация составляющих национальной идентичности тесно связана со спецификой исторического развития страны, особенностями политической культуры, определяющими роль власти в массовом сознании. В западной политической науке категория «национального государства» синтезирует, с одной стороны, политико-институциональные и территориальные (государство), а с другой — этнокультурные основания сообщества в концепте политической нации как носителя национальной идентичности. В обществах традиционного (незападного) типа национальная идентичность выстраивается в первую очередь на общих этнокультурных (этноконфессиональных) основаниях и принимает форму этнонациональной идентичности (Семененко, 2011).

Исследование особенностей национальной идентичности русских представляет особый интерес в связи с российскими историческими реалиями, спецификой геополитического положения страны, а также многолетней практикой проживания в рамках одного государства народов с разными этнокультурными традициями. Рассмотрение современной российской нации как «исторической, культурной и социально-политической общности людей в рамках государственного образования, находящейся под единой суверенной властью, обладающей общим самосознанием и общими ценностями при сохранении культурной сложности» (Тишков, 2013), создает предпосылки для исследования взаимосвязи и взаимовлияния составляющих национальной идентичности.

Особенностью современного мира является актуализация личностного потенциала как этнической, так и гражданской идентичности, чем объясняется повышенное внимание исследователей к проблеме взаимосвязи и взаимовлияния этих видов идентичности в разных общностях (Gong, 2007; Fuller-Rowell et al., 2013; Masella, 2013). Как показывают результаты исследований, в большом

титულном этносе гражданская и этническая идентичность связаны положительно и одна усиливает другую (Лебедева, 2011; Тучина, 2013; Стефаненко, 2014). Этническая идентичность представителей большого этноса обычно менее актуализирована, чем у меньшинства, и может длительное время оставаться в статусе диффузной (Стефаненко, 2014; Phinney, 1990), а гражданская идентичность выражена сильнее (Дробижева, 2008). Однако ряд исследований показал, что направленная работа по усилению надэтнической гражданской идентичности может приводить к обратному эффекту усиления значимости этнического (Davis, 1999) или защиты надгрупповой (гражданской) общности от своих же сограждан-представителей других этнических групп (Bianchi et al., 2010), т.е. этническая идентичность становится доминирующей в этой паре или происходит подмена одной идентичности другой.

Как и любой вид социальной идентичности, гражданская и этническая идентичность неотъемлемы от межгрупповых отношений, в которых они формируются и изменяются (Дробижева, 2008; Стефаненко, 2014), поэтому «важно понимать восприятие и переживание респондентами того контекста межгрупповых отношений, в котором “живет” их группа или группы принадлежности» (Дробовцева, Котова, 2016). Поскольку национальная идентичность формируется в процессе осмысления истории своей общности, ее нынешнего положения, возможных и желаемых перспектив, «... несет в себе ответ на вопрос о сущности своего народа, нации, ее месте, роли и задачах в мировой истории и идеальных формах ее существования» (Бадмаев, 2005), то в качестве такого фактора следует рассматривать исторический опыт, определяющий осознание человеком принадлежности к своему народу.

Цель статьи: анализ феномена исторического опыта личности в рамках субъектного подхода, создание модели национальной идентичности представителей большого титульного этноса на основе выявления взаимосвязи особенностей этнической идентичности, гражданской идентичности и особенностей исторического опыта.

Введение в активный научный дискурс концепта «исторический опыт», на наш взгляд, позволяет найти значимый фактор взаимосвязи этнической и гражданской идентичности в разных условиях бытия группы, а также рассмотреть национальную идентичность в качестве принадлежности к своему народу как единой общности. Исторический опыт характеризуется как непосредственное переживание человеком исторического события и одновременно исторической дистанции между прошлым и нынешним временем (Анкерсмит, 2007). Основа подобного опыта — эмоциональное переживание отчуждения от чего-то жизненно важного, чувство ностальгии по ушедшей подлинности в контексте неопределенного и неподлинного настоящего. Исторический опыт включает не только знания об исторических событиях, но и проживание субъекта в них в рамках собственного представления о данном историческом событии. Соответственно

в таком опыте присутствует не только прикосновение к прошлому, но и переживание дистанции с этим прошлым, временного промежутка между «тогда» и «теперь». И эти переживания порождают такие чувства, как ностальгия, гордость или травма, боль, стыд.

Анализ феномена исторического опыта возможен с позиций субъектного подхода, что дает возможность изучать активно-преобразующую сущность человека, с его «включенностью» в мир, где «самостоятельная инициация активности» человека определяет масштаб собственной активности и жизненных задач (Брушлинский, 1994). Изучая феномен исторического опыта с позиций психологии человеческого бытия, являющейся продолжением субъектного подхода к изучению личности (Знаков, 2009), мы выделили ряд особенностей, позволяющих рассматривать данный феномен как грань экзистенциального опыта личности:

- исторический опыт относится к опыту группы, но переживается индивидом как событие, имеющее к нему непосредственное отношение, вызывающее сильные эмоции;
- эмоциональное переживание исторического события оказывает на человека сильное влияние, становится источником личностных изменений;
- осмысление прошлого становится для человека решением экзистенциальной проблемы, в которой он пытается найти смысл определенного исторического события для общности, к которой он себя относит, и для себя лично;
- исторический опыт дает возможность человеку выйти за пределы собственной личности, осмыслить свою жизнь как звено в цепи, соединяющей прошлое и будущее, дает субъекту ощущение высших смыслов своего существования, выражение чувства его причастности к истории своего народа и бытию в целом (Тучина, 2016).

В субъектно-бытийном подходе, также продолжающем субъектный подход, акцентируется внимание на способности человека изменять внешнее по законам внутреннего, «переустройства бытие в соответствии со структурой сложившихся личностных смыслов» (Рябикина, 2003), т.е. так преобразовывать реальность внешнего мира, что он становится следствием объективирования субъективного, продолжением личности. С позиции субъектно-бытийного подхода задаётся необходимость изучать, как человек создаёт реальность своего бытия, как он сам изменяется в этом процессе объективации, сталкиваясь с сопротивлением бытия Других (бытие всегда есть со-бытие) (Знаков, 2009). Формирование исторического опыта всегда есть одновременно коллективная и индивидуальная деятельность, представление о прошлом формируется в процессе социализации, однако индивидуальный исторический опыт может существенно отличаться у представителей одной и той же общности. Исторический опыт, таким образом, можно рассматривать как пространство со-бытия личности, пространство исторического прошлого народа, которое осмысливается как коллективно, так и индивидуально, постоянно формируя и изменяя личностные смыслы.

Выборка и процедура исследования. В исследовании приняло участие 352 русских респондента, 194 мужчины (от 18 до 30 лет, средний возраст 24,6 года) и 158 женщин (от 18 до 29 лет, средний возраст 23,8 года).

Методы. Исследование особенностей этнической идентичности респондентов проводилось при помощи методик «Типы этнической идентичности» (Г. У. Солдатова, С. В. Рыжова), «Шкала экспресс-оценки чувств, связанных с этнической принадлежностью (Н. М. Лебедева)», «Шкала экспресс-оценки выраженности этнической идентичности (Н. М. Лебедева)». Для исследования особенностей гражданской идентичности респондентов применялся вопросник программы Международного социального опроса (ISSP) в адаптации Л. К. Григорьян (Григорян, 2013). Исследование особенностей исторического опыта проводилось при помощи авторской анкеты.

Статистическая обработка данных осуществлялась с помощью программного пакета STATISTIKA 7.0.

Анализ и обсуждение результатов. Результаты исследования показали достаточно высокую выраженность этнической идентичности респондентов, т.е. респонденты в полной мере ощущают себя представителями своего народа. Чувства, связанные с этнической принадлежностью респондентов, можно охарактеризовать как гордость за свой народ. Ведущим типом этнической идентичности в исследуемой группе является позитивная этническая идентичность, т.е. сочетание позитивного отношения к собственному народу с позитивным отношением к другим народам; выше среднего в данной группе и выраженность этнической индифферентности, характеризующейся размыванием этнической идентичности, неактуальности этничности. Уровень гражданской идентичности в исследуемой группе также выше среднего по обоим параметрам (национализм и патриотизм). Полученные результаты в основном соответствуют данным отечественных и зарубежных исследователей об особенностях этнической идентичности в группе этнического большинства в период отсутствия межнациональной напряженности (Лебедева, 2011; Тучина, 2013; Стефаненко, 2014; Phinney, 1990). Результаты женской и мужской выборки по всем исследуемым параметрам значимо не различаются, что позволило рассматривать респондентов как единую выборку для исследования взаимосвязи всех изучаемых параметров (табл. 1).

Следующей задачей стало выявление взаимосвязи гражданской идентичности респондентов и особенностей этнической идентичности (табл. 2).

Как показали результаты исследования, уровень национализма и патриотизма положительно связан с субъективной выраженностью этнической идентичности, гордостью за свою этническую группу, а также уровнем позитивной этноидентичности. Национализм в данной методике рассматривается как склонность возвышать свою страну в сравнении с другими странами, поэтому уровень положительной корреляции с позитивной этноидентичностью ниже, чем уровень отрицательной корреляции с выраженностью этнонигилизма. Высокий уровень

Таблица 1

Сводная таблица результатов исследования этнической и гражданской идентичности

Исследуемые параметры		Женщины		Мужчины	
		Среднее значение	Стандартное отклонение	Среднее значение	Стандартное отклонение
Оценка выраженности этнической идентичности		4,25	0,92	4,47	0,84
Оценка чувств, связанных с этнической принадлежностью		4,44	0,73	4,52	0,74
Типы этнической идентичности	позитивная идентичность	16,01	2,93	16,22	2,78
	этноизоляционизм	5,33	3,28	6,06	3,84
	этнонигилизм	3,35	2,71	2,81	2,68
	этнофанатизм	7,24	3,82	8,26	4,07
	этническая индифферентность	10,35	3,02	9,98	3,30
	этноэгоизм	7,10	3,51	6,56	3,50
Гражданская идентичность	национализм	20,71	4,28	21,02	4,79
	патриотизм	36,19	5,81	38,48	7,11

Таблица 2

Корреляция выраженности этнической и гражданской идентичности

Исследуемые параметры		Гражданская идентичность	
		Национализм	Патриотизм
Оценка выраженности этнической идентичности		0,46	0,36
Оценка чувств, связанных с этнической принадлежностью		0,55	0,55
Типы этнической идентичности	позитивная идентичность	0,21	0,94
	этноизоляционизм	-0,01	0,71
	этнонигилизм	-0,53	0,07
	этнофанатизм	0,01	0,78
	этноиндифферентность	-0,18	0,07
	этноэгоизм	-0,04	0,77

Жирным шрифтом выделены показатели корреляции $r \leq 0,5$.

национализма предполагает равнодушное, участное отношение к своей стране и народу, стремление найти положительные аспекты в их настоящем и будущем, что негативно связано с отрицанием значимости этничности или равнодушием к этнической принадлежности.

Патриотизм является более сложным фактором, он включает патриотизм как гордость достижениями нации и патриотизм как гордость социально-политической системой страны. По данным исследования, уровень патриотизма положительно связан не только с позитивной этноидентичностью, но и этноизоляционизмом, этнофанатизмом и этноэгоизмом, что говорит о сложности и неоднозначности данного параметра. Стремление гордиться своей страной и своим народом, таким образом, может обернуться гиперболизацией этнической идентичности, что ведет к росту межэтнической напряженности.

Задачей следующего этапа исследования стало выявление связи между уровнем и особенностями этнической и гражданской идентичности и выраженностью исторического опыта.

При помощи авторской анкеты исследования исторического опыта были выявлены следующие особенности данного феномена для исследуемой выборки:

- какие события в истории своего народа респонденты считают наиболее значимыми;
- из каких источников респонденты узнают об исторических событиях;
- какие события в истории своего народа вызывает у респондентов чувство гордости, насколько сильно это чувство;
- какие события в истории своего народа вызывает у респондентов чувство горечи и боли, насколько сильно это чувство;
- какие события в истории своего народа вызывает у респондентов чувство вины и стыда, насколько сильно это чувство;
- персонификация образа представителя народа.

Результаты исследования показали, что наиболее значимым событием в истории народа, «точкой сбора нации» респонденты считают Великую Отечественную войну (92,7% респондентов-юношей и 90,4% девушек). В оценке значимости других исторических событий наблюдаются гендерные различия: девушки выше оценивают события, имеющие имиджевое значение для страны и народа (первый полет в космос, Олимпиада-2014 и т.д.), а юноши — военные победы.

Другим важным аспектом исследования исторического опыта стало выявление исторических личностей, олицетворяющих, по мнению респондентов, русский народ, а также мифологических, литературных и киногероев — воплощение образа народа. Среди исторических личностей такими, по мнению респондентов, являются Петр I (42,3% респондентов-юношей и 42,6% девушек) и В. В. Путин (40,1% респондентов-юношей и 41,1% девушек). Выявлены и значительные гендерные различия: юноши значительно чаще в качестве олицетворения народа указывают полководцев.

Среди мифологических, литературных и киногероев, рассматриваемых респондентами в качестве воплощения образа народа, главными и практически

Таблица 3

Корреляция выраженности этнической и гражданской идентичности
и выраженности исторического опыта

Исследуемые параметры		Выраженность исторического опыта		
		Чувство гордости	Чувство вины и стыда	Чувство горечи и боли
Оценка выраженности этнической идентичности		0,13	-0,00	0,01
Оценка чувств, связанных с этнической принадлежностью		0,35	-0,04	0,05
Типы этнической идентичности	позитивная идентичность	0,15	0,12	0,12
	этноизоляционизм	-0,01	0,05	0,08
	этнонигилизм	-0,04	0,04	0,06
	этнофанатизм	0,10	0,09	0,13
	этноиндифферентность	0,06	-0,04	-0,06
	этноэгоизм	-0,03	0,08	0,13
Гражданская идентичность	национализм	0,27	-0,04	-0,01
	патриотизм	0,31	-0,13	-0,02

единственными являются богатыри (32,2% респондентов-юношей и 30,8% девушек), которые, по мнению опрашиваемых, обладают лучшими чертами русского человека: силой, храбростью, верностью долгу и друзьям, простодушием.

Таким образом, главная особенность национальной идентичности русской молодежи, проявляющаяся в особенностях исторического опыта, — державность, при этом политические структуры приобретают в глазах респондентов легитимность через актуализацию традиционалистских идей, восходящих к представлениям о государстве как воплощении идей высшей справедливости, ответственности и патернализма.

Выраженность исторического опыта была выявлена путем количественной оценки респондентами (от 1 до 5 баллов) чувств гордости, горечи и боли, а также вины и стыда, которые вызывают определенные исторические события. Корреляционный анализ результатов оценки выраженности этих чувств показал их положительную взаимосвязь ($p \leq 0,5$). При этом только выраженность чувства гордости за события в истории своего народа положительно связана с гордостью за свою этническую группу, позитивной этноидентичностью, уровнем национализма и патриотизма (табл. 3).

Таким образом, переживание исторического опыта представляет собой неразрывно связанные чувства гордости, стыда и боли: историческое событие, которым больше всего гордятся респонденты (87% опрошенных), является по-

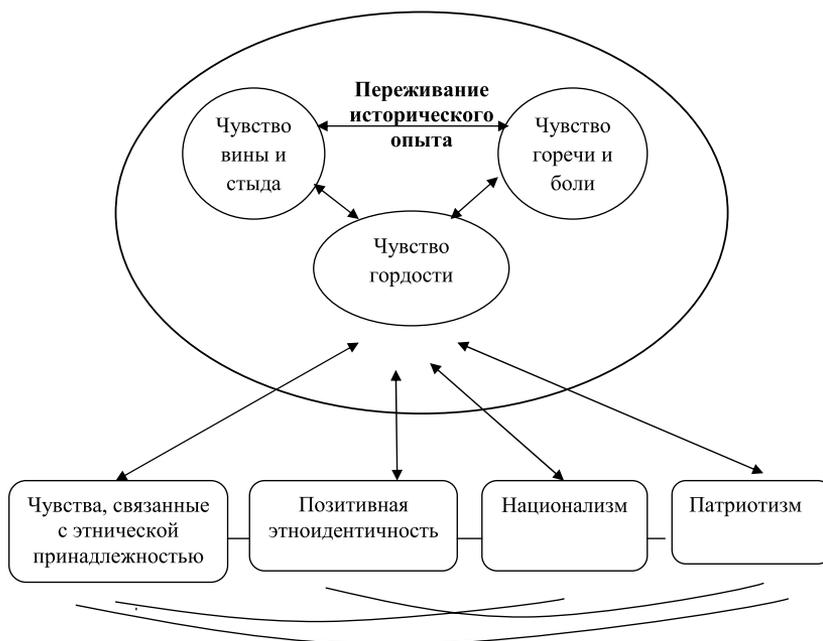

Рис. 1. Структура национальной идентичности

беда в Великой Отечественной войне, и этот же исторический период вызывает самое сильное чувство горечи и боли (64% респондентов).

Однако только чувство гордости за свой народ в определенной исторической ситуации связано с позитивной этноидентичностью, национализмом и патриотизмом. Именно гордость за свой народ служит тем эмоциональным фактором, который укрепляет все составляющие национальной идентичности и создает основу формирования нации.

Таким образом, в условиях большого титульного этноса национальная идентичность можно представить в виде следующих взаимосвязанных параметров: эмоциональное переживание принадлежности к своему народу, позитивная этноидентичность, национализм и патриотизм, объединенные переживанием исторического опыта (рис. 1).

Выводы

1. Введение в активный научный дискурс концепта «исторический опыт» позволяет найти значимый фактор взаимосвязи этнической и гражданской идентичности в разных условиях бытия группы. Феномен исторического опыта может быть рассмотрен на основании субъектного подхода как пространство со-бытия личности, пространство исторического прошлого народа, которое

осмысляется как коллективно, так и индивидуально, постоянно формируя и изменяя личностные смыслы.

2. В условиях большого титульного этноса в структуру национальной идентичности входят следующие взаимосвязанные параметры: эмоциональное переживание принадлежности к своему народу, позитивная этноидентичность, национализм и патриотизм, объединенные переживанием исторического опыта.

3. Основная особенность национальной идентичности представителей большого титульного этноса, проявляющейся в особенностях исторического опыта, является державность; политические структуры легитимизируются посредством актуализации традиционалистских идей, восходящих к представлениям о государстве как воплощении идей высшей справедливости, ответственности и патернализма.

Библиографический список

1. Анкерсмит, Ф. Р. (2007). *Возвышенный исторический опыт*. Москва: «Европа».
2. Аполлонов, И. А. (2011). Проблема личностной идентичности в контексте этнокультурной традиции. *В мире научных открытий*, 11.2, 705–714.
3. Бадмаев, В. Н. (2005). *Феномен национальной идентичности (социально-философский анализ)*. Волгоград-Элиста.
4. Брушлинский, А. В. (1994). *Проблемы психологии субъекта*. Москва: Институт психологии РАН.
5. Григорян, Л. К. (2013). Патриотизм и национализм в России: механизмы влияния на экономическую самостоятельность. *Культурно-историческая психология*, 3, 22–31.
6. Дробичева, Л. М. (2006). Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность. В *Гражданская, этническая и религиозные идентичности в современной России* (с. 10–30). Москва: Изд-во Института социологии РАН.
7. Дробичева, Л. М. (2008). Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости. В *Россия реформирующаяся. Ежегодник* (с. 214–228). Москва: Институт социологии РАН.
8. Дробичева, Л. М. (2013). *Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет*. Москва: Новый хронограф.
9. Дробовцева, М. В., Котова, М. В. (2016). Взаимосвязь гражданской и этнической идентичности россиян: факторы социокультурного контекста. *Психологические исследования*, 47. Режим доступа: <http://psystudy.ru/num/2016v9n47/1283-drobovtseva47>
10. Здравомыслов, А. Г. (1998). Кто мы, «националы» или граждане? Соотношение гражданского и этнического самосознания россиян: итоги опроса Российского независимого института социальных и национальных проблем. *Мониторинг общественного мнения*, 5, 118–127.
11. Знаков, В. В. (2009). Экзистенциальный опыт субъекта как проблема психологии человеческого бытия. В *Субъектный подход в психологии* (с. 211–226). Москва: Изд-во «Институт психологии РАН».

12. Иванова, Н. А., Мазилова, Г. Б. (2008). Изменения этнической и гражданской идентичности в новых общественных условиях. *Вопросы психологии*, 2, 83–93.
13. Рябикина, З. И. (2003). Личность и ее бытие в быстро меняющемся мире. В *Личность и бытие: теория и методология* (с. 16–19). Краснодар: Изд-во КубГУ.
14. Лебедева, Н. М. (2011). *Этническая и кросс-культурная психология*. Москва: МАКС Пресс.
15. Семененко, И. С. (2015). Нация, национализм, национальная идентичность: новые ракурсы научного дискурса. *Мировая экономика и международные отношения*, 11, 91–102.
16. Семененко, И. С. (2011). *Политическая идентичность и политика идентичности*. В 2-х т. Т. 1. *Словарь терминов и понятий*. Москва: РОССПЭН.
17. Смирнова, А. Г., Киселев, И. Ю. (2002). *Идентичность в меняющемся мире*. Ярославль: ЯрГУ.
18. Стефаненко, Т. Г. (2014). *Этнопсихология: учебник для вузов*. Москва: Аспект Пресс.
19. Тишков, В. А. (2013). Стройка наций. Российская полиэтничность в мировом контексте. *Россия в глобальной политике*, 5, 160–174.
20. Тучина, О. Р. (2013). *Самопонимание личностью своей этнокультурной идентичности: субъектно-бытийный подход*. Краснодар: Изд-во КубГУ.
21. Тучина, О. Р. (2016). Исторический опыт личности: субъектный подход. В *Ананьевские чтения — 2016: Психология: вчера, сегодня, завтра*, 2 (с. 179–180). СПб.: Айсинг.
22. Bianchi, M., Mummendey, A., Steffens, M. C. & Yzerbyt, V. Y. (2010). What do you mean by «European»? Evidence of spontaneous ingroup projection. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 36 (7), 960–974. doi:10.1177/0146167210367488
23. Davis, T. C. (1999). Revisiting group attachment: Ethnic and national identity. *Political Psychology*, 20 (1), 25–47.
24. Fuller-Rowell, T. E., Ong, A. D. & Phinney, J. S. (2013). National identity and perceived discrimination predict changes in ethnic identity commitment: Evidence from a longitudinal study of Latino college students. *Applied Psychology: An International Review*, 62 (3), 406–426. doi:10.1111/j.1464–0597.2012.00486.x
25. Gong, L. (2007). Ethnic identity and identification with the majority group: Relations with national identity and self-esteem. *International Journal of Intercultural Relations*, 31 (4), 503–523. doi:10.1016/j.ijintrel.2007.03.002
26. Masella, P. (2013). Nation identity and ethnic diversity. *Journal of Population Economics*, 26 (2), 437–454. doi:10.1007/s00148–011–0398–0
27. Phinney, J. S. (1990). Ethnic identity in adolescents and adults: Review of research. *Psychological Bulletin*, 108 (3), 499–514.
28. Phinney, J. S. & Baldelomar, O. A. (2011). Identity development in multiple cultural contexts. In L. A. Jensen (Ed.) *Bridging Cultural and Developmental Approaches to Psychology: New Syntheses in Theory, Research, and Policy* (pp. 161–185). Oxford: Oxford University Press. doi:10.1093/acprof:oso/9780195383430.003.0008

Статья поступила в редакцию 16.11.2016.

NATIONAL IDENTITY AND HISTORICAL EXPERIENCE OF THE PERSON: THE PSYCHOLOGICAL ASPECT (ON THE MATERIAL OF THE STUDY YOUNG RUSSIAN KUBAN)

Tuchina O. R.

Tuchina Oksana Rolldown, Kuban state technological university, 350072, Russian Federation, Krasnodar, Moskovskaya St., 2. E-mail: tuchena@yandex.ru

The article discusses the psychological aspects of national identity in the context of the historical experience of the individual, analyzes the phenomenon of the historical experience in the framework of the subjective approach. Historical experience is considered as a space of events of the individual, the space of the historical past of the people, which is conceptualized, both collectively and individually, constantly forming and changing personal meanings. The analysis of the concept of «historical experience» gave an opportunity to highlight a number of features, allowing to consider it as the face of the existential experience of the individual: it refers to the experience of the whole group, but is experienced by the individual as an event with a direct relation that causes strong emotions. At the same time historical events, their emotional experience have on a person's strong influence, becoming a source of personal change, the growing importance of spiritual values.

The results of the empirical studies revealed the relationship between characteristics of ethnic identity, civil identity and characteristics of the historical experience of the Russian youth of Kuban. As shown by the results of the study, the experience of the historical experience represents an inherent sense of pride, shame, and pain, but only a sense of pride for his people in a particular historical situation connected with positive identification, nationalism and patriotism. We can assume that in the big title ethnos of the national identity represents the following interrelated parameters: the emotional experience of belonging to his people, the positive identification, nationalism and patriotism, combined with experience historical experience

Key words: national identity; ethnic identity; civil identity; historical experience; subjective approach.

References

1. Ankersmit, F. R. (2007). *Vozvysheennyj istoricheskij opyt*. [Sublime historical experience]. Moskva: "Evropa".
2. Apollonov, I. A. (2011). Problema lichnostnoj identichnosti v kontekste jetnokul'turnoj tradicii [The problem of personal identity in the context of ethno-cultural traditions]. *V mire nauchnyh otkrytij* [In the world of scientific discoveries], 11.2, 705–714.
3. Badmaev, V. N. (2005). *Fenomen nacional'noj identichnosti (social'no-filosofskij analiz)* [The phenomenon of national identity (the socially-philosophical analysis)]. Volgograd-Jelista.
4. Brushlinskij, A. V. (1994). *Problemy psihologii subekta* [Problems of psychology of the subject]. Moskva: Institut psihologii RAN.
5. Grigorjan, L. K. (2013). Patriotizm i nacionalizm v Rossii: mehanizmy vlijaniya na jekonomicheskuju samostojatel'nost'. [Patriotism and nationalism in Russia: the mechanisms of influence on economic independence]. *Kul'turno-istoricheskaja psihologija* [Cultural-historical psychology], 3, 22–31.
6. Drobizheva, L. M. (2006). Gosudarstvennaja i jetnicheskaja identichnost': vybor i podvizhnost' [State and ethnic identity: choice and mobility]. *V Grazhdanskaja, jetnicheskaja*

- i religioznye identichnosti v sovremennoj Rossii* [Civil, ethnic and religious identity in modern Russia] (s. 10–30). Moskva: Izd-vo Instituta sociologii RAN.
7. Drobizheva, L. M. (2008). Nacional'no-grazhdanskaja i jetnicheskaja identichnost': problemy pozitivnoj sovместимости [National civil and ethnic identity: the problems of positive compatibility]. V *Rossija reformirujushhajasja. Ezhegodnik* [Russia and reforming. Yearbook] (s. 214–228). Moskva: Institut sociologii RAN.
 8. Drobizheva, L. M. (2013). *Etnichnost' v sotsial'no-politicheskom prostranstve Rossijskoi Federatsii. Opyt 20 let* [Ethnicity in the Social and Political Space of the Russian Federation. A 20 years' experience]. Moskva: Novyi khronograf.
 9. Drobovceva, M. V. & Kotova, M. V. (2016). Vzaimosvjaz' grazhdanskoj i jetnicheskoi identichnosti rossijan: faktory sociokul'turnogo konteksta [The relationship of civil and ethnic identity of Russians: the factors of socio-cultural context]. *Psichologicheskie issledovanija* [Psychological Studies], 47. Retrieved from: <http://psystudy.ru/num/2016v9n47/1283-drobovtseva47>
 10. Zdravomyslov, A. G. (1998). Kto my, "nacionaly" ili grazhdane? Sootnoshenie grazhdanskogo i jetnicheskogo samosoznaniya rossijan: itogi oprosa Rossijskogo nezavisimogo instituta social'nyh i nacional'nyh problem [Who we are, "nationals" or citizens? The ratio of civilian and this technical self-consciousness of Russians: the results of the poll of the Russian independent Institute of social and national problems]. *Monitoring obshhestvennogo mnenija* [The Monitoring of public opinion], 5, 118–127.
 11. Znakov, V. V. (2009). Jekzistencial'nyj opyt sub#ekta kak problema psihologii chelovecheskogo bytija [The existential experience of the subject as a problem of psychology of human existence]. V *Subektnyj podhod v psihologii* [Subjective approach in psychology] (s. 211–226). Moskva: Izd-vo "Institut psihologii RAN".
 12. Ivanova, N. L. & Mazilova, G. B. (2008). Izmeneniya jetnicheskoi i grazhdanskoj identichnosti v novyh obshhestvennyh uslovijah [Change of ethnic and civil identity in a new social environment]. *Voprosy psihologii* [Questions of psychology], 2, 83–93.
 13. Rjabikina, Z. I. (2003). Lichnost' i ee bytie v bystro menjajushhemsja mire [Personality and its existence in a rapidly changing world]. *Lichnost' i bytie: teorija i metodologija* [Personality and life: theory and methodology] (s. 16–19). Krasnodar: Izd-vo KubGU.
 14. Lebedeva, N. M. (2011). *Jetnicheskaja i kross-kul'turnaja psihologija* [Ethnic and cross-cultural psychology]. Moskva: MAKS Press.
 15. Semenenko, I. S. (2015). Nacija, nacionalizm, nacional'naja identichnost': novye rakursy nauchnogo diskursa [Nations, nationalism, national identity: new dimensions in academic discourse]. *Mirovaja ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World economy and international relations], 11, 91–102.
 16. Semenenko, I. S. (2011). *Politicheskaja identichnost' i politika identichnosti*. V 2 t. T. 1. *Slovar' terminov i ponyatii* [Identity Politics and Politics of Identity. In Two Volumes. Vol. 1. Vocabulary of Terms and Concepts]. Moskva: ROSSPEN.
 17. Smirnova, A. G. & Kiselev, I. YU. (2002). *Identichnost' v menjajushhemsja mire* [Identity in a changing world]. Jaroslavl': JarGU.
 18. Stefanenko, T. G. (2014). *Jetnopsihologija* [Ethnopsychology]. Moskva: Aspekt Press.

19. Tishkov, V. A. (2013). Stroika natsii. Rossiiskaya polietnichnost' v mirovom kontekste [What Are Modern Nations Like? Multiethnicity in Russia in a Global Context]. *Rossiya v global'noi politike* [Russia in Global Affairs], 5, 160–174.
20. Tuchina, O. R. (2013). *Samoponimanie lichnost'ju svoej jetnokul'turnoj identichnosti: subektno-bytijnyj podhod* [Self-understanding of the personality of its ethnic and cultural identity: subject-existential approach]. Krasnodar: Izd-vo KubGU.
21. Tuchina, O. R. (2016). Istoricheskij opyt lichnosti: subektnyj podhod [The historical experience of identity: the subjective approach]. V *Anan'evskie chtenija — 2016: Psihologija: vchera, segodnja, zavtra* [Anan'ev reading — 2016: Psychology: yesterday, today, tomorrow], 2 (s. 179–180). SPb.: Ajsing.
22. Bianchi, M., Mummendey, A., Steffens, M. C. & Yzerbyt, V. Y. (2010). What do you mean by “European”? Evidence of spontaneous ingroup projection. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 36 (7), 960–974. doi:10.1177/0146167210367488
23. Davis, T. C. (1999). Revisiting group attachment: Ethnic and national identity. *Political Psychology*, 20 (1), 25–47.
24. Fuller-Rowell, T. E., Ong, A. D. & Phinney, J. S. (2013). National identity and perceived discrimination predict changes in ethnic identity commitment: Evidence from a longitudinal study of Latino college students. *Applied Psychology: An International Review*, 62 (3), 406–426. doi:10.1111/j.1464–0597.2012.00486.x
25. Gong, L. (2007). Ethnic identity and identification with the majority group: Relations with national identity and self-esteem. *International Journal of Intercultural Relations*, 31 (4), 503–523. doi:10.1016/j.ijintrel.2007.03.002
26. Masella, P. (2013). Nation identity and ethnic diversity. *Journal of Population Economics*, 26 (2), 437–454. doi:10.1007/s00148–011–0398–0
27. Phinney, J. S. (1990). Ethnic identity in adolescents and adults: Review of research. *Psychological Bulletin*, 108 (3), 499–514.
28. Phinney, J. S. & Baldelomar, O. A. (2011). Identity development in multiple cultural contexts. In L. A. Jensen (Ed.) *Bridging Cultural and Developmental Approaches to Psychology: New Syntheses in Theory, Research, and Policy* (pp. 161–185). Oxford: Oxford University Press. doi:10.1093/acprof:oso/9780195383430.003.0008

ОСОБЕННОСТИ УЧАСТИЯ РОДП «ЯБЛОКО», «ПАРТИИ НАРОДНОЙ СВОБОДЫ» (ПАРНАС) И «ПАРТИИ РОСТА» В ПРЕДВЫБОРНЫХ КАМПАНИЯХ 2016 Г.: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

.....

Головченко А. В.

Головченко Антон Владимирович, Саратовский государственный университет
им. Н. Г. Чернышевского, 410012, Россия, г. Саратов, ул. Астраханская, 83.
Эл. почта: golovchenkoav@mail.ru

В данной статье представлены результаты исследования участия основных либеральных партий (РОДП «Яблоко», «Партии Народной Свободы» (Парнас) и «Партии Роста») в предвыборных кампаниях 2016 г. с целью выявления особенностей и результативности их политической деятельности на региональном уровне. На материалах официальной статистики Центральной избирательной комиссии проанализирован уровень активности данных партий по выдвижению партийных списков на выборах в законодательные (представительные) органы различных субъектов Российской Федерации и рассмотрены основные факторы, обусловившие специфику и различный уровень результативности участия указанных партий в региональных выборах. На основании анализа результатов сделан среднесрочный прогноз о перспективах развития либеральных партий в политической системе современной России.

Ключевые слова: либеральные партии в постсоветской России, региональные выборы, участие либеральных партий в региональных выборах, предвыборные кампании, результаты выборов.

Проблема эволюции партийной системы в постсоветской России — одна из актуальных и практически значимых. Обусловлено это тем, что от организационных, программно-идеологических и функциональных характеристик партий в значительной степени зависит качество политической системы в целом и всех институтов, обеспечивающих взаимосвязь между властью и обществом. Важнейшее место в рамках данной проблематики занимает вопрос об эволюции и политической ресурсности либерального партийного сегмента. Несмотря на отрицательную динамику рейтинга либеральных партий в постсоветской России, последствия демократических преобразований, проведенных в 1990-е гг. под либеральными лозунгами, продолжают иметь для страны стратегическое значение. Думается, вполне справедливо утверждение о том, что «Выбор между демократией и авторитаризмом для большинства граждан страны вполне очевиден, так как достойной альтернативы демократии в современном мире нет» (Баранов, 2008).

Объясняя причины отката России в сторону авторитаризма и усиления роли государства, некоторые исследователи оценивают его как неизбежную реакцию на радикализм и быстротечность либерального реформирования всех сфер общественной жизни после распада СССР. По мнению К. Фрумкина, «человеческая цивилизация — это перманентная борьба “вечного” дирижизма и “вечного” либерализма, невысказанных друг без друга. Важный вопрос этой извечной борьбы: как должен быть “экипирован” человек, чтобы его свободные поступки вопреки своей исходной хаотичности и не направленности оказались бы общественно полезными?» (Фрумкин, 2015). В рамках такого понимания сути социального прогресса возникает вопрос о закономерной цикличности двух обозначенных начал в политическом развитии и, соответственно, о неизбежности перехода от политики усиления «дирижизма» к процессам либерализации.

Данная проблема рассматривается обществоведами чаще всего в контексте «рецидивирующей модернизации» (Наумова, 1999), хотя в объяснении причин перманентных попыток проведения либеральных реформ и последующих авторитарных откатов мнения весьма расходятся: от признания в качестве ключевого фактора особой роли национализма в политической жизни России (Умланд, 2010) до признания недостаточной зрелости гражданского общества (Даймонд, 1999) и специфической ментальности российских граждан (Яковенко, 2007).

Теоретическое обоснование прогрессивности и неизбежности возврата к тому или иному варианту модернизации является предпосылкой и источником оптимистических прогнозов для России отечественных и западноевропейских сторонников либерализма (Кривогуз, 2005). Однако периодичность циклов в политике зависит от множества внешних и внутренних факторов, в том числе от характера институционального оформления либеральных сил в стране, уровня их активности и популярности в обществе. Моментом истины в проверке их реального практического состояния выступают предвыборные кампании, каждая из которых дает определенный импульс эволюции отечественной партийной системы, в том числе в отношении расклада партийно-идеологических сегментов (Феномен многопартийности, 2006). Не стали исключением и выборы в Государственную Думу, а также региональные выборы, прошедшие в единый день голосования 18 сентября 2016 г. Они происходили в условиях значительно возросшего числа зарегистрированных политических партий РФ (более чем в десять раз с момента предшествующих выборов в Государственную Думу) и перехода на смешанную избирательную систему на выборах нижней палаты парламента РФ. В этой связи представляется весьма актуальным и научно значимым проанализировать особенности и итоги проведенных федеральных и региональных выборов с точки зрения активности и результативности участия в них политических партий либеральной направленности.

Несмотря на достаточно большое количество российских партий, в той или иной степени относящих себя к этому идеологическому сегменту, наиболее вы-

сокую активность среди партий на прошедших выборах продемонстрировали прежде всего РОДП «Яблоко», «Партия Народной Свободы» (Парнас) и «Партия Роста». Их участие интересно также тем, что каждая из этих партий представляет собой специфическую политическую силу с особой историей, особым имиджем и особыми ресурсами.

«Яблоко» — одна из старейших партий постсоветской России. Изначально партия во главе с Г. А. Явлинским стремилась сформировать имидж сторонников социального либерализма, основанного на сочетании свободы политической и экономической деятельности с сильной социальной политикой государства. В этой связи лидеры «Яблока» позиционировали себя как последователей «настоящего» либерализма, отвечающего потребностям российских граждан и возможностям современности в противовес либералам-радикалам, ориентированным на ценности либерализма периода «дикого капитализма». В свой актив «Яблоко» записывает успехи на выборах в Государственную Думу (I, II и III созывов) и участие в предвыборных кампаниях на выборах Президента Российской Федерации. Имеет достаточно устойчивое (хотя и небольшое) число сторонников, прежде всего среди российской интеллигенции.

«Партия Народной Свободы» генетически уходит корнями в историю трансформации праволиберального сектора многопартийности в постсоветской России: «Демократического Выбора России» (ДВР), «Выбора России» (ВР) и «Союза Правых Сил» (СПС)¹. Ключевая стратегия данных партий (по мере падения их рейтинга) состояла в стремлении снять с себя ответственность за негативные последствия проведенных радикальных либеральных реформ 1990-х гг. Многие представители данного сегмента проделали путь от статуса членов правящей партии до статуса представителей радикальной оппозиции действующему политическому режиму (наиболее наглядный пример — М. Касьянов, возглавлявший российское правительство с мая 2000 г. по февраль 2004 г., ставший одним из самых радикальных либеральных критиков В. Путина).

Попытку организовать и возглавить уличные протесты против «авторитарного режима В. Путина» праворадикальные лидеры осуществили в период после выборов в Государственную Думу в декабре 2011 г. и до выборов Президента Российской Федерации в марте 2012 г. После того как «белоленточное» движение сошло на нет, «Республиканская Партия России — Партия Народной Свободы» («РПР-Парнас») попыталась выступить координатором объединения всех либеральных сил для участия в выборах в Государственную Думу 2016 г.

Формально единения либералам удалось достичь только в период кризисных событий на Украине и возвращения Крыма в состав России в марте 2014 г. По данному вопросу, а также в оценке ситуации на Донбассе лидеры «Яблока»

¹ Говорить о прямой генеалогии и полной идеологической и институциональной преемственности данных партий не приходится, так как многие их представители совершали переходы в самые разные партии.

и «РПР-Парнас» выступили фактически с единой позиции. Они резко осудили «аннексию» Крыма и обвинили руководство России в развязывании гражданской войны на Юго-Востоке Украины. Однако к 2016 г. партиям так и не удалось преодолеть разногласия и амбиции своих лидеров, согласовать вопросы объединения ресурсов и они вновь приняли участие в выборах в качестве конкурирующих друг с другом политических сил. Более того, после скандальных разоблачений М. Касьянова из партии «РПР-Парнас» ушли лидеры РПР, на базе которой и была в свое время создана объединенная партия. Поэтому к выборам в Государственную Думу была допущена зарегистрированная «Парнас».

«Партия Роста» генетически корнями уходит в партию «Правое дело», созданную в 2008 г. на базе «Гражданской Силы», «Демократической партии России» и «Союза правых сил». Данная партия изначально создавалась как пропрезидентская партия, которая должна была составить конкуренцию радикальной либеральной оппозиции. В марте 2016 г. она была переименована в «Партию Роста» во главе с Б. Титовым и приняла участие в выборах под таким названием.

Данные партии приняли активное участие во всех уровнях выборов, которые прошли в единый день голосования 18 сентября 2016 г. На выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в федеральном избирательном округе ни одна из них не смогла преодолеть 5% барьер и принять участие в распределении мандатов. РОДП «Яблоко» получило 1,99%, «Партия Роста» — 1,29%, «Парнас» — 0,73% (Сводная таблица..., 2016). Самый большой процент партия «Яблоко» получила в Москве и Санкт-Петербурге — 9,5% и 8,5% соответственно.

На выборах в региональные законодательные (представительные) органы, которые прошли в этот день в 39 субъектах Российской Федерации², РОДП «Яблоко» выдвигала свои списки в 29 субъектах РФ, из которых 27 были зарегистрированы; «Партия Роста» в 24 субъектах, из которых зарегистрированы 13 списков; «Парнас» выдвигал лишь один список, который был зарегистрирован в г. Санкт-Петербурге (Сведения о заверении..., 2016). Данные материалы свидетельствуют, что в отличие от партии «Яблоко» и «Партии Роста» у «Парнаса» недостаточно ресурсов для участия в выборах в региональные парламенты в большинстве субъектов Российской Федерации и поэтому ее лидеры сделали ставку на концентрации своих ресурсов в единственном регионе, где у них были хотя бы потенциальные шансы на попадание в Законодательное собрание Санкт-Петербурга. Тем не менее на данных выборах «Парнас» набрала лишь 2,11%, тогда как «Яблоко» — 9,77%, а «Партия Роста» — 10,72% (Данные ЦИК, 25 сентября 2016 г.).

Причин низкой результативности «Парнаса» на выборах всех уровней достаточно много. К ним можно отнести, прежде всего, скандальное телевизионное разоблачение откровений М. Касьянова на фоне интимных сцен в отношении

² Проведенные в единый день голосования 18 сентября 2016 г. довыборы в региональные парламенты в ряде субъектов РФ нами не рассматривались.

своих соратников по «Демкоалиции», после которого она фактически распалась. Наиболее категорично о последствиях провокационного фильма про Касьянова высказался один из руководителей «Партии 5 декабря» (входила в состав «Демкоалиции») Александр Ерофеев: «Михаил Касьянов должен уйти из политики, с поста председателя партии “Парнас” и отказаться от первого места в списке “Демкоалиции” на выборах в Государственную Думу, принеся при этом свои публичные извинения» (Коваль, 2016). Несмотря на очевидность вброшенного компромата, М. Касьянов отказался от участия в праймериз на общих основаниях, воспользовавшись своим правом Председателя партии возглавить список. Последовавшее разделение «РПР-Парнас» и ослабление возглавляемой ею Демократической коалиции также существенно ослабило позиции партии на выборах.

Результаты праймериз, проведенного «Парнас» путем интернет-голосования, также оказались неожиданными — в первую тройку попал не член партии, саратовский оппозиционер В. Мальцев, скандально известный своими резкими заявлениями в адрес «Единой России» и Президента В. Путина. Историк и религиовед профессор А. Б. Зубов, уволенный в 2014 г. из МГИМО за публичную критику внешнеполитического курса России, дополнил общую часть партийного списка. Уже во время предвыборной кампании общественный деятель М. Катасонова обратилась в Генпрокуратуру с просьбой проверить публичные высказывания А. Зубова о том, что «По сравнению со Сталиным, Гитлер — это ангел русской истории. Потому что Гитлер, при всем желании, не погубил столько людей русских, сколько погубил Сталин» (Генпрокуратуру попросили..., 2016). Поэтому, несмотря на то, что во время предвыборной кампании сам М. Касьянов стремился выглядеть респектабельно и не делать резких заявлений, сложившийся контримидж партии как «скандальной» и как партии «иностранный агент», стремящейся разрушить существующую политическую систему путем отстранения В. Путина от власти, преодолеть не удалось. Особенно негативно сказалась на восприятии «Парнаса» избирателями ее позиция по Крыму и Украине.

Более успешным стало участие РОДП «Яблоко» в региональных выборах. Охват более чем двух третей выборов в региональные парламенты привел и к качественным результатам. Особенно успешными для «яблочников» стали результаты выборов 2016 г. в Карелии, где они получили 9,89% голосов избирателей (Выборы депутатов Законодательного Собрания..., 2016).

В головной части списка были зарегистрированы лидер партии Э. Э. Слабунова (Заслуженный учитель РФ, кандидат педагогических наук) и два региональных кандидата — О. Е. Залецкая, уроженка Карелии, будучи депутатом Петрозаводского городского совета на непостоянной основе, уже имела хороший имиджевый и политический ресурс в регионе, Н. Д. Дьячкова, также уроженка Карелии (1994 г. рождения), воспринималась как перспективная представительница интересов молодых избирателей. Тем самым была обеспечена удачная комбинация феде-

рального лидерского, организационного и информационного ресурсов регионального, возрастного и гендерного факторов. В целом в Законодательном собрании Республики Карелия «Яблоко» по результатам выборов 18 сентября 2016 г. представлено тремя депутатами: Э. Э. Слабунова, О. Е. Залецкая — по партийному списку, А. С. Рогалевич — по Сенежскому округу (Депутаты Законодательного Собрания...).

На выборах в Законодательное собрание Санкт-Петербурга РОДП «Яблоко» получила 9,77% и в настоящее время представлена двумя депутатами — Б. Л. Вишневым и М. И. Амосовым (Законодательное собрание Санкт-Петербурга..., 2016).

На выборах в Псковское областное собрание РОДП «Яблоко» получила 6,09% и представлена широко известным не только в регионе, но и во всей России Л. М. Шлосбергом (Псковское областное собрание депутатов..., 2016).

В целом ряде субъектов Российской Федерации на выборах в региональные законодательные (представительные) органы «Яблоку» удалось набрать более 3% голосов избирателей: Московская область (4,01%), Новгородская область (4,83%), Алтайский край (3,13%), Пермский край (3,13%), Вологодская область (3,23%), Калининградская область (3,36%), Ленинградская область (3,71%), Свердловская область (3,32%), Тверская область (3,02%), Томская область (3,91%) (Данные ЦИК, 25 сентября 2016 г.).

Кроме того, партии удалось добиться успеха на отдельных выборах депутатов законодательных (представительных) органов административных центров субъектов Российской Федерации. Например, на выборах депутатов Пермской городской Думы РОДП «Яблоко» получила 7,11% и представлена в настоящее время Н. В. Агишевой (Пермская городская Дума...). На выборах Совета депутатов Калининграда «Яблоко» получило 5,27% и представлено фракцией в лице депутата А. Е. Яковлевой (Городской Совет депутатов Калининграда..., 2016).

Приведенные результаты свидетельствуют, что, несмотря на неудачу на выборах в Государственную Думу, РОДП «Яблоко» имеет определенный потенциал в целом ряде российских регионов. Активная работа региональных «яблочников» по обозначению наиболее острых местных проблем и свое собственное видение их решения приводит к успеху на выборах этого уровня. В результате «Яблоко» получает право по действующему законодательству на участие в будущих выборах в Государственную Думу без сбора подписей (прошедшие выборы показали, насколько сложным является выполнение данного требования, поскольку ни одна из партий, проходивших данную процедуру на выборах в Государственную Думу, не была зарегистрирована в связи с выявленными нарушениями в подписях). Кроме того, само наличие «яблочников» во власти легитимирует данную партию как системную, несмотря на ее радикальную позицию по внешней политике современной России.

«Партия Роста» зарегистрировала списки в 13 регионах из 39, где проводились выборы в региональные законодательные (представительные) органы. Однако успеха ее представители добились лишь на выборах в Законодательное собрание г. Санкт-Петербурга, где партия получила 10,72% и представлена в настоящее время тремя депутатами — О.Г. Дмитриевой, С.В. Трохманенко и М.Л. Резником (Законодательное собрание Санкт-Петербурга..., 2016). Во всех других регионах партия показала результаты от 1,0% до 2,5% (Республика Ингушетия — 1,87%, Московская область — 2,26%, Нижегородская область — 1,03%, Омская область — 2,98%, Оренбургская область — 1,37%, Пермская область — 2,48%, Псковская область — 1,49%, Самарская область — 1,99%, Свердловская область — 1,72%, Томская область — 2,19%, Тюменская область — 1,11%) (Данные ЦИК, 25 сентября 2016).

Как видится, главная задача для данной партии состояла в том, чтобы оттягивать голоса у других либеральных партий, прежде всего на выборах в Государственную Думу, и составлять им конкуренцию на либеральном фланге партийной системы современной России. Если учесть, что в совокупности на выборах депутатов Государственной Думы за партии «Яблоко», «Парнас» и «Партию Роста» проголосовали 4,01% избирателей (1,99% + 0,73% + 1,29%), то данную задачу партия решила вполне успешно.

В заключение можно констатировать, что проигрыш либеральных партий на выборах в Государственную Думу 2016 г. был вполне закономерен и отражает как реальную расстановку политических сил в современной России, так и настроения и предпочтения избирателей. Важнейшим мотивом антилиберальных настроений на выборах до сих пор продолжают оставаться негативные последствия тех радикальных преобразований, которые были проведены под либеральными лозунгами в 1990-е гг. Для молодых избирателей неприемлемой оказывается позиция «Парнас» и «Яблоко» в отношении Крыма и конфликта на Юго-Востоке Украины. Кроме того, важнейшей причиной продолжает оставаться раскол и внутренняя конкуренция (нередко переходящая в конфронтацию) представителей либерального лагеря в современной России.

Лидеры «Яблоко», позиционируя ориентацию на европейские ценности и необходимость восстановления доверительных отношений с западноевропейскими странами, тем не менее в определенной степени дистанцируются от прямой поддержки санкций против России в связи конфликтом на Украине. Наличие региональных отделений в различных субъектах Российской Федерации и активных региональных лидеров позволяет РОДП «Яблоко» в ряде регионов вести достаточно результативную политическую деятельность, позволяющую партии оставаться одним из ведущих субъектов внепарламентской оппозиции в современной России.

«Парнас» открыто демонстрирует координацию своей деятельности в России с представителями либерально-демократических сил западноевропейских стран и официальными представителями государственных структур США и их

союзников. В свою очередь на Западе их позиционируют в информационном пространстве как единственную реальную оппозицию существующему режиму В. Путину, которую нужно поддерживать для того, чтобы ее представители смогли взять власть после «падения авторитаризма» в России, удержать ее от хаоса и направить на «восстановление в стране европейских демократических институтов и ценностей». Очевидно, что в условиях всеобщего патриотического подъема в России после событий 2014 г. такая партия не может рассчитывать на какие-либо серьезные результаты и ее удел в ближайшей перспективе — довольствоваться маргинальной позицией на выборах всех уровней. Прошедшие выборы показали, что у «Парнаса» нет серьезных организационных ресурсов в регионах и партия не способна даже на формальную демонстрацию своего «присутствия» в регионах путем выдвижения своих кандидатов на региональных выборах. Поэтому партия использует единственно остающийся у нее способ заявлять о себе как о «преследуемой» и «гонимой» партии, которая вынуждена «защищаться» от «притеснений» действующего российского режима с помощью «общественного мнения» демократических стран.

«Партия Роста» и далее будет выполнять свои функции инструментальной партии, получая определенную информационную и административную поддержку в период выборов для достижения определенных задач в рамках модели «управляемой демократии» в сфере партийной конкуренции и контроля за ситуацией с политической канализацией интересов либерально ориентированных избирателей в современной России.

В целом вряд ли стоит ожидать каких-либо серьезных изменений на либеральном фланге российской многопартийности в среднесрочной перспективе. Основная тенденция ослабления потенциала либеральной оппозиции в современной России дополняется стремлением компенсировать отсутствие институализированного представительства либералов в Государственной Думе демонстрацией Президентом и Правительством Российской Федерации своей приверженности либерально-демократическим ценностям в экономической сфере. Этой же цели подчинена и деятельность пропрезидентской «Партии Роста», которая позиционирует себя в качестве системной либеральной партии в современной России. Думается, что обозначенный расклад сохранится в основных чертах до следующих выборов в Государственную Думу Российской Федерации.

Библиографический список

1. Баранов, Н. А. (2008). *Эволюция современной российской демократии: тенденции и перспективы*. СПб.: Балтийский государственный технический университет.
2. Выборы депутатов Законодательного Собрания Республики Карелия шестого созыва (2016, 25 сентября). Режим доступа: <http://www.karel.vybory.izbirkom.ru/region/region/karel>

3. Генпрокуратуру попросили проверить слова Зубова о Гитлере (2016, 1 сентября). Режим доступа: <https://news.rambler.ru/incidents/34610795-genprokuraturu-poprosili-proverit-slova-zubova-o-gitlere/>
4. Городской Совет депутатов Калининграда. Фракция политической партии РОДП «Яблоко» (2016, 25 сентября). Режим доступа: <http://gorsovetklgd.ru/sovets/frakcii/frakciya-politicheskoy-partii-rossiyskaya-obedinennaya-demokraticeskaya-partiya>
5. Даймонд, Л. (1999). *Прошла ли «третья волна» демократизации?* Режим доступа: http://www.polisportal.ru/index.php?id=131&page_id=51
6. Данные ЦИК (2016, 25 сентября). Режим доступа: <http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom>
7. Депутаты Законодательного Собрания Республики Карелия шестого созыва. (2016, 25 сентября). Режим доступа: http://karelia-zs.ru/deputaty/poisk_po_fraktsijam/
8. Законодательное собрание Санкт Петербурга. Фракция «Партия Роста» (2016, 25 сентября). Режим доступа: http://www.assembly.spb.ru/authors/show_fraction/635510025
9. Законодательное собрание Санкт Петербурга. Фракция «Яблоко» (2016, 25 сентября). Режим доступа: http://www.assembly.spb.ru/authors/show_fraction/635500036
10. Кривогуз, И. М. (2005). *Либерализация России: начало долгого пути*. М.: Знание.
11. Наумова, Н. Ф. (1999). *Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина или ресурс человечества*. М.: Эдиториал УРСС.
12. Пермская городская Дума. Структура Думы по партийным спискам (2016, 25 сентября). Режим доступа: <http://duma.perm.ru/struct/deputiesgroup/deputieslist/>
13. Псковское областное собрание депутатов. Фракции (2016, 25 сентября). Режим доступа: <http://sobranie.pskov.ru/structure/fractions>
14. Сведения о заверении и регистрации списков кандидатов по единым избирательным округам на выборах депутатов законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации (2016, 18 сентября). Режим доступа: http://www.cikrf.ru/analog/vib_180916/sved_kand/sved_kand_ogv.html
15. Сводная таблица результатов выборов по федеральному избирательному округу (2016, 25 сентября). Режим доступа: <http://www.vybory.izbirkom.ru/region/region/izbirkom>
16. Умланда, А. (2010). *Актуальное состояние исследований русского ультранационализма*. Режим доступа: <http://polit.ru/article/2010/07/22/ultranacionalisme/>
17. Феномен многопартийности в российском обществе. Саратов: Изд-во «Научная книга».
18. Фоули, М., Эдвардс, Б. (1997). *Парадокс гражданского общества*. Режим доступа: <http://old.russ.ru/journal/predely/97-11-25/fouli.htm>
19. Фрумкин, К. (2015). *Вечный либерализм и вечный дирижизм*. Режим доступа: <http://www.topos.ru/article/ontologicheskie-progulki/vechnyi-liberalizm-i-vechnyi-dirizhizm>
20. Яковенко, И. Г. (2007). Манихейская компонента русской культуры: истоки и обусловленность. *Общественные науки и современность*, 3, 55–67.

Статья поступила в редакцию 15.11.2016.

.....

FEATURES OF THE PARTICIPATION OF THE YABLOKO PARTY, THE PEOPLE'S FREEDOM PARTY (PARNAS) AND THE PARTY OF GROWTH IN THE ELECTION CAMPAIGNS OF 2016: RESULTS AND PROSPECTS

Golovchenko A. V.

Golovchenko Anton Vladimirovich, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Saratov State University named after N. G. Chernyshevsky", 410012, Russia, Saratov, Astrakhanskaya Street, 83. E-mail: golovchenkoav@mail.ru

The primary objective of this study was to examine the participation of major Russian liberal parties (the Russian United Democratic Party "Yabloko", the People's Freedom Party (PARNAS), and Party of Growth) in the 2016 election campaigns in order to identify characteristics and impact of their political activities at the regional level. Using official statistics of the Central Election Commission of the Russian Federation, this study analyzed how active these parties are in nominating party lists for legislative elections in different subjects of the Russian Federation. Additionally, it examined main factors that conditioned specific features of these parties' participation and varying levels of their performance in regional elections. Based on the results of this analysis, this study makes a medium-term forecast about prospects of liberal parties in the political system of modern Russia.

Key words: liberal parties in post-Soviet Russia, regional elections, liberal parties' participation in regional elections, election campaigns, election results.

References

1. Baranov, N.A. (2008). *Ehvoljutsiya sovremennoj rossijskoj demokratii: tendentsii i perspektivy* [Evolution of modern Russian democracy: trends and prospects]. SPb.: Balt. gos. tekhn. un-t.
2. Vybory deputatov Zakonodatel'nogo Sobranija Respubliki Karelija shestogo sozyva [Elections of deputies of the Legislative Assembly of the Republic of Karelia of the sixth convocation] (2016, 25 sentjabrja). Retrieved from: <http://www.karel.vybory.izbirkom.ru/region/region/karel>
3. Genprokuraturu poprosili proverit' slova Zubova o Gitlere [The Prosecutor General's Office was asked to check Zubov's words about Hitler] (2016, 1 sentjabrja). Retrieved from: <https://news.rambler.ru/incidents/34610795-genprokuraturu-poprosili-proverit-slova-zubova-o-gitlere/>
4. Gorodskoj Sovet deputatov Kaliningrada. Frakcija politicheskoy partii RODP "Jabloko" [City Council of Deputies of Kaliningrad. Faction of the political party of the Yabloko Party] (2016, 25 sentjabrja). Retrieved from: <http://gorsovetklgd.ru/sovet/frakcii/frakciya-politicheskoy-partii-rossiyskaya-obedinennaya-demokraticheskaya-partiya>
5. Dajmond, L. (1999). *Proshla li "tret'ya volna" demokratizatsii?* [Has the "third wave" of democratization passed?] Retrieved from: http://www.polisportal.ru/index.php?id=131&page_id=51
6. Dannye CIK [CEC data] (2016, 25 sentjabrja). Retrieved from: <http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom>
7. Deputaty Zakonodatel'nogo Sobranija Respubliki Karelija shestogo sozyva [Deputies of the Legislative Assembly of the Republic of Karelia of the sixth convocation] (2016, 25 sentjabrja). Retrieved from: http://karelia-zs.ru/deputaty/poisk_po_fraktsijam/

8. Zakonodatel'noe sobranie Sankt Peterburga. Frakcija "Partija Rosta" [Legislative Assembly of St. Petersburg. Faction "Party of Growth"] (2016, 25 sentjabrja). Retrieved from: http://www.assembly.spb.ru/authors/show_fraction/635510025
9. Zakonodatel'noe sobranie Sankt Peterburga. Frakcija "Jabloko" [Legislative Assembly of St. Petersburg. The Yabloko faction] (2016, 25 sentjabrja). Retrieved from: http://www.assembly.spb.ru/authors/show_fraction/635500036
10. Krivoguz, I.M. (2005). *Liberalizatsiya Rossii: nachalo dolgogo puti* [The liberalization of Russia: the beginning of a long journey]. M.: Znanie.
11. Naumova, N.F. (1999). Retsidiviruyushhaya modernizatsiya v Rossii: beda, vina ili resurs chelovechestva [Recurrent modernization in Russia: misfortune, fault or resource of mankind]. M.: Ehditorial URSS, 1999.
12. Permskaja gorodskaja Duma. Struktura Dumy po partijnym spiskam [Perm City Duma. The structure of the Duma by party lists] (2016, 25 sentjabrja). Retrieved from: <http://duma.perm.ru/struct/deputiesgroup/deputieslist/>
13. Pskovskoe oblastnoe sobranie deputatov. Frakcii [Pskov Regional Assembly of Deputies. Fractions] (2016, 25 sentjabrja). Retrieved from: <http://sobranie.pskov.ru/structure/fractions>
14. Svedeniya o zaverenii i registracii spiskov kandidatov po edinyim izbiratel'nyim okrugam na vyborah deputatov zakonodatel'nyh (predstavitel'nyh) organov gosudarstvennoj vlasti sub#ektov Rossijskoj Federacii [Information on the certification and registration of lists of candidates for single electoral districts in the election of deputies of legislative (representative) bodies of state power of the subjects of the Russian Federation] (2016, 18 sentjabrja). Retrieved from: http://www.cikrf.ru/analog/vib_180916/sved_kand/sved_kand_ovg.html
15. Svodnaja tablica rezul'tatov vyborov po federal'nomu izbiratel'nomu okrugu [Summary table of election results for the federal electoral district] (2016, 25 sentjabrja). Retrieved from: <http://www.vybory.izbirkom.ru/region/region/izbirkom>
16. Umland, A. (2010). *Aktual'noe sostoyanie issledovanij russkogo ul'tranatsionalizma* [The actual state of research of Russian ultranationalism]. Retrieved from: <http://polit.ru/article/2010/07/22/ultranacionalisme>
17. *Fenomen mnogopartijnosti v rossijskom obshhestve* [The phenomenon of multi-party system in Russian society] (2006). Saratov: Izd-vo "Nauchnaya kniga".
18. Fouli, M. & Ehdwards, B. (1997). *Paradoks grazhdanskogo obshhestva*. Retrieved from: <http://old.russ.ru/journal/predely/97-11-25/fouli.htm>
19. Frumkin, K. (2015). *Vechnyj liberalizm i vechnyj dirizhizm*. Retrieved from: <http://www.topos.ru/article/ontologicheskie-progulki/vechnyi-liberalizm-i-vechnyi-dirizhizm>
20. Yakovenko, I. G. (2007). Manikhejskaya komponenta russkoj kul'tury: istoki i obuslovlennost' [The Manichean component of Russian culture: origins and conditioning]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], 3, 55–67.

СТРАТЕГИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ — УСЛОВИЕ УСПЕШНОГО УПРАВЛЕНИЯ СЕЛЬСКИМИ ТЕРРИТОРИЯМИ

.....

Блохин В. Н.

Блохин Виктор Николаевич, Белорусская государственная сельскохозяйственная академия, 213407, Беларусь, г. Горки, Могилевская область, ул. Мичурина, 5. Эл. почта: vik-1987@bk.ru

В статье рассматривается значение управления в переходе сельских территорий к устойчивому развитию. Особую роль в этом играет разработка стратегии устойчивого развития, которая учитывает особенности конкретных сельских территорий. В 2016 г. автор участвовал в качестве эксперта в международном проекте «Расширение экономических возможностей в сельской Беларуси». Целью проекта была разработка стратегии устойчивого развития для сельских территорий и последующий их переход к устойчивой социально-экономической динамике. Создание стратегии устойчивого развития является важным управленческим инструментом, так как позволяет оценить социально-экономические, экологические, демографические условия той или иной территории, выявить сильные и слабые стороны местных сообществ, принять управленческие решения для определения приоритетов местного территориального развития.

Ключевые слова: устойчивое развитие, управление, стратегия, сельские территории, возможности, проблемы.

В настоящее время постсоветские страны вынуждены решать важную социально-экономическую задачу. Во-первых, это потребность в системной модернизации и переход к инновационному общественному устройству. Во-вторых, это защита социума от потрясений. Быстрое развитие глобализационных и инновационных процессов, а также внутренняя перестройка всех сфер социальной жизни ведет к радикальному преобразованию сущности и характера социальных изменений, требует новых управленческих подходов (Струк, 2011).

В России и Беларуси состояние большинства сельских территорий можно охарактеризовать как сочетание современного и патриархального укладов, новых и отсталых технологий, исчезающие сельские населенные пункты и низкоэффективное общественное производство соседствуют с внедрением инноваций.

Сельские территории отличаются консерватизмом и медленными темпами развития, кардинально отстают от уровня и качества городской жизни, имеют специфические социально-экономические и экологические проблемы территориального развития, местные органы власти отличаются крайне ограниченными

финансовыми и административными полномочиями. Обозначенные проблемы типичны для многих государств и являются глобальной проблемой, которую должна решить система управления устойчивым развитием.

Теоретические и методологические подходы к исследованию социально-экономических и управленческих основ устойчивого развития сельских территорий широко представлены в трудах зарубежных, а также российских и белорусских ученых: Л. И. Абалкина, Ю. П. Алексеева, В. М. Баутина, В. Н. Ильиной, З. М. Лексина, Н. Н. Моисеева, Г. Мюрдаля, Г. В. Миренковой, Р. Нуреева, А. В. Петрикова, Р. Чамберса, А. В. Чаянова.

Организацией Объединенных Наций еще в 1992 г. была принята «Повестка дня на XXI век», которая включает более сотни проблемных областей, конкретизирует компоненты модели устойчивого развития, уделяет внимание различным видам деятельности и средствам их реализации с учетом особенностей конкретных государств, при этом отдельной проблемой рассматривается сельское развитие. Однако подходы к развитию сельских территорий и их научное обоснование не всегда учитывают особенности местных сообществ (Миренкова, 2011).

В настоящее время термин «устойчивое развитие сельских территорий» не имеет четкого содержания, не определены показатели и критерии устойчивого развития, отсутствует единая методика оценки сельских территорий.

Под устойчивым развитием можно понимать процесс изменений, суть которого заключается в научно-техническом развитии, снижении использования ограниченных ресурсов, личностные и институциональные изменения направлены на улучшение современного и будущего потенциала для удовлетворения потребностей и устремлений человека (Новикова, Медков, 2011).

Устойчивость — это постоянный рост и инновационное социально-экономическое развитие, которое приводит к формированию разумной системы хозяйства и прекращению нерационального использования ресурсов (Шерстобитова, 2012).

Развитие устойчивого типа включает интеграцию управленческих, социально-экономических и экологических вопросов, способствует решению следующих задач:

- улучшение качества управления;
- обеспечение положительной экономической динамики;
- социальное развитие;
- повышение эффективности охраны окружающей среды;
- рациональное использование и воспроизводство природных ресурсов.

В странах Европейского союза одним из приоритетных направлений государственного управления является создание условий для устойчивого развития сельских территорий. Еще в середине XX в. эти государства столкнулись с проблемами, характерными для современной Российской Федерации и Республики

Беларусь: массовым оттоком сельского населения в города и последовавшим процессом обезлюдения целых районов, формированием обширных зон «депрессии». Поэтапная целенаправленная политика развития сельских регионов, включающая, с одной стороны, комплекс мер по стимулированию производства продуктов питания и обеспечению продовольственной безопасности, с другой — создание диверсифицированной, многоукладной сельской экономики, а также меры по поддержанию экологической безопасности природной среды, изменила сложившуюся ситуацию и способствовала к их переходу на устойчивое развитие.

Управленческие подходы Европейского союза по отношению к развитию сельских территорий включают ряд направлений, многие из которых будут актуальны для практического внедрения в сельских территориях России и Беларуси. Среди таких направлений:

- помощь фермерам в производстве необходимого количества продовольствия;
- контроль за безопасностью производимой продукции;
- защита сельских производителей от чрезмерной волатильности цен и кризисных явлений в экономике;
- поддержка в модернизации производств;
- поддержка жизнеспособных сельских сообществ;
- создание и развитие пищевой промышленности;
- защита окружающей среды и животного мира.

Кроме обозначенных направлений, в ЕС проводится политика внедрения инноваций в сельских территориях, что должно способствовать росту производительности и уменьшению воздействия на окружающую среду (например, использование побочных продуктов и отходов для производства энергии). Для увеличения конкурентоспособности продукции, произведенной в сельских территориях, используются специальные маркировки, с помощью которых потребитель получает информацию о географическом происхождении товара, использовании традиционных ингредиентов или методов производства (EU by topic. Agriculture, 2017).

Таким образом, центральным звеном сельского территориального развития должна быть стратегия, учитывающая локальные и государственные условия, общественные и личные интересы.

Ведущие страны мира уделяют приоритетное внимание реализации мер так называемой зеленой корзины. В соответствии с определением ВТО «зеленую корзину» составляют платежи, направленные на защиту окружающей среды, борьбу с вредителями и болезнями, развитие инфраструктуры, образования, обучение специалистов, исследования, страхование, а также программы региональной помощи (поддержка районов, находящихся в худших природно-климатических, экологических и экономических условиях).

Реализация обозначенного комплекса управленческих мер должна привести к следующим результатам:

- появление стимулов к активности и расширение возможностей местной власти (в случае получения дополнительных полномочий и финансирования);
- развитие частного бизнеса: фермерство или небольшие товарные хозяйства (в том числе возможность развития органического направления сельхозпроизводства), ремесленничество, оказание сервисных услуг, развитие агроэкотуризма;
- проведение мероприятий по охране окружающей среды (мониторинг состояния земельного фонда, ликвидация и переработка бытовых отходов, максимальное использование возобновляемых природных ресурсов без нанесения вреда экосистеме (развитие деревообработки, рыболовства и рыбоводства, оказание охотничьих услуг и т.д.);
- расширение возможностей социокультурного развития для местного населения и укрепление человеческого потенциала.

При разработке стратегии развития сельских территорий необходимо учитывать различия не только в уровне социально-экономического, но и культурного и экологического состояния регионов. Недоучет социокультурной дифференциации сельских регионов приводит, как правило, к преобладанию упрощенных, стандартизированных подходов к решению проблем регионального развития. Тем более что государство сталкивается с проблемой, когда, с одной стороны, необходимо выравнивание стандартов жизни населения различных регионов, с другой — сохранение социокультурной дифференциации, разнообразие стилей жизни. Все это говорит о необходимости адресной региональной политики государственной власти на основе научных данных о сельском регионе как территориальном сообществе во взаимосвязи его культурных и социальных параметров. В первую очередь это касается проблем стратегического планирования (Смирнова, 2012).

Во время разработки стратегии необходимо непосредственное посещение сельских территорий, встреча с местными жителями — представителями власти, бизнеса, общественными активистами и т.д. Для каждой сельской территории составляется SWOT-анализ — это стратегическое планирование, отражающее факторы внешней и внутренней среды (описываются сильные и слабые стороны территории, возможности и угрозы развития).

В 2016 г. автор лично разрабатывал стратегию устойчивого развития для Ходосовского сельского совета (Мстиславский район, Могилевская область, Беларусь). Исследование проводилось в рамках проекта международной технической помощи «Расширение экономических возможностей в сельской Беларуси», реализуемого при финансовой поддержке Европейского союза и Фонда «Евразия» (за счет средств Агентства США по международному развитию USAID). Проект зарегистрирован Министерством экономики Республики Беларусь под

№ 2/14/000737 от 24 декабря 2014 г. В рамках проекта было отобрано 12 пилотных территорий в различных областях Беларуси, для которых разрабатывались стратегии устойчивого развития. Стратегии основывались на результатах исследований социально-экономического, природного и человеческого потенциала, учитывалось мнение местных жителей, представителей власти и бизнеса.

Для изучения реальной социально-экономической ситуации в апреле 2016 г. была организована выездная сессия в населенном пункте Ходосы, где состоялось общение автора с местными жителями, которые сделали критические замечания, внесли конструктивные предложения и озвучили образ желаемого будущего для своих сельских населенных пунктов.

Участники сессии сформулировали образ желаемого будущего так: «Сельские территории должны стать привлекательны для жизни. Для этого нужно создать рабочие места с достойной заработной платой и условиями труда. После этих преобразований можно развивать или улучшать социальную сферу».

Проект «Расширение экономических возможностей в сельской Беларуси» продолжается, в его рамках жители пилотных сельских территорий, представители местной власти и бизнеса имеют возможность представить бизнес-план или концепцию развития. На конкурсной основе будут отобраны лучшие предложения, которые получают финансовую и консультативную поддержку. Так, на территории Ходосовского сельского совета перспективным проектом является развитие агроэкотуризма (есть агроусадьбы и важные исторические объекты различных эпох), пищевой промышленности (мало объектов общественного питания и торговли), альтернативной энергетики (использование энергии ветра, поскольку существуют благоприятные природные условия).

К важнейшим индикаторам устойчивого развития сельских территорий можно отнести:

- уровень занятости трудоспособного населения (%);
- среднемесячная заработная плата;
- среднедушевые располагаемые ресурсы сельского населения;
- доля населения с располагаемыми ресурсами ниже величины прожиточного минимума в общей численности малоимущего населения (%);
- обеспеченность населения общей площадью жилья, уровень газификации домов сетевым газом (%);
- обеспеченность населения питьевой водой (качественной питьевой водой);
- обеспеченность населенных пунктов (хотя бы наиболее крупных) подъездами по дорогам с качественным твердым покрытием;
- индекс производства сельскохозяйственной продукции в хозяйствах всех категорий;
- численность населения.

Целевые индикаторы являются критерием оценки выполнения задач по обеспечению устойчивого развития сельских территорий. В связи с этим список ключевых индикаторов может быть расширен. Так, должны отражаться качественные и количественные оценки результатов реализации:

- демографической политики и создания условий для переселения в сельскую местность;
- диверсификации сельской экономики и результатов политики занятости;
- развития социальной инфраструктуры (показатели обеспеченности объектами социальной инфраструктуры);
- политики сельского расселения (показатели, характеризующие территориальную концентрацию поселений, плотность и людность сельских поселений по типам и т.д.);
- экологической политики;
- политики по отношению к отдельным проблемным группам сельского населения;
- региональной дифференциации политики развития сельских территорий.

Локальные индикаторы сельских территорий разрабатываются на основе детализации направлений устойчивого развития. Такие индикаторы предоставляют возможность оценки не только уровня достижения целей и выполнения задач в конкретных социально-экономических условиях, но и выявления, в какой степени развитие сельских территорий в целом соответствует заданным параметрам устойчивого развития на региональном и государственном уровне, какова эффективность и результативность применяемых мер по достижению целевых индикаторов (Волошенко, Волошенко, 2011).

Таким образом, стратегия устойчивого развития является важным управленческим инструментом, который создается на основе всесторонних научных исследований конкретного региона. Сельские территории в России, Беларуси и других постсоветских республиках находятся в транзитивном состоянии, отличаются, как правило, низким уровнем социально-экономического развития, сложной демографической ситуацией и снижением человеческого потенциала, что представляет собой угрозу для будущего сельских сообществ. Разработка стратегий устойчивого развития должна внести вклад в улучшение ситуации в сельских территориях, расширить полномочия местной власти, реализовать на практике инновационные концепции территориального развития.

Библиографический список

1. Волошенко, Е. В., Волошенко, К. Ю. (2011). Индикаторы устойчивого развития сельских территорий: региональное измерение. *Вестник Российского государственного университета им. И. Канта*, 1, 117–124.

2. Миренкова, Г. В. (2011). *Устойчивое развитие сельских территорий: теория, методология, практика*. Горки: БГСХА.
3. Новикова, И. И., Медков, А. Л. (2011). Комплексное исследование устойчивого развития сельских территорий. *Труды вольного экономического общества России*, 151, 403–427.
4. Смирнова, Р. А. (2012). Сельские регионы как объект социологического исследования. *Социологический альманах*, 3, 290–302.
5. Струк, Е. Н. (2011). Особенности проявления социальных пределов инновационного общества. *Общество. Среда. Развитие*, 1, 122–126.
6. Шерстобитова, Г. И. (2012). Концептуальные основы устойчивого развития сельских территорий региона. *Вестник СамГУ*, 7 (98), 143–146
7. EU by topic. Agriculture. Режим доступа: http://europa.eu/pol/agr/index_en.htm.

Статья поступила в редакцию 17.11.2016.

.....

SUSTAINABLE DEVELOPMENT STRATEGY — CONDITION FOR SUCCESSFUL MANAGEMENT OF COUNTRYSIDE

Blokhin V.N.

Blokhin Viktor Nikolaevich, Belarusian State Academy of Agriculture, 213407, Belarus, Gorki, Mogilev region, str. Michurina, 5. E-mail: vik-1987@bk.ru

The article examines the value of management in transition of countryside to sustainable development. A special role in this is elaboration a sustainable development strategy which takes into account specific characteristics of countryside. In 2016, the author participated as an expert in the international project “Expanding economic opportunities in rural Belarus”. The aim of the project was to develop a strategy for sustainable development of countryside and their subsequent transition to sustainable socio-economic dynamics. Creating a strategy of sustainable development is an important management tool, as it allows to assess the socio-economic, environmental, demographic conditions of a particular territory, identify the strengths and weaknesses of the local communities, take management decisions to determine the local territorial development priorities.

Key words: sustainable development, management, strategy, countryside, opportunities, problems.

References

1. Voloshenko, E. V., Voloshenko, K. YU. (2011). Indikatoryi ustoychivogo razvitiya selskih territoriy: regionalnoe izmerenie [Indicators of sustainable development of countryside: the regional dimension]. *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Kanta* [Herald of the Russian State University of Immanuel Kant], 1, 117–124.
2. Mirenkova, G. V. (2011). *Ustoychivoe razvitie selskih territoriy: teoriya, metodologiya, praktika* [Sustainable development of countryside: the theory, methodology, practice]. Gorke: BGSXA.
3. Novikova, I. I., Medkov, A. L. (2011). Kompleksnoe issledovanie ustoychivogo razvitiya selskih territoriy [A comprehensive study of sustainable development of countryside]. *Trudy volnogo ekonomicheskogo obschestva Rossii* [Works of the Free Economic Society of Russia], 151, 403–427.

4. Smirnova, R. A. (2012). Selskie regionyi kak ob'ekt sotsiologicheskogo issledovaniya [Rural areas as an object of sociological research]. *Sotsiologicheskii almanah* [Sociological Almanac], 3, 290–302.
5. Struk, E. N. (2011). Osobennosti proyavleniya sotsialnyih predelov innovatsionnogo obshchestva [Peculiarities of social limits of innovation society]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie* [Society. Environment. Development], 1, 122–126.
6. Sherstobitova, G. I. (2012). Kontseptualnyie osnovyi ustoychivogo razvitiya selskih territoriy regiona [Conceptual foundations of sustainable development of countryside in the region]. *Vestnik SamGu* [Vestnik of SSU], 7 (98), 143–146.
7. EU by topic. Agriculture. Retrieved from http://europa.eu/pol/agr/index_en.htm

ОБЪЕКТЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КАК РЕСУРС АТТРАКТИВНОСТИ ПРИГОРОДНОЙ ЗОНЫ КАЛУГИ¹

.....

Казакова А. Ю.

Казакова Анна Юрьевна,
Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского,
248023, Россия, г. Калуга, ул. Степана Разина, д. 26.
Эл. почта: kazakova.a.u@yandex.ru

На фоне слабой разработанности в современной отечественной социологии проблематики субурбанизма анализ источников укрепления локальной идентичности жителей пригородных зон российских городов представляется теоретически и практически значимым. Пригородная зона Калуги является сегодня малопривлекательным для постоянного проживания местом. Баланс поселенческой структуры пригорода поддерживается въездной миграцией и ротациями сельских и городских жителей. Развитие пригородов сдерживается скудостью социально-бытовой и социокультурной инфраструктуры в условиях сельского населенного пункта как постоянного места жительства. Важным барьером развития пригородного образа жизни, кроме потребительских качеств жизненной среды, является территориальная стигма ее семиотической бедности, культурной эксклюзии, формирующая у жителей негативную территориальную идентичность. Содержание стигмы (культурное однообразие, отсутствие достопримечательностей, свидетельствующих о причастности к общей истории и традициям поселения, в данном случае — города) далеко не всегда соответствует объективным потребительским характеристикам территории, ее качеству как жилой среды. Рассматривая связь между семиотической насыщенностью территории и территориальной идентичностью жителей, мы приходим к выводу об их нелинейной связи: отсутствие знаковых локусов снижает престижность микрорайона и — опосредованно — оценку благоприятности жизненных условий, но само избирательное внимание к сохранности памятников, культурной самобытности слабо от него зависит и неравномерно распределяется между разными функциональными зонами города. Поскольку жителей пригородов характеризует обостренная чувствительность к вопросам сохранения городом культурной самобытности, важным средством повышения привлекательности образа среды мы считаем ревалоризацию объектов культурного наследия и особо охраняемых территорий. Осмотрительное и строго контролируемое вовлечение объектов культурного наследия в зону публичного использования способно повысить рекреационный, идентификационный и туристический потенциал калужской пригородной зоны.

Ключевые слова: территориально-поселенческие общности, качество жизненной среды, аттрактивность, объекты культурного наследия.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Калужской области, проект № 15-13-40601 е(р) «Социальные факторы сохранности исторической памяти как основы территориальной идентичности локальных городских сообществ».

Актуальность и изученность темы

В ходе жилищного строительства и повышения территориальной мобильности населения развиваются пригороды; горожане переселяются в ближние села и поселки, сочетая занятость в городе с преимуществами сельского образа жизни. Но будущее предместий неоднозначно из-за низкого качества жизни в них.

Основы социологической теории пригорода заложены в конце 1950-х гг. в работах С. Фавы, утверждавшей наличие особого пригородного образа жизни и искавшей концептуальные подходы к его изучению. Сегодня большая часть крупных исследований пригородов недоступна на русском языке; в современной отечественной литературе тема рассматривается редко; мировой опыт аналитически обобщается лишь в книге А. В. Никифорова «Рождение пригородной Америки» (2002), а монографическое описание современных российских пригородов впервые появляется лишь в 2013 г. (Григоричев, 2013). Анализ ресурсов пригородных территорий для оценки их градостроительных перспектив встречается редко (Желясков, 2001; Волкова, 2014; Волкова, 2015а; Волкова, 2015б).

Как средство повышения привлекательности пригородных населенных пунктов мы рассматриваем актуализацию мнемической, идентификационной, рекреационной функций пригородных объектов культурного наследия². Для анализа их роли в формировании социальной памяти мы обратились к перечням недвижимых памятников истории и культуры Российской Федерации на порталах Министерства культуры РФ и Калужской области, а также к данным проведенного нами в сентябре 2014 — марте 2015 г. опроса калужан по проблемам развития городских и сельских территорий³.

Пригородная зона Калуги: динамика поселенческой структуры

Большая часть населенных пунктов, входящих в пригородную зону современной Калуги, возникла естественным путем. Импульсами к целенаправленному созданию и интенсивному развитию других становились в разное время: строительство дворянских усадеб (Росва, Тихонова пустынь, Большая Каменка, село Георгиевское, Грабцево, Доможирово, Козлово, Рождествено, Чижовка); развитие промышленности и транспорта и потребность в обслуживающих его специалистах (ж/д станции Горенская, Тихонова пустынь, Муратовский

² Далее в тексте – ОКН.

³ Использовалась территориальная стратифицированная двуступенчатая выборка объемом 1536 чел., рассчитанная по доле населения микрорайонов и населенных пунктов МО «Город Калуга» в генеральной совокупности; контролировалось соблюдение половозрастных квот и присутствие в выборке всех типов жилья (индивидуальные и многоквартирные жилые дома, в том числе с коммунальными квартирами и общежития); сбор данных проведен методом личного маршрутного интервью рядом с жилыми домами, расположенными на улицах района, в случае утвердительного ответа на вопрос-фильтр о постоянном проживании пешехода в отобранном доме. В качестве основных методов использовались автоматизированный (IBM SPSS Statistics, 20-я версия) однофакторный дисперсионный, регрессионный, дискриминантный анализ.

Щебзавод), включая новейшее корпоративное строительство (коттеджный поселок «Международная деревня» для специалистов автокластера); переделы собственности (монастырских, помещичьих, колхозных земель после революции и в 1990-е гг.); коммерческое жилищное строительство (коттеджные поселки Косьмово клуб, Сосновый Бор, Берестяное, Калуга Кантри, Радуга); реализация государственных и муниципальных целевых программ (коттеджные поселки Воскресенское, Швейцарская деревня); новые социальные институты, гражданские и общественные движения, требующие самоизоляции (экопоселения как ответ на развитие института приемной семьи или как форма религиозной самоорганизации, борьбы с аддиктивным поведением).

Итог — неравномерная заселенность: к наиболее обжитым частям пригородной зоны относятся юго-западная (30% населения) и западная (26%), на северное и северо-западное направление приходится по 14% всего сельского населения Калуги, на юге живет около 12%, а население восточной части стремится к нулю. Основными направлениями динамики является сокращение количества населенных пунктов и разнообразия их типов, укрупнение, слияние с городом, исчезновение. Абсолютная убыль населения невелика: по результатам переписи 2002 г. численность сельских жителей МО «Город Калуга» составила 15882 чел., на 01.01.2011 г. — 15666, а на 01.01.2013 г. — 14790 чел. Но относительная убыль за два года превысила относительную убыль за десятилетие почти в шесть раз, и при этом наблюдается депопуляция целых населенных пунктов. Сокращение численности населения ведет к снижению качества жизни оставшихся жителей в плане транспортного, социально-бытового, социокультурного обслуживания.

Однако чаще всего мы имеем дело не с убылью как таковой, а с сезонными колебаниями численности и ротациями населения. Они связаны с новыми тенденциями территориального поведения горожан, выражающимися в сезонных или ежедневных челночных миграциях между несколькими местами жительства, что вызвано изменениями жилищно-ресурсной обеспеченности и новыми паттернами трудового и досугового поведения, основанными на менее оседлом образе жизни. В сезон растет численность населения и активизируется деятельность мелкого бизнеса, обслуживающего потребности отдыхающих. Локальные общности пригородов мобильнее, чем во «внутреннем городе». Пригороды меняют свои границы, структуру и функции намного чаще и быстрее ввиду того, что для значительной части жителей населенный пункт, где расположен используемый объект недвижимости, не является основным и (или) постоянным местом жительства.

Тем не менее из-за неравномерности развития пригородов, общего отставания от «внутреннего города» в благоустройстве и качестве предоставляемых жителям коммунальных услуг, в наличии рабочих мест, в эстетичности и комфортности публичных пространств пригородная зона остается малопривлекательным местом для постоянного проживания. Естественные тенденции пригородного

расселения и целенаправленная градостроительная и социальная политика муниципальных властей не совпадают; ряд населенных пунктов характеризуется только сезонным использованием, что в перспективе способно привести к их депопуляции.

Семиотическая «бедность» пространства как источник дискомфорта

Основные проблемы развития пригородной зоны Калуги определялись нами еще в 2013 г.⁴ с помощью сплошного ивент-анализа муниципальной газеты «Калужская неделя» за период с 1.01.2011 г. по 31.12.2012 г. В 123 статьях, посвященных проблемам пригородов, самой актуальной стала проблема транспорта (24% материалов); далее шел досуг и качество социального окружения, на которые приходится по 19% и 18% соответственно; затем — вопросы ЖКХ (16%); немаловажными оказались проблемы занятости (5%), бытового обслуживания (4%) и работы дошкольных учреждений (4%); медицинское обслуживание и среднее образование обсуждались соответственно в трех статьях (1,5%) и одной (0,81%). Эти проблемы часто упоминались и населением, чей образ жизни и его типовые сложности реконструировались нами в 2013 г. на основании опроса 214 жителей, отобранных по типологическому методу пригородных сел и поселков МО «Город Калуга».

Таким образом, на формирование пригородного образа жизни в современной российской провинции сильно влияет скудость социально-бытовой и социокультурной инфраструктуры в условиях сельского населенного пункта как постоянного места жительства. Развитие пригородов сдерживается не только инфраструктурой, но и негативной территориальной стигмой. О ее наличии свидетельствует частая «сверхкатегоризация» («Я — житель Калуги, а не: Шопино, Мстихино, Григоровки и т.д.») уроженцев и подчеркнутое дистанцирование от местного населения у одного из выделенных нами подтипов «сезонных» жителей — увлеченных дачниц. Основа стигматизации — представление о бедности не только экономической, но и культурной, о том, что пригород — это только природа, но не культура, что сама его жизненная среда исключает досуг за пределами дачного участка и вне шаблона «пикника с шашлыками» или сбора грибов и ягод.

Представление о «выброшенности» пригородов за пределы историко-культурного пространства Калуги не соответствует действительности. Конечно, абсолютное количество расположенных в пригородной зоне Калуги материальных ОКН невелико: от 29 (согласно перечню ОКН, включенных в федеральный реестр) до 39, согласно сводному перечню, составленному нами на основе сопоставления списков Министерств культуры Российской Федерации и Калужской области. На долю пригородов (см. рис. 1) приходится от 5 до 8% калужских недвижимых ОКН.

⁴ В рамках работ по гранту РГНФ, проект № 13-13-40003 а(р) «Пригородный образ жизни в современной российской провинции: социальная база, проблемы и перспективы развития».

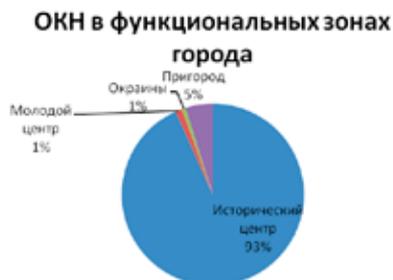

Рис. 1. Доли недвижимых ОКН в функциональных зонах Калуги исходя из сводного перечня

Но предметная среда пригорода по сравнению с внутренним городом более разрежена. Различный уровень насыщенности городского пространства мнемическими объектами следует оценивать не через абсолютную численность, а по удельному весу ОКН в составе гражданской застройки или через отношение их количества к площади территории. Важна и насыщенность повседневно-бытового (непубличного) пространства мнемическими объектами, которую выражает количественное доминирование в составе зданий — ОКН памятников жилой архитектуры или выполняющих жилые функции.

Безусловно, концентрация ОКН, в том числе жилых по своему исходному предназначению и текущему использованию, максимальна именно в пределах исторического центра. Но какова связь между этой насыщенностью и территориальной идентичностью, прямая она или обратная, — вопрос неоднозначный. С одной стороны, пространство с высокой семиотичностью как жилая среда создает отличные предпосылки для ориентации в культурно-историческом хронотопе, для самокатегоризации и самоотождествления. С другой стороны, избыток этой семиотичности снижает узнаваемость и ценность исторических зданий в восприятии жителей.

В статье П. С. Куприянова и А. В. Садовниковой отмечено: «несмотря на чрезвычайную насыщенность старинными постройками, Зарядье 1930–1960-х гг. в восприятии местных жителей не обладало никаким специфическим мемориальным статусом. Эти постройки органично входили в окружающий ландшафт и вместе с другими его элементами формировали образ места, сообщая ему определенное значение — жилого района /.../ даже наиболее специфические локусы и предметы воспринимались как элементы не исторического, а повседневного ландшафта» (Куприянов, Садовникова, 2010).

Анализ данных, собранных нами в 2014–2015 гг., показал наличие крайне слабой, но статистически значимой связи оценок жизненной среды горожанами (благоприятность жизни в городе, районе, престиж района) с сохранностью социальной памяти, физической (наличие ОКН) и семиотической (ценность ОКН, культурной самобытности).

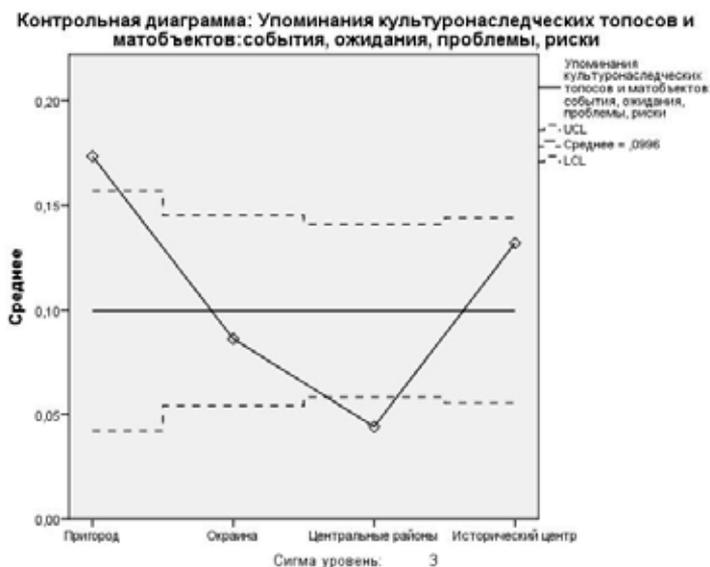

Рис. 2. Внимание жителей к ОКН: средние для функциональных зон города значения

От реального соседства респондента с ОКН совершенно не зависят оценки города в целом, но до некоторой степени зависит оценка престижности района (стандартизованный бета-коэффициент 0,163 со значимостью 0,000, F-критерий в рамках дисперсионного анализа 41, 419 со значимостью 0,000), что слегка повышает (стандартизованный бета-коэффициент 0,076 со значимостью 0,003, F-критерий 8,774 со значимостью 0,003) и оценку благоприятности условий жизни в нем.

Жители оценивают город несколько лучше, если не замечают угроз для сохранности его материальной культуры и традиционного жизненного уклада (стандартизованный бета-коэффициент $-0,058$ со значимостью 0,025, F-критерий 5,006 со значимостью 0,025). Примерно таковы же по силе, знаку и значимости связи с оценкой и престижности (стандартизованный бета-коэффициент $-0,062$ со значимостью 0,016, F-критерий 5,833 со значимостью 0,016), и благоприятности района (стандартизованный бета-коэффициент $-0,051$ со значимостью 0,046, F-критерий 3,990 со значимостью 0,046).

Кроме того, наши данные показали, что повышенной «чувствительностью» к вопросам культурного наследия, сохранности ОКН обладают жители двух полярных по месту в физическом и социальном пространстве локальных общностей: исторического центра и пригородной зоны (см. рис. 2).

Именно здесь чаще волнуются за судьбу исторической застройки, за сохранность культурной самобытности Калуги в условиях всплеска въездной миграции и приближения границ Москвы. Здесь же наблюдается самая высокая семиоти-

ческая насыщенность пространства по сравнению с обедненной, монотонной средой молодых центральных районов города и окраин.

Примечательна нелинейность связи между реальным количеством ОКН и вниманием к ним населения, которое нетипично высоко у жителей пригородов, тогда как у жителей исторического центра соответствующее значение укладывается в пределы контрольного диапазона. Вероятно, в условиях чрезмерной знаковой насыщенности пространства (в историческом центре) каждый отдельный объект теряет «выпуклость», узнаваемость, «размывается» в общем знаковом потоке. Поэтому, как показал анализ соответствий, переменная «Количество ОКН, расположенных на улице, где проживает респондент», обуславливает всего лишь 5% вариации признака «Внимание респондента к проблемам культурной самобытности и сохранности ОКН».

Объяснение этому находим в уже цитированной работе: «Воспоминания... возникают..., когда жители района превращаются в бывших жителей и... осваивают новый неповседневный взгляд на пространство. Источником такого взгляда является позиция Туриста, противопоставляемая позиции Жителя по признаку внешнее/внутреннее. Переход из повседневной реальности в неповседневную связан с отстранением, превращением «своего» в «иное» (Куприянов, Садовникова, 2010). Положению жителя пригорода вполне соответствует, с одной стороны, взгляд «туриста», выезжающего в центр внутреннего города для приобщения к «культуре», которой он не находит в пределах ближайшей пространственной среды своего повседневного обитания, с другой — более настоятельная, чем у жителя исторического центра, потребность претендовать на символическое «владение» культурным пространством города.

Данные опроса указывают на несколько возможных источников этой повышенной потребности. Самым важным среди них является негативная территориальная стигма, субъективное переживание которой выражается, в частности, в довольно отчетливой обратной зависимости между вниманием горожан к ОКН и оценкой престижности их района (r Спирмена = $-0,389$ со значимостью $0,012$ на уровне значимости $0,05$).

Влияет на субъективную ценность сопричастности историческому прошлому и чувство внешней угрозы в виде притока мигрантов и обеспеченных соотечественников, прежде всего москвичей, скупающих земли под коттеджную застройку (r Спирмена = $0,372$ со значимостью $0,017$ на уровне значимости $0,05$). Эта тема часто появляется у респондентов из пригородов и реже у жителей частного сектора «внутреннего города» в ответах на открытые вопросы о том, в чем они видят угрозы своему благополучию и главные проблемы жизни в своем микрорайоне и городе в целом.

Наконец, нельзя не учитывать и различный характер ОКН, расположенных в пригороде и во внутреннем городе. Пригородные ОКН — это культовые объекты, захоронения, аварийные или руинированные остатки усадебных и произ-

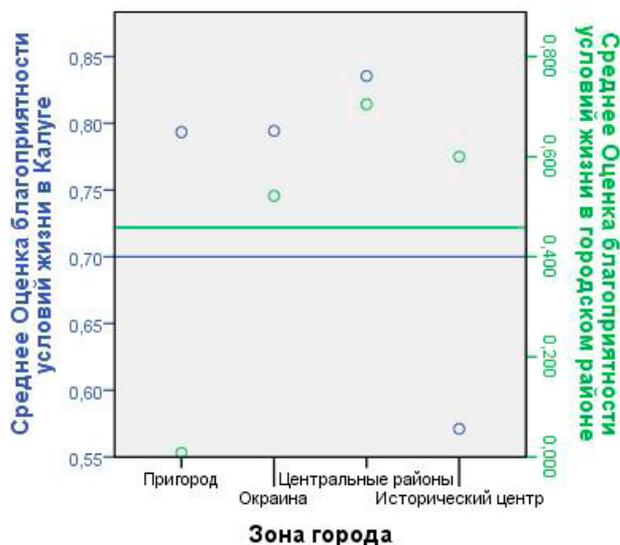

Рис. 3. Внимание жителей к ОКН: средние для функциональных зон города значения водственных комплексов. Их нельзя использовать, их можно только осматривать или показывать другим. ОКН внутреннего города разнообразны по составу, физическому состоянию, стилистике; они встроены в повседневную жизнь города, составляя рамку актуализации множества его функций. Процесс использования потребителем прагматических функций недвижимых ОКН (жилые, административные, деловые, бытовые и пр.) сопряжен и с произвольной или непроизвольной фиксацией и интерпретацией их семиотического «контента».

Жители молодого центра и окраин — функциональных зон с минимальной насыщенностью ОКН — воспринимают свою жизненную среду как благоприятную значительно чаще, чем жители пригородов и исторического центра (см. рис. 3). Исходят они при этом, как показывают ответы, характеризующие типичные для города и района проблемы, прежде всего из уровня благоустроенности, инфраструктурной развитости. Поэтому корреляция Спирмена (двусторонняя, на уровне значимости 0,01) для массива ответов горожан в целом показывает слабые отрицательные связи между реальным количеством ОКН вблизи места жительства респондента и его оценками жизни в городе ($-0,079$ со значимостью 0,002) и микрорайоне/населенном пункте в составе города ($-0,070$ со значимостью 0,007).

Оценки жителями исторического центра и пригорода благоприятности среды микрорайона (населенного пункта) и города характеризуются высокой расхожденностью в целом. Жители исторического центра комфортно чувствуют себя в собственном районе, негативно характеризуя обстановку в городе в целом, жители пригородов — наоборот.

В условиях сформированной установки на ценность ОКН и мемориальных мест, избирательного внимания к проблемам культурной самобытности, выраженной у жителей пригородов сильнее, чем у других жителей Калуги, реабилитации пригородных территорий может способствовать актуализация семиотических функций расположенных на них ОКН. В первую очередь необходима узнаваемая маркировка ОКН, обозначение его физических границ, обеспечение мер физической сохранности и установление символической связи между историческим прошлым и насущными потребностями и интересами современных жителей. В случае, если это не противоречит требованию физической и семиотической сохранности, желательна ревалоризация памятника для его вовлечения в зону публичного использования: «Наиболее эффективный способ сохранения и популяризации исторической среды представляет вовлечение открытых пространств в социальный оборот путем развития пешеходных зон и их инфраструктуры. Созданию комфортной обстановки в историческом центре способствуют его благоустройство, озеленение, освещение и установка малых архитектурных форм, сомасштабных окружающей застройке и соответствующих эстетике среды. Недостаток гармонии, игнорирование традиций, перегруженность пространства могут привести к проблемам восприятия, потере чувства безопасности и комфорта, сделать открытое пространство непривлекательным и недружественным» (О Петербургской стратегии сохранения культурного наследия, 2005).

Калужские пригороды располагают всем необходимым рекреационным потенциалом для развития пеших экскурсионных маршрутов: эстетическая привлекательность и природное разнообразие ландшафта, пешая доступность (расстояние от центра внутреннего города до наиболее удаленной точки 45 км), наличие целостных усадебных, монастырских комплексов, включающих объекты садово-паркового искусства. Их музеефикация по принципу музеев под открытым небом способна повысить не только рекреационный и идентификационный (для местных жителей), но и туристический потенциал пригородной зоны.

Библиографический список

1. Волкова, Т. Ф. (2014). Исследование потребительских качеств городской среды. *Перспективы науки и образования*, 3 (9), 109–113.
2. Волкова, Т. Ф. (2015а). Методы реконструкции городской среды. *Современные научные исследования и инновации*, 4. Режим доступа: <http://web.snauka.ru/issues/2015/04/51758>.
3. Волкова, Т. Ф. (2015б). Основы предпочтительности проживания в пригородной зоне. *Современные научные исследования и инновации*. Режим доступа: <http://web.snauka.ru/issues/2015/03/50459>.
4. Григоричев, К. В. (2013). *В тени большого города: социальное пространство пригорода*. Иркутск: Оттиск.

5. Желясков, А. Л. (2000). *Особенности размещения хозяйственных центров при землеустройстве сельскохозяйственных предприятий пригородной зоны (на материалах Северного Казахстана)*: дис. ... канд. экон. наук. Москва.
6. Куприянов, П. С., Садовникова, Л. В. (2010). Место памяти в памяти местных: Культурные смыслы городского пространства (по материалам интервью жителей московского Зарядья). *Антропологический форум*, 11, 379–407.
7. Никифоров, А. В. (2002). *Рождение пригородной Америки. Социальные последствия и общественное восприятие процесса субурбанизации в США (конец 40-х-50-е гг. XX в.)*. Москва: Эдиториал УРСС.
8. О Петербургской стратегии сохранения культурного наследия. Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 1 ноября 2005 года № 1681 (2005). Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/8421327>.

.....

OBJECTS OF CULTURAL HERITAGE AS A RESOURCE OF ATTRACTIVENESS OF THE SUBURBAN AREA OF KALUGA

Kazakova A. Y.

Kazakova Anna Yuryevna, Kaluga state University named after K. E. Tsiolkovsky,
48023, Russia, Kaluga, ul. Stepana Razina, 26. E-mail: kazakova.a.u@yandex.ru

Due to weak elaboration of suburbanistic perspective in contemporary sociology the analysis of sources of local identity of residents of the suburban zones of Russian cities strengthening seems to be theoretically and practically significant. Suburban area of Kaluga today is not attractive for permanent living place. The balance of suburbs' settlement patterns is supported by inbound migration and rotations of rural and urban residents. Suburban development is constrained by scarce social and socio-cultural infrastructure in rural locality as a permanent place of residence. An important barrier to the development of suburban lifestyles, in addition to consumer qualities of the life environment, is its territorial stigma of semiotic poverty, cultural exclusion, which forms the inhabitants' negative territorial identity. The contents of stigma (cultural monotony, lack of interest, evidence of involvement in the general history and traditions of the settlements, namely, cities) do not always correspond to objective consumer characteristics of the area, to its quality as a living environment. Considering the relationship between the semiotic richness of the territory and territorial identity of the inhabitants, we come to the conclusion that they are non-linear communication: the lack of significant loci reduces the prestige of the neighborhood, and, indirectly, the favorability of living conditions evaluation, but selective attention to the preservation of monuments, cultural identity depends on it weakly and is distributed between different functional areas of the city unevenly. Reclamation of cultural heritage sites and protected areas is able to increase the attractiveness of the environmental image. Cautious and strictly controlled inclusion of cultural heritage in the area of public use is able to increase recreational, identity and tourism potential of Kaluga suburbs.

Key words: territorial-settlement communities, quality of life environment, attractiveness, cultural heritage.

References

1. Volkova, T. F. (2014). Issledovanie potrebitelskikh kachestv gorodskoy sredy [The study of consumer qualities of the urban environment]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya* [Perspectives of Science and Education], 3 (9), 109–113.

2. Volkova, T. F. (2015a). *Metodyi rekonstruktsii gorodskoy sredy* [Methods of reconstruction of the urban environment]. *Sovremennyye nauchnyie issledovaniya i innovatsii* [Modern scientific researches and innovations], 4. Retrieved from: <http://web.snauka.ru/issues/2015/04/51758>.
3. Volkova, T. F. (2015b). *Osnovyi predpochtitelnosti prozhivaniya v prigorodnoy zone* [The basis of preference of living in a suburban area]. *Sovremennyye nauchnyie issledovaniya i innovatsii* [Modern scientific researches and innovations], 3. Retrieved from: <http://web.snauka.ru/issues/2015/03/50459>.
4. Grigorichev, K. V. (2013). *V teni bol'shogo goroda: social'noe prostranstvo prigoroda* [In the shadow of the big city: the social space of the suburbs]. Irkutsk: Ottisk.
5. Zhelyaskov, A. L. (2000). *Osobennosti razmesheniya hozyaystvennyih tsentrov pri zemleu-stroytve selskohozyaystvennyih predpriyatiy prigorodnoy zonyi (na materialah Severnogo Kazahstana): dis. ... kand. ekon. nauk* [Features of placing of shopping centres in the land management of agricultural enterprises suburban area (North Kazakhstan): dis. ... candidate. econ. sciences]. Moskva.
6. Kupriyanov, P. S., Sadovnikova, L. V. (2010). *Mesto pamyati v pamyati mestnyih: Kulturnyye smysly gorodskogo prostranstva (po materialam intervyyu zhiteley moskovskogo Zaryadya)* [The role of memory in the local memory: Cultural meanings of urban space (on the materials of interviews with people from Moscow Zaryadye)]. *Antropologicheskyy forum* [Forum for Anthropology and Culture], 11, 379–407.
7. Nikiforov, A. V. (2002). *Rozhdenie prigorodnoy Ameriki. Sotsialnyie posledstviya i obschestvennoe vospriyatie protsessa suburbanizatsii v SShA (konets 40-h-50-e gg. XX v.)* [The birth of suburban America. Social impacts and public perception of the process of suburbanization in the U.S. (late 40-ies-50-ies of the XX century)]. Moskva: Editorial URSS.
8. *O Peterburgskoy strategii sohraneniya kulturnogo naslediya. Postanovlenie Pravitelstva Sankt-Peterburga ot 1 noyabrya 2005 goda № 1681 (2005)*. [About the St. Petersburg strategy of cultural heritage preservation. The decree of the Government of St. Petersburg dated November 1, 2005 № 1681]. Retrieved from: <http://docs.cntd.ru/document/8421327>

ПРОТИВОРЕЧИЯ И ТРУДНОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ПОЛИТОЛОГА В УСЛОВИЯХ ВУЗА (ЦЕННОСТНЫЙ АСПЕКТ)

Вейсова В. Э., Кузьмин П. В.

Вейсова Ветана Энверовна, Крымский инженерно-педагогический университет,
295015, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, пер. Учебный, 8. Эл. почта:
veisovavetana@mail.ru

Кузьмин Петр Васильевич, Таврическая академия Крымского федерального
университета им. В. И. Вернадского, 295007, Россия, Республика Крым,
г. Симферополь, проспект Вернадского, 4. Эл. почта: pv.kuzmin@mail.ru

В статье анализируется процесс реализации в учебно-воспитательной деятельности ценностных ориентаций и отношений студентов и профессорско-преподавательского состава в контексте становления профессиональной культуры специалиста политолога.

Показано, что процесс становления профессиональной культуры содержит ряд противоречий ценностного характера, к которым относятся противоречия между: заявленным в анкетах и беседах со студентами интересом к профессии политолога и реальной учебной деятельностью по ее освоению; потребностью активно-творческого отношения студентов к познавательной деятельности по освоению профессии и низким уровнем культуры труда обучаемых; местом и ролью учебных занятий в формировании профессиональной культуры и невысокой оценкой студентами их профессиональной направленности; ролью практик в становлении профессиональной культуры и невысокой оценкой студентами уровня их организации и содержания; ориентацией студентов на творческий характер деятельности политолога и низким уровнем их вовлеченности в научно-исследовательскую работу.

Авторы считают, что разрешение этих противоречий предполагает осуществление комплекса мер, направленного на создание в вузе социокультурной среды, благоприятствующей процессу формирования у студентов профессионализма и позитивных социально-нравственных качеств.

Ключевые слова: ценности, ценностные ориентации студента, профессиональная культура политолога, противоречия учебно-образовательного процесса.

Актуальность заявленной темы обуславливается потребностью обеспечения профессионализма управленческих кадров, элиты, тех, кто участвует в анализе общественных отношений, сложившейся социальной ситуации, подготовке политико-управленческих решений, разработке технологий их реализации. Сегодня уже невозможно обойтись без квалифицированных аналитиков, экспертов, политических консультантов, политтехнологов, имиджмейкеров и других специалистов-политологов.

Общественная потребность становления и развития гражданского общества как в целом в России, так и в Республике Крым как субъекте Российской Федерации выдвинула в качестве актуальной задачи формирование гражданской и политической культуры. Ее решение также предполагает активность и творчество политолога, учет им состояния, а в условиях Крыма изменений социально-экономических, политических, социокультурных ориентаций населения, уточнение методологических подходов к объяснению протекающих процессов и происходящих событий.

Осуществление указанных проблем требует от политолога не только высокопрофессионализма, но и развитых социально-нравственных качеств, зрелого гражданского облика и поведения. Он должен обладать профессиональной культурой, органически сочетать в себе профессиональную компетентность и социальную ответственность. Именно профессиональная культура, на наш взгляд, придает деятельности политолога целостность, стабильность, красоту, позволяет действовать уверенно, свободно, в интересах общества.

Профессиональная культура политолога — один из недостаточно исследованных феноменов, требующий углубленного анализа. Данное суждение справедливо к изучению, прежде всего, сущности и содержания этого явления. Что касается выяснения предпосылок и факторов подготовки специалистов-политологов, трудностей, существующих в процессе подготовки, то указанные аспекты проблемы обсуждаются российскими учеными. Отметим работы Ф. М. Бурлацкого (2012), О. В. Гаман-Голутвиной (2016), Г. Г. Дилигенского (2015), А. Ю. Ильина (2015), В. И. Коваленко (2016), А. П. Клемешева (2014), Ю. С. Пивоварова (2014), А. М. Салмина (2015), А. И. Щербинина (2005) и др. Внимание этой теме было уделено на VII Всероссийском конгрессе политологов (г. Москва, 19–21 ноября 2015 г.), а также на первом съезде Российского общества политологов, состоявшемся в 2014 г. в Суздале. Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации утверждены федеральные государственные стандарты высшего профессионального образования по направлению подготовки 03.02.00 — Политология (квалификация «бакалавр» и квалификация «магистр»).

Представляется, что значимыми для осмысления заявленной проблемы являются следующие идеи и положения исследователей. Так, О. В. Гаман-Голутвина, анализируя роль политологического сообщества в повышении эффективности государственного управления, указывает, что перманентная трансформация власти определяет необходимость постоянного развития политической науки и ее потребность не только в осмыслении ключевых принципов и методологических оснований, но также в упрочении профессиональных стандартов, называет актуальные проблемы развития российской политологии, имеющие прямую связь с подготовкой политологов: соотношение основных направлений эволюции мировой науки с повесткой дня и конфигурацией отечественной политологии; теоретико-концептуальные основания политической науки; со-

отношение фундаментальных и прикладных направлений и их тематическое наполнение; сравнительный анализ эффективности используемых исследовательских стратегий и методов и др. (Гаман-Голутвина, 2016).

Заслуживают внимания и осмысления размышления В. И. Коваленко о значении формирования в личности политолога гражданских качеств, об осознании политологом своей роли в реализации национально-государственных интересов России. Он пишет: «Залог успешного развития любого общества, входящего в свои стабильные рамки,— в сфере демократической реализации системы национально-государственных интересов. Вне понимания этой задачи и любой политолог — эксперт, аналитик, консультант — очень скоро может продемонстрировать свою профессиональную несостоятельность» (Коваленко, 2016). Ученый справедливо придерживается мнения, что каждая развитая отрасль нуждается в своем политологическом оснащении, что в процессе учебно-воспитательного процесса необходимо обеспечивать гармоничное сочетание теоретической и прикладной подготовки будущих специалистов.

А. М. Салмин, подчеркивая роль фундаментальных знаний в профессиональной подготовке политологов, без которых «эта специальность легковесная», одновременно отмечает, что в условиях, когда России брошен не только политический, но и культурный вызов, возрастает значение гражданской зрелости и позиции политолога, сочетания в нем профессиональных способностей и гражданских качеств (Салмин, 2015).

Названные исследователи солидарны в том, что для совершенствования подготовки политологических кадров существенное значение имеет реализация на практике федеральных государственных стандартов. Анализ существующих сегодня стандартов профессионального образования по направлению подготовки 03.02.00 — Политология (ФГОС ВПО, 2011) показывает, что выпускник-политолог должен обладать двумя группами компетенций — общекультурными (23 компетенции) и профессиональными (18 компетенций). Эти компетенции, на наш взгляд, образуют содержательную, компонентную структуру профессиональной культуры политолога.

Изложенные идеи и положения нами рассматриваются как часть методологических оснований исследования процесса становления профессиональной культуры политолога в условиях вуза.

Отметим, что обозначенная проблема является междисциплинарной. Можно вычленив отдельно философские, социологические, педагогические, культурологические направления исследования профессиональной культуры. Наш научный интерес направлен на выяснение тех аспектов профессиональной культуры, которые могут быть рассмотрены в рамках междисциплинарного подхода. Это связано с рассмотрением профессиональной культуры как составной части культуры в целом на уровне общества, этноса, региона, определенной профессиональной группы, индивида. Одним из подходов к такому рассмотрению может

быть ценностный подход, т.е. исследование профессиональной культуры как ценности, присущей профессиональным группам или же отдельному человеку. В качестве же фактуальной основы такого исследования, позволяющей выйти на должный уровень обобщения, могут рассматриваться результаты использования количественных и качественных методов социологии.

Цель статьи — выявление и осмысление ценностных ориентаций студентов специальности «Политология» в системе предпосылок и факторов становления профессиональной культуры студента — будущего политолога в условиях вуза.

Новизна статьи заключается в формулировании противоречий становления профессиональной культуры специалиста-политолога в условиях образовательно-воспитательного процесса в вузе.

При подготовке статьи использованы аналитические материалы анкетного опроса студентов философского факультета (специальность — политология) очной формы обучения Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского в 2013 и 2014 гг. Всего опрошено 118 студентов (свыше 90%) обучающихся по специальности «Политология». Цель анкетного опроса — выяснение ценностных предпочтений студентов при выборе профессии, получение информации для последующего анализа отношения студентов к учебному процессу, к различным видам учебной деятельности, выявления трудностей и противоречий в образовательном процессе вуза. Изучено учебно-методическое обеспечение специальности, а также мнение профессорско-преподавательского состава о трудностях и издержках учебно-воспитательного процесса. Проанализированы справки-отчеты об итогах государственной аттестации студентов-политологов.

Ценностный анализ процесса становления профессиональной культуры предполагает, прежде всего, выбор научного аппарата, ключевых категорий, при помощи которых указанный анализ можно провести. На наш взгляд, к таким категориям можно отнести профессиональную культуру, ценности, оценку, значимость, отношение к труду. Рассмотрим смысловую наполненность каждой из них.

Мы полагаем, что профессиональная культура политолога — это качественная характеристика его развития как профессионала и как гражданина своей страны, уровень подготовки, позволяющий обеспечивать профессионально целесообразное отношение к работе, эффективное выполнение профессиональных обязанностей. Иными словами, это степень совершенства личностных качеств, овладения профессиональными знаниями, умениями, навыками, позволяющая квалифицированно изучать и исследовать социально-политическую сферу жизни общества, обогащать политическую науку; готовить научно обоснованные рекомендации органам власти и управления в интересах стабильности общества и его политической системы; разрабатывать инновационные технологии реализации управленческих решений; распространять политические знания в обществе, способствовать развитию в нем гражданской культуры.

Ценности — это характеристики предметов, явлений, в которых человек заинтересован и которые он оценивает положительно или отрицательно. Критерий того, что является ценностью и что не является, — в самом человеке. Ценности делятся на положительные и отрицательные; объективные и субъективные; материальные и духовные; общечеловеческие, групповые и индивидуально-личностные.

Есть еще понятие — «ценностное отношение», под которым подразумевается такое отношение субъекта к объекту, в рамках которого объект может быть не только ценностью, но и антиценностью или нейтральным в аксиологическом смысле (Сидоров, 2012).

Ценности связаны с оценкой, служащей средством осознания ценности природного и социального мира. Это — одобрение или осуждение различных явлений социальной реальности и поведения людей в зависимости от того, какое значение им приписывается. В основе оценки лежит познание социального значения чего-либо или кого-либо. На этом основании с помощью оценки можно регулировать взаимодействие субъектов социума.

Под значимостью понимается способность человека выбрать то, что ему более близко и необходимо. Основной вопрос — в чем состоит способность выбора того, что человеку ближе, на чем эта способность основана. Главное, отмечает российский исследователь В. А. Сидоров, «...не что для человека является значимым, а как нечто становится значимым для него, вопрос не о том, что такое хорошо, что такое плохо, а вопрос об отношении конкретного человека к тому, что такое хорошо» (Сидоров, 2012).

Отношение к труду — это характеристика типа духовной связи индивида с предметом, средствами и продуктом труда, а также с производственной средой (ситуацией). Отношение к труду получает свое выражение в трудовой деятельности человека. Отношение к труду как таковое — ценностно-нормативное явление, в котором воплощается трудовая мораль данного времени и данной профессиональной группы. Отношение к труду определяется объективными и субъективными факторами. Объективные факторы — это содержание и характер труда, условия труда, тип общественного устройства. Субъективные факторы — система ценностных ориентаций и мотивов трудовой деятельности (Соколова, 2002).

Приступая к рассмотрению результатов проведенного исследования, отметим, что большинство абитуриентов — более 99% — это выпускники школ, имеющие небольшой жизненный опыт, и только около 1% абитуриентов имеет небольшой стаж работы (поступили в вуз после службы в армии или же после училища, техникума).

64% обучающихся — выпускники городских школ, 36% — сельских.

Таблица 1

Ценностные ориентации студентов при выборе профессии (N = 103),%

Ценности выбора профессии	2013–2014 гг. 1-й курс	2014 г. 2-й курс	2014 г. 3-й курс	2014 г. 4-й курс	Среднее значение
Оплата труда	29	27	67	23	36,5
Чувство призвания	29	27	22	20	24,5
Интересная работа	76	63	33	53	56
Престижная работа	40	30	22	20	28
Полезность для общества	24	33	11	33	25
Возможность творчества	20	50	39	46	39
Ответственная работа	36	20	33	10	25
Возможность общаться с людьми	36	46	33	26	35

Абитуриенты, поступившие на специальность «Политология», имеют довольно высокий балл оценок аттестата: 28% обучающихся — средний балл «5»; 41% — «4,5»; 28% — «4»; 7% — «3,5».

Интерес представляет изучение мотивационной сферы поступления на специальность и учебной деятельности студентов. Наибольший процент голосов получил такой мотив, как «получение знаний, освоение избранной специальности» — 71%, затем идет мотив «стремление получить диплом о высшем образовании» — 38%. Каждый десятый опрошенный цель поступления и обучения в вузе видит в том, чтобы пожить студенческой жизнью, а заодно чему-нибудь научиться.

Наконец, небольшая часть юношей (около 1%) мотивом поступления в вуз называет «избежать службы в армии». Следовательно, у студентов всех курсов обучения достаточно сильны мотивы, связанные с получением профессии политолога, что имеет большое значение в процессе формирования профессиональной культуры будущего специалиста.

Ответы на вопрос «Довольны ли Вы избранной профессией?» распределились следующим образом: довольны избранной профессией 67% респондентов исследования, недовольны — 5%, затруднились ответить на вопрос 28% опрошенных.

Отметим также, что на вопрос анкеты «Вызывает ли у Вас интерес учеба в нашем вузе?», 73% опрошенных ответили утвердительно, 22% затруднились с ответом и только у 5% респондентов интерес к учебе отсутствует. Подробно ценностные ориентации студентов при выборе профессии приведены в табл. 1.

Как видим, жизненные планы, определившие профессиональный выбор будущих политологов, были подчинены таким общественно и лично значимым ценностям, как интересная работа (56% всех опрошенных); возможность

творчества (39%); оплата труда (36,5%); возможность общения с людьми (35%). Далее со значительным отрывом названы — престижная работа (28%); ответственная работа (25%); полезность для общества (25%); чувство призвания (24,5% опрошенных).

Учитывая, что процесс профессионального становления зависит от характера взаимодействия преподавателей и студентов, нас интересовало отношение студентов к организационно-методическим рекомендациям преподавателей, связанным с самостоятельной работой обучаемых по изучению преподаваемых дисциплин. Анализ показывает, что лишь 19% опрошенных выполняют все рекомендации преподавателей; 53% — выполняют частично и 10% — не выполняют. То есть 80% респондентов по различным причинам организуют свою самостоятельную работу по собственному «разумению», а это «разумение», как свидетельствует работа студентов на семинарах, а также работа по подготовке теоретических сообщений, рефератов и т.п., весьма часто расходится с общепринятыми педагогическими принципами и нормами и в конечном счете не способствует формированию профессиональной культуры. Следует также отметить, что приведенные ранее цифры примерно одинаковы на различных курсах обучения.

Подчеркнем: как в прошлом, так и в современных условиях велика роль самостоятельного труда студентов в формировании профессиональной культуры. Самостоятельный труд, без преувеличения, является основным средством накопления, систематизации, творческой переработки знаний, развития интеллектуального, нравственного, эстетического потенциала будущего специалиста. Переход к информационной эпохе, резкое увеличение объема и обновления профессионально значимой информации требуют от студентов формирования потребности к ознакомлению с этой информацией, умений и навыков отбора актуальных сведений, их осмыслению и усвоению.

В настоящей статье авторы не ставят своей целью всесторонний анализ активности студентов во внеучебное время как одной из предпосылок овладения профессией. Мы лишь сделали попытку выяснить, сколько времени студенты отводят на самостоятельную работу по подготовке к семинарам. Опрос показал, что 22% респондентов 1–4-х курсов обучения готовятся к семинару в течение одного часа; 47% — двух часов; 21% — трех часов и 10% — четырех часов.

Беседы со студентами, а также наблюдения на семинарах позволяют говорить о том, что около 50% студентов исследуемых групп в процессе подготовки к семинарам отдают предпочтение ксерокопированию нужных материалов без последующего осмысления информации. Предложение преподавателя выступающим студентам на семинаре объяснить озвученный распечатанный материал на практике нередко приводит к существенному различию между тем, что распечатано, прочитано и тем, что усвоено.

Таблица 2

Суждения респондентов о качестве преподавания профессионально ориентированных дисциплин (N = 103),%

Показатели	1-й курс	2-й курс	3-й курс	4-й курс	Среднее значение
Доступность излагаемого материала	4,4	4,2	3,7	3,7	4,0
Умение преподавателя стимулировать думать, размышлять	4,0	3,8	3,5	3,2	3,6
Насыщенность лекций новым материалом	4,0	3,5	3,2	2,8	3,6
Принципиальность, оправданная требовательность	4,5	3,7	3,4	3,6	3,8
Связь теоретического материала с будущей профессией	3,8	3,4	2,7	2,8	3,2
Готовность отвечать на трудные вопросы	3,9	4,2	3,3	3,4	3,8
Уважительное отношение к студентам	4,6	4,4	4,2	4,0	4,3

Превращение самостоятельного труда в ценность для студентов — весьма актуальная проблема вузовской практики. Исследование показывает, что значение ценности «самостоятельная работа студента» среди обучающихся невысокое. Более того, оно имеет тенденции к снижению, что, в частности, проявляется в падении интереса к работе с книгой, журналами, газетами. Количество студентов, посещающих библиотеки (университетскую, крымскую универсальную научную библиотеку им. И. Я. Франко), в 2013–2015 гг. сократилось соответственно на 25 и 35%.

Заявления студентов о том, что они обращаются к электронным изданиям учебной литературы, журналов и т.п., как показывают последующие беседы с обучающимися, далеко не всегда соответствует действительности. Например, на вопросы: «Каким конкретно электронным учебником пользуетесь, какую журнальную статью изучили?» большинство опрошенных не смогли ответить предметно.

Несомненно, превращение ценности «самостоятельная работа» в перечень ценностей востребованных, наиболее предпочитаемых — один из важнейших резервов повышения качества подготовки специалистов, в нашем случае — психологов.

Необходимой предпосылкой становления профессиональной культуры психолога является обеспечение в вузе надлежащего уровня (научно-теоретического,

содержательного, методического, организационного) преподавания учебных дисциплин, в том числе профессионально ориентированных.

В табл. 2 указаны мнения студентов по некоторым показателям качества преподавания. Студентам было предложено оценить по 5-балльной шкале (от 1 до 5) качество преподавания профессионально ориентированных дисциплин.

Изучение мнений студентов, указанных в табл. 2, позволяет нам предположить, что в вузе существуют резервы повышения качественных характеристик учебного процесса по подготовке специалистов-политологов. Речь может идти, прежде всего, о необходимости усиления профессиональной направленности занятий. Оценки таких характеристик образовательного процесса, как «насыщенность лекций новым материалом», «связь теоретического материала с будущей профессией» — соответственно «3,6» и «3,2» балла — ориентируют профессорско-преподавательский состав на внесение соответствующих корректив в содержание лекций и семинаров. Это может позитивно повлиять на процесс формирования профессионального интереса студентов, вызвать у них потребность более целенаправленно работать с рекомендуемой политологической литературой, активнее готовиться к семинарским и практическим занятиям.

Одним из средств формирования профессиональной культуры политолога является участие в студенческой научно-исследовательской работе. Полученные в ходе опроса данные свидетельствуют о том, что большинство студентов рассматривают научно-исследовательскую работу необходимым условием подготовки к будущей профессиональной деятельности. Одновременно исследование показывает, что на практике имеет место противоречие между ориентацией студентов на творческую деятельность в перспективе и фактическим участием в ней.

Так, участвуют в научной работе студенты: 1-го курса — 8%, 2-го курса — 27%, 3-го курса — 28%, 4-го курса — 60%. Среди участвующих имеют публикации по теме научного интереса — на 1–3-м курсах — единицы студентов. На 4-м курсе 20% опрошенных заявили о том, что имеют журнальные публикации.

Формирование и развитие ценностных ориентаций на глубокое познание профессиональной деятельности тесно связано с практиками, предусмотренными учебным планом. Как показывает опыт, организация, содержание, методическое обеспечение практик могут способствовать как развитию профессионального интереса и основ профессиональной культуры будущего специалиста, так и затормозить этот процесс, вызвать у студента сомнения, скептицизм относительно правильности своего профессионального выбора. В ходе исследования студентам был задан вопрос: «Способствуют ли формированию профессионализма политолога практики, предусмотренные учебным планом?» Ответы на этот вопрос распределились следующим образом: 35% опрошенных дали положительный ответ, 40% — ответили отрицательно, 25% опрошенных выразили неопределенность в отношении роли практик в их профессиональном становлении.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы и предположения.

1. Процесс становления профессиональной культуры политолога протекает сложно, противоречиво, испытывает ряд трудностей. Во-первых, трудности обусловлены «молодостью» российской политической науки и российского профессионального сообщества политологов. Суть этих трудностей можно выразить словами Г. Г. Дилигенского: «Теоретически мы все-таки очень несамостоятельны» (Дилигенский, 2015). Когда нам нужны теоретические, парадигмальные рамки, то в лучшем случае мы обращаемся к западным классикам, которые переводятся, но осваиваются слабо. Нужны новые теоретические парадигмы и теоретические модели. На практике, т.е. в учебном процессе, ощущаются проблемы в применении мирового политологического знания к анализу и объяснению российской политической жизни, в определении теоретических и прикладных (инструментальных) аспектов политологического знания и поиске оптимума в сочетании теоретических и прикладных аспектов подготовки студентов политологов. Заметна нехватка учебной литературы по ряду дисциплин — сравнительная политология, политические системы постсоветских государств, мировой политической процесс, история отечественной политической мысли и некоторым другим.

Во-вторых, трудности обуславливаются издержками социализации, социально-нравственного развития молодежи, в том числе поступающей в вуз и обучающейся по специальности «Политология».

Социокультурному миру студентов свойственны: незавершенность ценностного самоопределения личности; присутствие, а в некоторых случаях и преобладание (чаще всего среди студентов 1–2-х курсов) идеалистических представлений в сознании образа профессии политолога; низкий уровень сформированности у части студентов (в зависимости от курса обучения — от 20–22% до 30%) потребности активно-деятельностного отношения к собственному профессиональному становлению.

2. К противоречиям, выявленным в ходе исследования, можно отнести: а) противоречие между заявленным в анкетах и беседах со студентами интересом к профессии политолога и реальной учебной деятельностью по ее овладению. Следствиями этого противоречия являются: поверхностные знания категориально-понятийного аппарата политической науки у 25–30% студентов; слабые знания истории политической науки; неустойчивые умения части студентов работать с политическими текстами; отсутствие потребности знакомства с новейшими российскими и зарубежными разработками по проблемам политической теории и практики; б) противоречие между потребностью активнотворческого отношения студентов к деятельности по освоению профессии и низким уровнем культуры труда обучаемых. В известной мере зафиксирована тенденция, содержание которой состоит в том, что для части студентов учебный труд в те-

чение обучения в университете не является ключевой ценностью. К сожалению, университетская среда для этой части студентов не является препятствием для получения в конечном счете диплома об окончании вуза и пополнения той группы выпускников, которых называют «людьми с дипломами»; в) противоречие между местом и ролью учебных занятий в формировании профессиональной культуры и невысокой оценкой студентами их профессиональной направленности; г) противоречие между ролью практик в становлении профессиональной культуры и невысокой оценкой студентами уровня их организации и содержания; д) противоречие между ориентацией студентов на творческий характер деятельности политолога и низким уровнем их вовлеченности в научно-исследовательскую работу.

3. Разрешение перечисленных противоречий связано с осуществлением в вузе комплекса мер организационного, кадрового, учебно-методического характера, направленного на создание благоприятной социокультурной среды, способствующей: а) обеспечению рационального отбора абитуриентов, желающих и способных обучаться по специальности «Политология»; б) вести подготовку специалистов-политологов, сочетающих современный профессионализм и развитые социально-нравственные качества.

4. Практика убеждает, что успех в становлении профессиональной культуры во многом определяется тем, насколько быстро происходит социально-психологическая адаптация личности к условиям обучения в вузе, «настройка» на каждодневный труд. В этот период, как, впрочем, и в последующее время, тема труда как ценности духовного мира человека и неперемennого условия его культуры должна убедительно словом и делом вноситься в сознание юношей и девушек. К одному из средств формирования ценностных ориентаций на труд относится обеспечение объективной оценки различных видов учебной деятельности студентов, в том числе неуклонное соблюдение всеми преподавателями единых критериев оценивания знаний студентов во время экзаменационных сессий.

5. Актуальной задачей, как это видно из проведенного исследования, является повышение уровня профессиональной направленности учебно-воспитательного процесса. Другими словами, студенты должны понимать содержание и специфику своей будущей профессии на всех занятиях, на проводимых практиках, конференциях, конкурсах, встречах с политиками и политологами.

Ключевая роль в решении этой задачи отводится профессорско-преподавательскому составу. Педагог, читая дисциплину, включенную в учебный план по специальности «Политология», должен убедить студентов, прежде всего содержанием материала, что данная дисциплина нужна и важна для подготовки политолога, формирования у него профессиональной культуры. В этом выражается одна из составляющих профессионального мастерства преподавателя. Уместно здесь привести мнение одного из слушателей лекций М. Вебера в 1918 г.,

подчеркивающего блестящие лекции немецкого ученого: «Это никоим образом не мастерская риторика человека, который вызывает эту притягательную силу, и не примитивный эмпиризм, на котором строится и держится логика изложения, а, прежде всего, это способность пробуждать чувства, дремлющие в душах других людей» (Щербинин, 2005).

Педагогическая практика подтверждает значение этих слов и в современных условиях. И сегодня нужно предлагать на занятиях наиболее совершенную интеллектуальную продукцию, согласовывая ее с познавательными возможностями юношей и девушек, соблюдая при этом методологическую четкость, обеспечивая связь с жизнью и деятельностью специалиста политолога. Это — одна из предпосылок достижения между преподавателем и студентами конструктивного взаимодействия, выступающего неперменной ценностью процесса формирования профессиональной культуры политолога.

Библиографический список

1. Бурлацкий, Ф. М. (2012). От истоков к современному этапу развития политической науки в России: состояние предметной области, перспективные направления исследований и новые задачи. *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*, 5, 15–26.
2. Гаман-Голутвина, О. В. (2016). Политическая наука перед вызовами современной политики. К 60-летию САПН / РАПН. *Полис. Политические исследования*, 1, 8–28.
3. Гаман-Голутвина, О. В. (ред.). (2015). *История Российской ассоциации политической науки*. Москва: Аспект Пресс.
4. Ильин, А. Ю. (2015). Модернизация политического образования: проблемы и перспективы. В *Политическая наука перед вызовами современной политики: материалы VII Всероссийского конгресса политологов* (с. 243–245). Москва: Аспект Пресс.
5. Клемешев, А. П. (2014). Российское политологическое образование: проблемы и перспективы. *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*, 5, 39–42.
6. Коваленко, В. И. (2016). Политологическое образование в России: основные вехи, проблемы, перспективы. В *Политология: к осмыслению национальных интересов России* (с. 650–667). Москва. Изд-во Московского университета.
7. Пивоваров, Ю. С. (2014). Российская политология: между традицией и зарубежной политической наукой. *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*, 5, 22–27.
8. Сидоров, В. А. (ред.). (2012). *Журналистика. Общество. Ценности*. СПб.: Петрополис.
9. Соколова, Г. Н. (2002). *Социология труда*. Минск: Высшая школа.
10. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 030200 Политология (квалификация (степень) «Бакалавр»). (2011). *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*, 2, 12–29.
11. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 030200 Политология (квали-

фикация (степень) «Магистр»). (2011). *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*, 4, 3–20.

12. Щербинин, А. И. (2005). *Политическое образование*. Москва: Весь Мир.

Статья поступила в редакцию 24.10.2016.

.....

THE CONTRADICTIONS AND DIFFICULTIES IN FORMATION OF PROFESSIONAL CULTURE OF POLITICAL SCIENTIST UNDER UNIVERSITY CONDITIONS (VALUE ASPECT)

Veysova V. E., Kuzmin P. V.

Veysova Vetana Enverovna, Crimean Engineering and Pedagogical University,
295015, Russia, Republic of Crimea, Simferopol, per. Uchebnyy, 8.
E-mail: veisovavetana@mail.ru

Kuzmin Piotr Vasilyevich,
Tavrida Academy of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University.
295007, Russia, Republic of Crimea, Simferopol, Vernadsky Ave, 4.
E-mail: pv.kuzmin@mail.ru

The article attempts to study and understand the process of implementation in the educational activities the value orientations and attitudes of students and faculty members in the context of formation of professional culture of political scientist specialist.

It is shown that the process of formation of professional culture contains a number of contradictions of value nature. The latter include: the contradiction between the stated in the questionnaires and interviews with students interested in the profession of political analyst and the real training activities for its development; the contradiction between the need for an active and creative attitude of students to the cognitive activity on the development of the profession and the low level of work culture of students; the contradiction between the place and the role of studies in the formation of professional culture of students and the low estimate of their professional orientation; the contradiction between the practitioner role in the formation of professional culture of students and the low estimate of the level of their organization and content; the contradiction between the students focus on the creative nature of the political scientist and the low level of their involvement in the research work.

The authors believe that the resolution of these contradictions involves the implementation of complex of measures aimed at the creation of the university social and cultural environment conducive to the process of formation of students' professionalism and positive social and moral qualities.

Key words: values, value orientation of students, professional culture of political analyst, the contradictions of teaching and educational process.

References

1. Burlatskiy, F. M. (2012). Ot istokov k sovremennomu etapu razvitiya politicheskoy nauki v Rossii: sostoyaniye predmetnoy oblasti, perspektivnyye napravleniya issledovaniy i novyye zadachi [From the beginnings to the present stage of development of political science in Russia: the state of the subject area, promising areas of research and new challenges]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki* [Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science], 5, 15–26.

2. Gaman-Golutvina, O. V. (2016). Politicheskaya nauka pered vyzovami sovremennoy politiki. K 60-letiyu SAPN [Science before the current policy challenges. On the 60th anniversary of ASOS]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political studies], 1, 8–28.
3. Gaman-Golutvina, O. V. (red.). (2015). *Istoriya Rossiyskoy assotsiatsii politicheskoy nauki* [History of the Russian Political Science Association: scientific edition]. Moskva: Aspekt Press.
4. Il'in, A. YU. (2015). Modernizatsiya politicheskogo obrazovaniya: problemy i perspektivy [Modernization of political education: problems and perspectives]. *Politicheskaya nauka pered vyzovami sovremennoy politiki: materialy VII Vserossiyskogo kongressa politologov* (pp. 243–245) [Political science is facing challenges of modern politics: Materials of the All-Russian Congress of Political Scientists VII]. Moskva: Aspekt Press.
5. Klemeshev, A. P. (2014). Rossiyskoye politologicheskoye obrazovaniye: problemy i perspektivy [Russian political education: problems and prospects]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki* [Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science], 5, 39–42
6. Kovalenko, V. I. (2016). Politologicheskoye obrazovaniye v Rossii: osnovnyye vekhi, problemy, perspektivy [Political education in Russia: key milestones, problems, perspectives]. *Politologiya: k osmysleniyu natsional'nykh interesov Rossii* (pp. 650–667) [Political science: to understanding the national interests of Russia]. Moskva: Izd-vo Moskovskogo universiteta.
7. Pivovarov, YU. S. (2014). Rossiyskaya politologiya: mezhdru traditsiyey i zarubezhnoy politicheskoy naukoy [Russian political scientist: between tradition and foreign political science]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki* [Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science], 5, 22–27.
8. Sidorov, V. A. (red.). (2012). *Zhurnalistika. Obshchestvo. Tsennosti* [Journalism. Society. Values]. SPb.: Petropolis.
9. Sokolova, G. N. (2002). *Sotsiologiya truda* [Labour Sociology]. Minsk: Vyssh. shk.
10. Federal'nyy gosudarstvennyy obrazovatel'nyy standart vysshego professional'nogo obrazovaniya po napravleniyu podgotovki 030200 Politologiya (kvalifikatsiya (stepen') "Bakalavr") [The Federal state educational standard of higher education in the direction of preparation 030200 Political science (qualification (degree) "Bachelor")]. (2011). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki* [Bulletin of Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science], 2, 12–29.
11. Federal'nyy gosudarstvennyy obrazovatel'nyy standart vysshego professional'nogo obrazovaniya po napravleniyu podgotovki 030200 Politologiya (kvalifikatsiya (stepen') "Magistr"). [The Federal state educational standard of higher education in the direction of preparation 030200 Political science (qualification (degree) "Master")]. (2011). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki* [Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science], 4, 3–20.
12. Shcherbinin, A. I. (2005). *Politicheskoye obrazovaniye*. [Political Education: textbook]. Moskva: Ves' Mir.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОММУНИКАЦИИ И ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА: КОНЦЕПЦИИ, МЕТОДЫ, СРАВНЕНИЕ ОПЫТА (ОБ ИТОГАХ XVII ВСЕРОССИЙСКОГО СЕМИНАРА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО КОМИТЕТА РАПН ПО СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТОЛОГИИ)

.....

Сазантович А. Б.

Сазантович Алексей Борисович, Кубанский государственный университет,
350040, Россия, Краснодарский край, Краснодар, ул. Ставропольская, 149. Эл.
почта: vertgalant@mail.ru.

С 6 по 9 октября 2016 г. на базе Кубанского государственного университета при финансовой поддержке РГНФ и при организационной и информационной поддержке АПИ «Гарант» проходил XVII Всероссийский семинар Исследовательского комитета Российской ассоциации политической науки по сравнительной политологии «Политические коммуникации и публичная политика: концепции, методы, сравнение опыта». В программе семинара было заявлено 108 участников, которые представляли университеты и академические структуры 18 субъектов Российской Федерации, а также Ереванский государственный университет (Армения). Помимо докладов и выступлений на пленарной сессии и четырех тематических сессиях, 36 участников представили стендовые доклады.

В семинаре приняли участие ученые и исследователи из институтов РАН — Института социологии, Института системного анализа, ИМЭМО РАН, ИСЭГИ ЮНЦ РАН, Национального исследовательского университета Высшей школы экономики, Пермского государственного национального исследовательского университета, МГУ и СПбГУ, Южного и Крымского федеральных университетов, Московского государственного института международных отношений (университета) МИД РФ, Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Кубанского, Адыгейского, Алтайского, Астраханского, Воронежского, Волгоградского, Омского, Сургутского, Сыктывкарского, Ярославского государственных университетов, Балтийского государственного технического университета «Военмех», Краснодарского университета МВД РФ, Ярославского государственного педагогического университета, Владимирского и Орловского филиалов РАНХиГС, Южно-Российского института управления —

филиала РАНХиГС, Саратовского социально-экономического института РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Работу семинара открыла приветственным словом Председатель правления Российской ассоциации политических наук, д-р политических наук проф. Л. Н. Тимофеева (Москва), с приветствиями к участникам обратились также председатель Научного Совета РАПН, д-р философских наук, проф. Л. В. Сморгунов (Санкт-Петербург), декан факультета управления и психологии Кубанского государственного университета, проф. А. М. Ждановский (Краснодар).

Пленарная сессия открылась докладом А. П. Кочеткова, д-ра политических наук, проф. кафедры российской политики МГУ им. М. В. Ломоносова. В своем выступлении «Россия в условиях изменения геополитической ситуации в мире в начале XXI века» он охарактеризовал факторы, препятствующие установлению господства США на мировой арене, основные геополитические стратегии противников России и перспективы ее развития как державы мировой значимости в контексте становления полицентричной структуры мирового сообщества. Внутриэлитарным коммуникациям и их влиянию на политический процесс посвятил свой доклад д-р политических наук, проф. А. И. Соловьев (МГУ им. М. В. Ломоносова). По его мнению, источником политической энергии в обществе являются именно элитарные коммуникации, которые отражают уровень партнерства и соревновательности в правящем классе, а не публичные коммуникации между властью и обществом. Благодаря сетевым принципам формирования, лидерская подсистема является высокоадаптивной управленческой структурой матричного типа, компенсирующей недостатки и слабости публичных институтов. В современной России характер функционирования лидерской подсистемы в решающей степени определяет черты организации власти и режима правления в обществе. Профессор НИУ ВШЭ, д-р философских наук Г. Л. Тульчинский поделился результатами исследования роли коммуникации в формировании социального доверия и консолидации социума в гиперурбанизированной среде. Последняя, по его мнению, способствует формированию разобщенности и даже росту преступности. Массовая коммуникация, при этом, выступает усугубляющим фактором, и наличие информационных связей рождает обособленные самодостаточные общности, а не сплоченную социальную систему. Л. В. Сморгунов, д-р философских наук, проф. (СПбГУ) посвятил свой доклад анализу опыта стран БРИКС в области развития открытого правительства. Прозрачность, участие и сотрудничество — стали основными мотивами развития специального международного движения «Партнерство открытого правительства». Страны БРИКС в ходе административных реформ заложили основы новой системы публичного управления, которая в целом продемонстрировала свою эффективность высокими показателями экономического роста. Но результативность по странам была различной, как и социальные и экономические эффекты. В последние годы страны БРИКС сталкиваются с современными вызовами и рисками и вынуждены принимать новые меры в отношении публичного управления. Мирошниченко И. В.,

д-р политических наук (КубГУ), охарактеризовала особенности проектирования сетевых структур в многоуровневой системе публичного управления. На основе анализа опыта регионального проектирования сетевых структур в рамках развития публичной молодежной политики Краснодарского края она пришла к выводу о существовании двух основных моделей сетевого взаимодействия, которые отвечают потребностям системы региональной и муниципальной молодежной политики. Модель сетевого взаимодействия с участием властных структур предполагает, что региональные или муниципальные органы власти создают условия и площадки для проектирования и формирования сетевых структур. Ее реализация на практике возможна посредством организации системы открытых данных и технологий краудсорсинга. Модель сетевого участия, основанная на гражданских инициативах, выстраивается в инициативном сообществе молодежи, которое со временем качественно и количественно расширяется, наращивая свой потенциал.

После непродолжительного перерыва работа пленарной сессии продолжилось докладом И. С. Семененко, чл.-корр. РАН, д-ра политических наук, руководителя Центра сравнительных социально-экономических и социально-политических исследований ИМЭМО РАН. Ее доклад «Новый» национализм в «старой» Европе: теория и политическая реальность» был посвящен политическому использованию этнической идентичности в странах развитой демократии в качестве инструмента политической мобилизации. По ее мнению, «новый» национализм выражает стремление к самоопределению и утверждению собственной идентичности «наций без государства» в условиях глобализации и развития наднациональных интеграционных процессов. Проф. РАНХиГС, д-р политических наук А. Н. Тимофеева в своем докладе предприняла попытку консолидации основных подходов к определению субъектов, оказывающих влияние на формирование политической повестки дня и применяемых ими технологий. На ее взгляд, сегодня процедура формирования политической повестки дня является полифункциональной: как важнейшей технологией завоевания общественного мнения, так и показателем качества демократичности политической системы, а также контрпропагандистским оружием в информационных войнах. Проф. Воронежского государственного университета, д-р политических наук А. В. Глухова посвятила свой доклад эффективности стратегии популизма в эпоху постмодерна. Если старый популизм выступал ответом на кризисы развития и форсированную индустриализацию, то сегодняшний может рассматриваться как ответ на кризисы модернизации. Новый момент в эволюции популизма заключается в том, что к нему как к перспективной политической стратегии прибегают не только оппозиционные партии, возникающие «снизу», но и лидеры традиционных политических партий, а также государственные деятели. Профессор НИУ ВШЭ, д-р философских наук О. Ю. Малинова поделилась результатами исследования эволюции официального исторического нарратива. Конструирование нового официального нарратива в постсоветской России предполагает реинтерпретацию событий, игравших ключевую роль в прежнем, советском нарративе. История России, вместе с тем, представляет собой богатый,

но трудный исторический ресурс, который не так просто адаптировать к новым обстоятельствам. Кроме того, конструирование нарратива, поддерживающего новую российскую идентичность, осложняется необходимостью совмещения двух разных моделей работы с прошлым — «проработки трудного прошлого» и консолидации макрополитического сообщества. Завершил работу пленарной сессии д-р политических наук, проф. Владимирского филиала РАНХиГС Р. В. Евстифеев с докладом, посвященным проблемам локальной идентичности. Последнюю, по его мнению, можно представить как набор таких элементов, как значимые места, представления о географии, пантеон героев, представления горожан о городе и о себе, представления о структуре общества, ритуалы воспроизводства действительности, этнографические особенности жителей.

Первая тематическая сессия «Формирование политической повестки дня и принятие политических решений» открылась докладом д-ра философских наук В. С. Комаровского (РАНХиГС), посвященным проблемам бедности и неравенства в повестке дня современного общества. По мнению докладчика, значительное углубление социального неравенства во всех его проявлениях приводит к усилению немногочисленной элиты во властных структурах и делает невозможным участие большинства населения в политической жизни. Эквивалентом социального неравенства в политической сфере становится феномен политической бедности, когда бедные не являются самостоятельным субъектом социально-политической активности и не влияют на формирование политической повестки дня. Далее, д-р политических наук Т. Н. Митрохина, проф. Саратовского социально-экономического института, проанализировав официальный дискурс, поделилась со слушателями выводами о том, что ценностные ориентиры субъекта проектирования во многом определяют содержание политического проекта. Последний, в свою очередь, соединяет конкретное видение политической реальности и ценностные идеалы субъекта проектирования. В публичном пространстве политики оперируют не только нейтральными в ценностном отношении категориями. В основу формирования гражданской идентичности должны лечь категории ответственности, доверия, прозрачности власти, гражданской солидарности. Вместе с тем, по мнению докладчика, практическая политика нередко вскрывает декларативность лозунгов и словесных интервенций.

Об особенностях формирования политики в условиях современных социальных трансформаций в своем докладе рассказал д-р политических наук Н. А. Баранов (БГТУ «Военмех»). По его мнению, трансформация демократических практик, коммуникационное изобилие, трансформация принципа представительства, недоверие и технологические средства являются определяющими тенденциями с точки зрения влияния на формирование политической повестки дня в современном обществе. Д-р исторических наук Л. А. Фадеева (ПГНИУ) проанализировала потенциал сетевых коммуникаций университетских сообществ в публичной политике. Для обеспечения значимого участия в формулировании и реализации публичной политики университеты могут обеспечить включение в эти процессы

довольно больших групп людей. Все активнее в последние годы развиваются и сетевые коммуникации неинституционализированных университетских сообществ. Д-р политических наук И. А. Ветренко (ОмГУ), рассуждая о медийном сопровождении процесса принятия политических решений, пришла в своем докладе к заключению о том, что российская правящая элита в условиях медиатизации политики вынуждена считаться со СМИ и воспринимать сотрудничество с ними как долгосрочные инвестиции в информационное пространство. Кандидат политических наук Л. Б. Внукова (ИСЭГИ ЮНЦ РАН) на основании анализа выступлений президентов Республики Дагестан охарактеризовала сочетание в политической практике системы пропорционального представительства национальных групп с проблемой первостепенности профессионализма чиновников.

Продолжил работу сессии д-р политических наук В. Б. Слатинов (Орловский филиал РАНХиГС), представивший доклад о новых приоритетах и ограничениях реформирования государственной службы в России, среди которых стратегия «частичных реформ» и формирования гибридных институтов являются основными инструментами адаптации существующего режима к новым вызовам. Д-р политических наук А. В. Волкова (СПбГУ) познакомила слушателей с результатами сравнительного анализа итогов административных реформ в Индии и России применительно к формированию политической повестки дня. Д-р политических наук Я. Ю. Шашкова (Алтайский ГУ) проанализировала в своем докладе партийно-электоральный потенциал на выборах в Государственную Думу РФ в 2016 году в сравнении с 2011 годом. Существенное увеличение участников избирательного процесса, по ее мнению, произошло за счет сил, лишь формально присутствующих в избирательном поле и не имеющих реальных ресурсов для политической борьбы, поэтому потенциал новых объединений достаточно низок и не сможет способствовать обновлению существующей элиты. Канд. политических наук Р. В. Савенков (Воронежский ГУ) оценил в партийно-политическую конкуренцию в России в контексте выборов в Государственную Думу 2016 года. Несмотря на резкий подъем партийного строительства в 2012–2013 годах и увеличение количества партий, уровень их конкуренции, как и уровень использования политическими элитами партийных институтов в представлении своих интересов остается достаточно низким. При этом доверие к политическим партиям на этом фоне незначительно возрастает. Доклад д-ра полит. наук А. И. Кольбы (КубГУ) был посвящен попытке решения ряда теоретико-концептуальных вопросов определения понятия «городской конфликт». С его точки зрения, к числу городских конфликтов могут быть отнесены только ситуации, в которых противоречия, вызвавшие конфликт, формируются в самом социальном пространстве города. Если же противостояние разворачивается на территории города, с участием членов городского сообщества, но вызвано оно внешними по отношению к нему факторами, такие конфликты необходимо исключить из категории городских. Канд. политических наук А. Б. Сазантович (КубГУ) предпринял попытку охарактеризовать визуальное пространство города в качестве среды конфликтных

коммуникаций. В его докладе прозвучали основные характеристики моделей конфликтного взаимодействия в визуальном пространстве города и способов трансформации визуальной среды. Канд. политических наук А. А. Фролов (ЯрГУ) поделился результатами практического исследования, включавшего попытку сформировать индекс гражданской активности. В рамках тематической сессии прозвучали также выступление Г. В. Лукьяновой (СПбГУ) об использовании технологии медиафрейминга в целях легитимации политической власти, в рамках которого был сделан вывод о зависимости динамики уровня одобрения деятельности Президента РФ от частоты использования медиафреймов в новостных выпусках, а также выступление И. В. Николаева (ЮФУ), посвященное анализу теоретических подходов к пониманию политического дискурса.

Завершающим мероприятием насыщенной повестки дня стал круглый стол «Диалог власти и общества: возможна ли безбарьерная среда?» Д-р политических наук С. В. Акопов (НИУ ВШЭ) в своем выступлении исходил из идеи, что современный диалог между властью и интеллектуалами имеет своим краеугольным камнем вопрос трактовки понятия политического суверенитета. Выстраивание такого диалога строится на основе разных моделей понимания суверенитета, укорененных в приверженности разным моделям политической идентификации — национальной, цивилизационной, космополитической и транснациональной. Д-р политических наук А. Ю. Сунгуров (НИУ ВШЭ) и аспирант СПбГУ М. Е. Карягин выступили с предварительными результатами исследования влияния экспертного сообщества на принятие политических решений. Исходя из того, что взаимодействие экспертов и власти может осуществляться в рамках таких моделей как линейно-автономная, модель «действенных оснований» и модель «оплаченного результата», в процессе исследования они пришли к выводу о существовании двух видов экспертов: «статусных» (номенклатурных) и экспертов — специалистов в своей области. Канд. физ.-мат. наук М. Б. Горный (НИУ ВШЭ) в своем выступлении охарактеризовал развитие институтов гражданского общества в России в 2012–2016 годах. Среди основных тенденций были названы сокращение иностранного финансирования некоммерческих организаций, государственная поддержка и изменение структуры финансирования НКО, усложнение нормативной базы, регулирующей деятельность НКО. Канд. юридических наук Е. А. Исаева (ЯрГУ) констатировала, что ни в одном из регионов России, кроме Ярославской области, не предусмотрено вовлечение граждан региона в процесс формирования общественных советов. Проанализировав нормативную основу формирования общественных советов в субъектах Российской Федерации, она предложила к внедрению ряд предложений, направленных на публичность формирования и повышение открытости деятельности общественных советов.

Работа второй тематической сессии «Сетевая публичная политика: от метафоры к модели» началась докладом д-ра политических наук О. В. Поповой (СПбГУ), которая познакомила слушателей с результатами исследования активности пользователей Интернета в Санкт-Петербурге. На фоне контрастного раскола среди

петербуржцев на активных пользователей и людей, практически отстраненных от интернет-пространства, 73,5% пользователей не ведут в сетях политических дискуссий, а 57,4% не проявляют никакой политической активности во всемирной паутине. Канд. политических наук Т. А. Подшибякина (ЮФУ) в своем докладе охарактеризовала основные подходы к сетевым моделям и практикам политической диффузии как процесса, посредством которого политический выбор одного субъекта оказывает влияние на политический выбор другого субъекта. Канд. политических наук О. Г. Щенина (ИС РАН) посвятила свой доклад современным тенденциям развития политических сетей. В новом онлайн формате в условиях формирующегося информационного общества они создают новую коммуникативную среду для современного человека. Канд. политических наук Н. А. Рябченко (КубГУ) охарактеризовала 25-летний опыт существования глобальной сети Интернет в контексте социальных трансформаций, развития науки и политики. Хронология спонтанных событий, таких как появление первого Интернет-сайта, первый персональный сайт политика, первая кибервойна, может быть структурирована в два условных этапа развития сети — формирование структуры (1991–2004) и социальное проектирование (2004 — настоящее время). Канд. политических наук А. С. Шерстобитов (СПбГУ) охарактеризовал основные особенности и недостатки применения сетевой методологии к изучению процессов выработки и имплементации публичной политики. Автор доклада констатировал серьезные затруднения в использовании репрезентативного сетевого моделирования в анализе российской публичной политики. Анализу потенциала сетевых ресурсов в развитии европейской семейной политики посвятила свой доклад канд. политических наук А. А. Гнедаш (КубГУ). Роль социальных сетей в семейной политике европейских стран неодинакова. Среди основных функций, которые возлагают на себя сетевые сообщества — лоббирование семейных ценностей, практическая поддержка семей, предоставление социальных услуг семьям и конкретным лицам, решение кризисных вопросов семьи на локальном уровне, решение проблем конкретных типов семей. В докладе канд. политических наук А. А. Соколова (ЯрГУ) были выделены факторы результативности общественно-политической кампании в сети Интернет. К наиболее важным исследователь относит «факторы среды»: степень развития технологий массовой коммуникации и СМИ, состояние политической конъюнктуры, общественный запрос на решение конкретной проблемы; «факторы контента»: виральность и визуальность информации; «организационные факторы»: авторитет спикеров, сплоченность и ресурсы инициаторов кампании. В рамках секции прозвучали также выступления аспирантов и магистрантов Гандаловой М. Т. (КубГУ), Садиловой А. В. (ПГНИУ), Палагичевой А. В., (ЯрГУ), Барского Я. В. (ЯрГУ), Комарова О. Е. (ЯрГУ), Родионовой И. В. (КубГУ), освещающие проблемы в рамках общей тематики сессии.

Третья тематическая сессия «Политика «на грани» — лиминальность, маргинальность, фронтиры» началась докладом д-ра философских наук А. П. Романовой (Астраханский ГУ), посвященным анализу культурного и политического аспектов

специфики коммуникаций в гетеротопном пространстве. Исходя из принципов гетеротопии М. Фуко, докладчик допустила определение городского пространства как гетеротопного. Помимо публичного и частного в городе возникает так называемое «третье» пространство, которое носит анклавный характер, с точки зрения обособления в нем другой культуры. Анализ функционирования таких пространств, по мнению докладчика, важен для понимания дальнейших перспектив взаимодействия культурного и политического в общественной жизни. В докладе д-ра политических наук М. Ю. Мартынова и канд. исторических наук Г. И. Мартыновой (Сургутский ГУ) был проведен анализ обстоятельств формирования моделей конфликтного поведения в молодежной среде в контексте межэтнических взаимодействий в Ханты-Мансийском АО. Канд. политических наук О. А. Сиденко (Воронежский ГУ) подвергла анализу влияние социального феномена технологического фронта на выработку государственной политики. По ее мнению, при достижении технологическим укладом зрелости, его влияние распространяется за пределы экономической сферы на образовательную, политическую, социокультурную деятельность. Страны, в которых одновременно несколько укладов достигают зрелости, сталкиваются с достаточно широким кругом проблем политического и социального характера. Канд. политических наук И. С. Башмаков (КубГУ) представил итоги анализа образовательной среды как фактора формирования идентичности. Образовательный процесс в разном соотношении включает профессиональную и гражданскую составляющую. Последняя ориентирована на формирование в человеке необходимых обществу идентичностей — профессиональной, культурной, гражданской, политической.

В рамках тематической сессии прозвучали также выступления аспирантов КубГУ С. С. Лушанкина, посвященное анализу процесса формирования политической повестки дня, и Е. С. Вотченко о взаимодействии бизнеса и власти в современном публичном дискурсе.

Завершающей в работе семинара стала четвертая тематическая сессия «Новый геополитический ландшафт как предиктор моделей политической коммуникации». Открывший сессию своим докладом «Особенности коммуникации между властью и этническими сообществами Крыма в условиях геополитических угроз» д-р политических наук А. В. Баранов (КубГУ) определил Крым как глубоко разделенное общество с преимущественным совпадением лингвистических и религиозных размежеваний. По итогам вторичного анализа социологических данных, докладчик пришел к выводу, что ведущими акторами политической коммуникации в регионе являются органы государственной власти, элиты и политические партии, а также этнические и конфессиональные организации. Среди преобладающих форм коммуникации — участие в выборах, обсуждение в СМИ, давление на власть, лоббирование, дискуссии в этнически ангажированных СМИ. Канд. политических наук М. С. Константинов (ЮФУ) поделился результатами анализа анкетированного опроса через призму когнитивно-конструктивистского подхода, позволяющего проблематизировать патриотизм в контексте его идеологической концептуализации,

дифференцируя естественное чувство привязанности к повседневным объектам и последующую концептуализацию этого чувства в идее причастности к абстрактному «мы». Канд. политических наук И. Ю. Окунев (МГИМО) охарактеризовал поэтапно специфику изучения столиц как политического института с позиции постпозитивистского подхода. Д-р политических наук И. В. Самаркина (КубГУ) исходя из того, что оппозиция Мы и Они, Свои и Чужие — это комплексное социокультурное явление, которое является основой идентификации членов общества, охарактеризовала в своем докладе особенности формирования внутригрупповой идентичности россиян через соотнесение категорий Мы и Другие на примере восприятия европейских стран. Канд. социологических наук Н. А. Мелконян (Ереванский ГУ) посвятила свой доклад анализу репрезентаций имиджа Европы в средствах массовой информации Армении. Д-р философских наук Е. В. Морозова (КубГУ) поделилась со слушателями выводами своего исследования политических коммуникаций сепаратистских движений в Европе в отношении многообразия форм актуализации образа Чужого и его репрезентации. По ее мнению, общая логика использования образа Чужого в политических коммуникациях основывается на таких технологиях как мифологизация и стереотипизация, дискредитация, унификация, приписывание антиценностей. Выделение канала восприятия в качестве критерия типологизации позволяет выделить вербальные, визуальные, аудиальные и кинестетические технологии дегуманизации. Д-р педагогических наук Е. П. Ананьева (Севастопольский экономико-гуманитарный ин-т) выступила с докладом об аксиологических предпосылках мультикультурно-толерантной парадигмы в формировании глобального социокультурного пространства. Завершили работу тематической сессии выступления И. В. Есиной (КубГУ) о современной гендерной политике в России и Японии, а также Ю. М. Ноздряковой и Е. В. Осминкина (СПбГУ) о репрезентации России в социальных сетях.

Сборник статей участников семинара «Политические коммуникации и публичная политика: концепции, методы, сравнение опыта» был издан к началу мероприятия и вручен авторам.

Статья поступила в редакцию 22.10.2016.

.....

**POLITICAL COMMUNICATIONS AND PUBLIC POLICY: CONCEPTS,
METHODS, COMPARISON OF EXPERIENCE (ON THE RESULTS
OF THE XVII ALL-RUSSIAN SEMINAR OF THE RESEARCH
COMMITTEE OF THE RAPN ON COMPARATIVE POLITICAL
SCIENCES)**

Sazantovich A. B.

Sazantovich Aleksey Borisovich, Kuban State University,
350040, Russia, Krasnodar region, Krasnodar, str. Stavropolskaya, 149.
E-mail: vertgalant@mail.ru.

НАШИ АВТОРЫ

.....

Башмаков Игорь Станиславович, кандидат политических наук, преподаватель кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия.

Блохин Виктор Николаевич, старший преподаватель кафедры истории и педагогики Белорусской государственной сельскохозяйственной академии, Горки, Могилевская область, Беларусь.

Бориско Ольга Александровна, кандидат политических наук, доцент кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия.

Вейсова Ветана Энверовна, кандидат культурологии, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Крымского инженерно-педагогического университета, Симферополь, Россия.

Головченко Антон Владимирович, кандидат политических наук, доцент кафедры уголовного, экологического права и криминологии Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия.

Казакова Анна Юрьевна, кандидат социологических наук, преподаватель кафедры философии и социологии Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, Россия.

Кузьмин Петр Васильевич, доктор политических наук, профессор кафедры политических наук и международных отношений Таврической академии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия.

Миронцева Светлана Александровна, кандидат политических наук, доцент кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия.

Сазантович Алексей Борисович, кандидат политических наук, доцент кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия.

Терешина Мария Валентиновна, доктор экономических наук, профессор кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия.

Тучина Оксана Роальдовна, доктор психологических наук, доцент кафедры философии Кубанского государственного технологического университета, Краснодар, Россия.

OUR AUTHORS

.....

Bashmakov Igor Stanislavovich, Candidate of Political Science, Lecturer of the Chair of State Policy and Public Administration, Kuban State University, Krasnodar, Russia.

Blokhin Viktor Nikolaevich, Senior Lecturer in Department of History and Pedagogy, Belarusian State Academy of Agriculture, Gorki, Mogilev, Belarus.

Borisko Ol'ga Aleksandrovna, Candidate of Political Science, Associate Professor of the Chair of State Policy and Public Administration, Kuban State University, Krasnodar, Russia.

Golovchenko Anton Vladimirovich, Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Chair of Criminal, Environmental Law and Criminology, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russia.

Kazakova Anna Yuryevna, Candidate of Sociological Science, Lecturer of the Chair of Philosophy and Sociology, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, Kaluga, Russia.

Kuzmin Piotr Vasilyevich, Doctor of Political Science, Professor of the Chair of Political Science and International Relations, Tavrida Academy of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia.

Mirontseva Svetlana Aleksandrovna, Candidate of Political Science, Associate Professor of the Chair of State Policy and Public Administration, Kuban State University, Krasnodar, Russia.

Sazantovich Aleksey Borisovich, Candidate of Political Science, Associate Professor of the Chair of State Policy and Public Administration, Kuban State University, Krasnodar, Russia.

Tereshina Marija Valentinovna, Doctor of Economics Sciences, Professor of the Chair of State Policy and Public Administration, Kuban State University, Krasnodar, Russia.

Touchina Oksana Roaldovna, Doctor of Psychology Science, Associate Professor of the Chair for Philosophy, Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia.

Veysova Vetana Enverovna, Candidate of Cultural Studies, Associate Professor of the Chair of Social and Humanitarian Disciplines, Crimean Engineering and Pedagogical University, Simferopol, Russia.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ СТАТЕЙ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ЧЕЛОВЕК. СООБЩЕСТВО. УПРАВЛЕНИЕ»

Принимаются научные статьи, рецензии и обзоры объемом до 32 тыс. знаков с пробелами (до 0,8 п.л.) в электронном виде формата Word for Windows приложением по электронным адресам редакции chsu1999@yandex.ru, journal@manag.kubsu.ru (просьба дублировать отсылку материалов).

Авторская справка. Рукопись должна включать сведения об авторе (-ах): ФИО полностью, ученую степень, ученое звание, место работы и занимаемую должность, номера телефона, электронный и почтовый адрес.

Оформление ссылок. Автор обязан оформлять ссылки на источники, из которых он заимствует цитаты, статистические данные и другую информацию. В конце статьи формируется **Библиографический список**, в котором цитируемые (упомянутые) источники группируются в алфавитном порядке. Каждому источнику присваивается порядковый номер. В библиографическом описании источника обязательно указывается место издания и название издательства (кроме периодических изданий), год издания. Вначале указываются источники, изданные на русском языке, затем — на иностранных.

Правила оформления

В ТЕКСТЕ

Используйте метод цитирования «дата — автор» (фамилия автора, год публикации).
Примеры:

- В недавнем исследовании времени реакции (Уолкер, 2000) ...
- Уолкер (2000) сравнивал время реакции...
- Некоторые исследования (Балда, 1980; Камиль, 1988; Пепперберг, Функ, 1990) показывают, что...
- In a recent study of reaction times (Walker, 2000) ...
- Walker (2000) compared reaction times...
- Several studies (Balda, 1980; Kamil, 1988; Pepperberg & Funk, 1990) show that...

Цитируя источники 3-5 авторов, указывайте все фамилии авторов в 1-й раз, в последующие цитирования того же источника — только фамилию 1-го автора:

- (Бабаева, Березанская, Васильев, 2008) ... — *первое цит.*, затем: (Бабаева и др., 2008) ...
- (Harder, Cutler & Rockart, 1992) ... — *первое цит.*, затем: (Harder et al., 1992) ...

Источники личного происхождения (письма, записки, интервью, телефонные беседы, электронная переписка и записи коллективных обсуждений сообщения группы) цитируйте только в тексте:

- (Р. А. Смит, электронная переписка, 10 мая 2009) ...
- (R. A. Smith, personal communication, May 10, 2009) ...

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ссылки должны включать: автора, редактора (если он есть), год издания, название и информацию о публикации; и при наличии, DOI (идентификатор цифрового объекта) при цитировании печатных и электронных источников.

Если источник без автора, переместите название на позицию автора; расположите в алфавитном порядке по первым буквам названия.

Для редактируемых книг, не имеющих единого автора поместите редактора на позицию автора, дописав (ред.) или в англ.: (Ed.). — для книг с одним редактором и (Eds.). — для книг с несколькими редакторами.

С заглавной буквы следует писать только 1-е слово названия статьи, названия главы или подзаголовка, также имена собственные.

Курсивом следует выделить название журнала, информационного бюллетеня или название книги.

Если источник имеет нестандартный формат, укажите это в квадратных скобках после названия, для идентификации первоисточника [Брошюра, Файл с данными, Кинофильм, Аудиофайл, Лекции, CD, Видео интернет-трансляция].

Информация о публикации должна включать: город, издательство (для книг); номер тома и/или выпуска, номера страниц (для журналов, информационных бюллетеней).

Выделите курсивом номер тома научного журнала, популярного журнала или информационного бюллетеня; и если каждый выпуск начинается со страницы 1, то укажите номер выпуска (не курсивом) в круглых скобках () после номера тома.

Для статьи в журнале укажите диапазон номеров страниц; для статьи информационного бюллетеня, материалов конференции, книжной главы или газетной статьи перед диапазоном страниц поместите символ «с.» (страница) или «сс.» (страницы) или в англ.: «р.» (страница) или «рр.» (страницы).

Ссылки списка располагаются в алфавитном порядке по фамилии, и затем по инициалам первого автора.

Если автором выступает организация (агентство, ассоциация, учреждение), включите ссылку в список в алфавитном порядке (по первому слову названия организации).

При формировании англоязычного библиографического списка следует транслитерировать фамилии, инициалы авторов, название материала и название периодического издания. Рядом с транслитерированными названиями в квадратных скобках следует указать смысловой перевод названий на английский язык (не курсивом).

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Статья в научном журнале, от одного до семи авторов, с DOI (печатная копия)

- Бабаева, Ю. Д., Попова, Е. Н., Сабдош, П. А. (2008). Творческие способности и ценностная структура личности. *Психология и школа*, 1, 55-59. doi:10.1037/a0012345
- Babaeva, J. D., Popova, E. N., & Sabadosh, P. A. (2008). Tvorcheskiye sposobnosti i tsennostnaya struktura lichnosti [Creative values and a person's value system]. *Psikhologiya i Shkola* [Psychology and School], 1, 55-59. doi:10.1037/a0012345
- Conner, S., Bloomfield, J., LeBoutillier, J. C., Thompson, R. F., Petit, T. L., & Weeks, A. C. (2009). Eyeblink conditioning leads to fewer synapses in the rabbit cerebellar cortex. *Behavioral Neuroscience*, 123, 856-862. doi:10.1037/a0016370

Статья в популярном журнале, без DOI, каждый выпуск начинается со стр. 1 (печатная копия)

- Васюкова, Е. Е. (2012, Май). Развитие шахматного мастерства: Проблемы, принципы, методы. *Спортивный психолог*, 2 (4), 9-15.
- Vasyukova, E. E. (2012, May). Razvitie shahmatnogo masterstva: Problemy, principy, metody [The development of chess skills: Problems, principles, and methods]. *Sportivnyj psiholog* [Sport psychologist], 2 (4), 9-15.
- Gartner, J. (2009, September/October). Dark minds: When does incredulity become paranoia? *Psychology Today*, 42 (5), 37-38.

Статья информационного бюллетеня, каждый выпуск начинается со стр. 1 (печатная копия)

- Быков, Б. Н. (ред.). (2014, Июнь 2). Анонсы событий на предстоящую неделю. *Информационный бюллетень Администрации Санкт-Петербурга*, 20 (871), сс. 1-2.
- Bykov, B. N. (Ed.). (2014, June 2). Anonsy sobyitij na predstoyashchuyu nedelyu [Announcements of events the forthcoming week]. *Newsletter of Administration of St. Petersburg* [Informatsionnyy byulleten' Administratsii Sankt-Peterburga], 20 (871), сс. 1-2.
- Murphy, J. J. (2008, Winter). Seven habits of highly effective school psychologists. *Newsletter of the Washington State Association of School Psychologists*, 30 (2), pp. 1, 8-11.

Статья ежедневной газеты (печатная копия)

- Bakalar, N. (2009, August 11). Five — second touch can convey specific emotion, study finds. *The New York Times* (Late edition). p. 3.
- Putin, V. (2012, February 20). Byt silnymi: Garantii natsionalnoj bezopasnosti Rossii [Being strong: Assurances of national security for Russia]. *Rossiiskaya Gazeta* [Russian newspaper] pp. 1-2.
- Путин, В. (2012, Февраль 20). Быть сильным: Гарантии национальной безопасности России. *Российская газета*. сс. 1-2.

КНИГИ

От одного до семи авторов (печатная копия)

- Murphy, J. J. & Duncan, B. L. (2007). *Brief intervention for school problems: Outcome-informed strategies*. (2nd ed.). New York: Guilford Press.
- Babaeva, J. D., & Voiskounsky, A. E. (2003). *Odarennyi rebenok za komputerom* [The gifted child at a computer]. Moscow: Skanrus.
- Бабаева, Ю. Д., & Войскунский, А. Е. (2003). *Одаренный ребенок за компьютером*. Москва: Сканрус.

Книга, имеющая редактора (ов) (печатная копия)

- Люсин, Д. В., Ушаков, Д. В. (ред.). (2009). *Социальный и эмоциональный интеллект: От процессов к измерениям*. Москва: Институт психологии, Российская академия наук.
- Haugtvedt, C. P., Herr, P. M., & Kardes, F. R. (Eds.). (2008). *Handbook of consumer psychology*. New York, NY: Lawrence Erlbaum Associates.
- Lyusin, D. V., & Ushakov, D. V. (Eds.). (2009). *Socialniy i emocionalniy intellect: Ot processov k izmereniyam* [Social and emotional intelligence: From processes to measures]. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences Publ.

Статья или глава в книге, имеющей редактора или справочнике с двумя и более редакторами (печатная копия)

- Buchanan, T. (2007). Personality testing on the Internet: What we know, and what we do not. In A. N. Joinson, K. McKenna, T. Postmes, & U. D. Reips (Eds.), *The Oxford handbook of Internet psychology* (pp. 445-458). New York: Oxford University Press.
- Vinogradov, Ju. E. (1975). Emocional'naya aktivaciya v strukture myslitel'noy deyatel'nosti cheloveka [Emotional activation in the thinking activity of a human]. In O. K. Tikhomirov (Ed.) *Psikhologicheskie issledovaniya tvorcheskoy dejatel'nosti* [Psychological research of creative activity] (pp. 50-87). Moscow: Nauka.
- Виноградов, Ю. Е. (1975). Эмоциональная активация в структуре мыслительной деятельности человека. В О. К. Тихомиров (ред.) *Психологические исследования творческой деятельности* (с. 50-87). Москва: Наука.

ЭЛЕКТРОННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Для главы статьи или книги, к которой получают доступ онлайн без назначенного DOI, используйте URL домашней страницы журнала или книгоиздателя.

Не указывайте название онлайн-базы данных, в которой доступен архивный документ, указывайте URL домашней страницы (или титульной страницы) онлайн-архива.

Не указывайте дату обращения к онлайн-источнику, если содержание не изменяется в течение долгого времени (wikis, блоги).

Статья в научном журнале, от одного до семи авторов, без DOI (доступ онлайн)

- Расторгуев, С. В. (2013). Опыт бизнеса в политике: миф или реальность? *Человек. Сообщество. Управление*, (3): 100-108. Режим доступа <http://chsu.kubsu.ru/index.php/ru/archive-n/2013/2013-3>
- Rastorguyev, S. V. (2013). Opyt biznesa v politike: mif ili real'nost'? [A business experience in politics: myth or reality?]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management], (3): 100-108. Retrieved from <http://chsu.kubsu.ru/index.php/ru/archive-n/2013/2013-3>
- Mazalin, D. & Klein, B. (2008). Social anxiety and the Internet: Positive and negative effects. *EJournal of Applied Psychology*, 4 (2): 43-50. Retrieved from <http://ojs.lib.swin.edu.au/index.php/ejap/article/view/8/157>

Статья в популярном журнале, без DOI (доступ онлайн)

- Чернышов, С. (2014, Июнь). Быстро или долго. *Эксперт Сибирь*, 25 (422). Режим доступа <http://expert.ru/siberia/2014/25/byistro-ili-dolgo/>
- Chernyshov, S. (2014, June). Bystro ili dolgo [Quickly or long]. *Ekspert Sibir'* [Expert Siberia], Retrieved from <http://expert.ru/siberia/2014/25/byistro-ili-dolgo/>
- Winerman, L. (2009, September). Playtime in peril. *Monitor on Psychology*, 40 (8). Retrieved from <http://www.apa.org/monitor/>

Статья в газете (доступ онлайн)

- Ravn, K. Habits can be broken, but not forgotten. (2009, April 6). *Los Angeles Times*, Retrieved from <http://www.latimes.com>
- Корягин, В. Нет насилию. (2014, Июнь 16). *Газета.ру*, Режим доступа http://www.gazeta.ru/science/2014/06/16_a_6071105.shtml

- Koryagin, V. Net nasiliyu ["No" to violence]. (2014, June, 16). *Gazeta.ru* [Newspaper], Retrieved from http://www.gazeta.ru/science/2014/06/16_a_6071105.shtml

Книга, имеющая редактора, с DOI, (доступ онлайн)

- Здравомыслова, Е., Темкина, А. (ред.). (2007). Российский гендерный порядок: социологический подход. doi:10.1002/9781444345123
- Zdravomyslova, E., & Tyomkina, A. (Eds.). (2007). *Rosyiskiyi gendernyi poryadok. Sotsiologicheskiy podkhod* [Russian gender order. A sociological approach]. doi: 10.1002/9781444345123
- Dunn, D. S., Halonen, J. S., & Smith, R. A. (Eds.). (2008). *Teaching critical thinking in psychology: A handbook of best practices*. doi:10.1002/9781444305173

Статья энциклопедии, имеющая главного редактора (многочисленную редакционную коллегию), без DOI (доступ онлайн)

- Apter, M. J. (2009). Psychological benefits of play. In R. P. Carlisle et al. (Eds.), *Encyclopedia of play in today's society*. Retrieved from http://sage-ereference.com/play/Article_n327.html

Сообщение в блоге

- Grohol, J. M. (2009, March 30). Why do we swear? [Web log post]. Retrieved from <http://psychcentral.com/blog/archives/2009/03/30/why-do-we-swear/>

Правительственный отчет, коллектив авторов (доступ онлайн)

- U. S. Department of Health and Human Services, National Institutes of Health, National Institute of Neurological Disorders and Stroke, Office of Communications and Public Liaison. (2009). *Autism Fact Sheet (NIH Publication No. 09-1877)*. Retrieved from http://www.ninds.nih.gov/disorders/autism/detail_autism.htm

Документ (книга) из образовательной базы данных (доступ онлайн)

- Springate, I., Atkinson, M., Straw, S., Lamont, E., & Grayson, H. (2008). *Narrowing the gap in outcomes: Early years (0-5 years)*. [Monograph]. Retrieved from <http://eric.ed.gov>

Диссертация (доступ онлайн из базы данных)

- Hesel, S. D. (2008). *The influence of technology on adolescent development: An eco-cultural analysis of cybersocial activity*. (Doctoral dissertation). Available from ProQuest Dissertations and Theses database. (UMI No. 3322174)

Редакция оставляет за собой право вернуть автору рукопись для приведения библиографических ссылок в соответствии с настоящим стандартом.

Резюме. Рукопись должна включать информативное резюме статьи объемом 800-1000 знаков, содержащее описание сути научного сообщения (основная идея и цель, методы, результаты исследования) на русском и английском языках, а также ключевые слова (не более десяти). К рукописи должны прилагаться: название статьи на английском языке, транслитерированная фамилия автора, транслитерированный и переведенный на английский язык библиографический список.

Авторская справка должна включать в себя сведения о учёной степени и звании, месте работы, должности, а также адрес электронной почты и почтовый адрес учреждения, в котором работает автор.

Редакция журнала располагается по адресу: 350040, Россия, Краснодар, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, к. 412Н.

Распространение журнала. Журнал распространяется по подписке. С отдельными номерами нашего журнала можно ознакомиться и приобрести их в библиотеке факультета управления и психологии КубГУ — 4-й этаж Нового корпуса, к. 414Н. Библиотека открыта в рабочие дни с понедельника по пятницу с 10 до 17 часов.

TO THE AUTHORS OF HUMAN. COMMUNITY. MANAGEMENT JOURNAL

.....

Research articles, reviews and surveys are accepted not more than 32000 characters long incl. spaces (up 0.8-quire long) as a MS Word for MS Windows document attached to an e-mail at chsu1999@yandex.ru, journal@manag.kubsu.ru (please e-mail at both accounts).

Authorial information. A manuscript must include the information about author/s: full name/s, scientific degree, scientific title, place of work, job position, telephone No., e-mail and postal address.

Designing references. An author must mention the sources in which he/she takes citations, statistical data, and other information. **References** list must appear at the end of an article, in which the cited/mentioned sources must be grouped alphabetically, each numbered. Bibliographical description of a source must include the place of publishing, the name of publishers (except for periodicals), and the year of publishing. Russian-language sources should appear on the list first followed by those of foreign language/s

Making-up reference list. References must be arranged according to APA standard: <http://library.tamu.edu/help/help-yourself/citing-sources/files/Using%20APA%20Format.pdf>

The editor's board reserves the right to return a manuscript to make up references according to the requirements mentioned.

Abstract. A manuscript must include the article's insightful abstract not more than 800-1000 characters long, containing the description of the research message essence (basic idea and goal, methods, results) in Russian and in English, keywords (not more than 10). The following data must accompany the article: the title of the article in English, the author' full name transliterated in Latin characters, the reference list transliterated in Latin characters and translated into English.

The journal publishes articles in the fields of political science, political, public and municipal management and local economies, managerial consulting, general, personal, social, pedagogical, economic and labor psychology, developmental psychology, etc.

Author's certificate must include information about the scientific degree and title, place of work, position, and e-mail address and the institution address where the author works.

.....

Editor's board address: Kuban State University, room 149412H, Stavropolskaya St., Krasnodar 350040, Russian Federation.

Distribution. The journal is distributed by subscription. It is possible to read some issues of the journal at the library of the Dept. for Management and Psychology of KubSU (4th floor of the university new building, room 414H, open Mon — Fri, 10 am — 5 pm).

РЕЦЕНЗИРОВАНИЕ РУКОПИСЕЙ

.....

Рассматриваются для публикации материалы, имеющие высокую степень оригинальности, не публиковавшиеся ранее. В течение 5 дней автор получает уведомление о получении статьи и включении ее в цикл рецензирования. Для проведения рецензирования и экспертизы работ в качестве рецензентов и экспертов могут привлекаться как члены редакционной коллегии и редакционного совета, так и другие высококвалифицированные ученые и специалисты, обладающие глубокими профессиональными знаниями и опытом работы по конкретному научному направлению, как правило, доктора наук, профессора. Рецензентом не может быть автор или соавтор рецензируемой работы. Проводится анализ представленной статьи в режиме «двойного слепого» рецензирования. В течение 30 рабочих дней с даты принятия статьи автору высылается ответ с вариантом мотивированного решения: (1) статья рекомендуется к печати, (2) статья рекомендуется к печати после доработки, (3) статья не рекомендуется к печати. Редакция не знакомит авторов с текстом рецензий, при необходимости сообщая о замечаниях и рекомендациях по доработке статьи.

REVIEWING THE ARTICLES

.....

The materials are considered for publication unpublished before and freshness. In 5 days upon arrival an author receives the acknowledgement letter informing him/her that his/her article has arrived and queued up for peer-reviewing by either editor's board/committee members and/or other highly qualified scientists/experts with deep professional knowledge and practical experience in a specified scientific field, among them being mostly Doctors of Science and Professors. Neither author/s nor co-author/s can be a reviewer. The article presented is analyzed by double-blind peer-reviewing. In 30 days upon the article is accepted the author is sent the answer with a reasoned decision of the following options: (1) the article is recommended to publish, (2) the article is recommended to publish after revision, (3) the article is not recommended to publish. The editor's board is not to supply the applicant with review texts of review but informs him/her about remarks and recommendations if the revision is necessary.